

КРАСНОДАР

литературный

Март 2022

№ 1, МАРТ 2022

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде направлять на адрес:

snmakarova@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терехин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроника</i>	3	<i>Никита Брагин</i>	37
<i>Наталья Ламосова</i>	3	На расстанях России	
Памяти Петра Ефимовича Придиуса К 90-летию со дня рождения		<i>Наталья Возжаева</i>	40
<i>Людмила Мурашова</i>	4	Было слово...	
Поэтические дуэли		<i>Проза</i>	43
Оставил "среди живущих Память, как песню, смолкшую за речкой" ... Владимир Саяпин. Некролог	5	<i>Юрий Азаров</i>	43
<i>Новые книги</i>	6	Дядя Коля. Рассказ	
Анатолий Ильяхов. "Зенобия из рода Клеопатры"	6	<i>Ольга Немыкина</i>	56
Пётр Чихачёв. "Московские встречи"	6	Двойка. Рассказ	
Антология "Всемирное дерево поэзии"	6	<i>Владимир Романов</i>	59
Анна Вартаньян. "Олина дорога"	6	Жизненные уроки. Отрывок из повести	
К 75-летию Краснодарской краевой писательской организации	7	<i>Игорь Корниенко</i>	65
Литературные имена Кубани	7	Земля пухом. Рассказ	
<i>Людмила Бирюк</i>	7	<i>Людмила Бирюк</i>	72
"Моею любовью смогу я добавить тепла на планете..." Памяти Вячеслава Динеки	7	Река времён. Роман (окончание)	
<i>Имена и даты</i>	7	Победители краевого конкурса "Семь Я"	104
Владимир Юдин	11	<i>Людмила Чекменёва</i>	104
Святые горы К 185-летию со дня трагической гибели А.С. Пушкина	11	"Везунчик". Рассказ	
<i>Александр Шарипов</i>	14	<i>Леонид Барановский</i>	106
Движители истории – идеи и герои...	14	Валькины каникулы. Рассказ	
<i>Сергей Левичев</i>	14	Мир без стен	113
Удивительная жизнь инженера Кутепова	14	<i>Анга Гаяна (Колумбия)</i>	113
<i>Поэзия</i>	14	Даже если перед тобой... Стихи	
<i>Нина Хруц</i>	24	<i>Оскар Сааведра (Чили)</i>	114
Цветут твои, мама, герани...	24	Поэзия без голоса и духа... Проза	
<i>Лидия Железовская</i>	27	Семейное чтение	115
Жду первую желанную строку...	27	<i>Анна Вартаньян</i>	115
<i>Ирина Иванченко</i>	29	Что такое, что случилось... Стихи для детей	
Менестрели поют о счастливой любви...	29	Дебют	118
	29	<i>Юрий Наумов</i>	118
	29	Пока молодой...	
	32	Внимание! Конкурс	120
	32	Положение о краевом литературном семинаре, посвящённом 85-летию края	120
	35	Положение о краевом литературном фестивале-конкурсе "Цвет памяти"	121

ПАМЯТИ ПЕТРА ЕФИМОВИЧА ПРИДИУСА

К 90-летию со дня рождения

Начавшийся 2022 год ознаменован юбилейной датой для всех писателей Кубани – 75 лет назад было учреждено Краснодарское отделение Союза писателей РСФСР. Литературный музей Кубани с момента открытия, в 1988 году, тесно сотрудничает с краевой писательской организацией, проводит творческие встречи, юбилейные и тематические выставки, занимается комплектованием и сбором материалов кубанских писателей, устраивает и проводит множество совместных мероприятий, принимает участие в проектах Краснодарского отделения Союза писателей России. В течение этого года мы планируем делиться с читателями журнала "Краснодар литературный" накопившимися за долгие годы знаниями и материалами о писателях-юбилярах. И первый, о ком мы хотим рассказать, – это Пётр Ефимович Придиус, 90-летие со дня рождения которого отмечалось 10 января. На самом же деле с датой его рождения всё не так просто – Пётр Ефимович родился 28 июля 1932 года, но прибавил себе полгода, так торопился поскорее вступить в комсомол, но об этом знала только семья. Примечательно, что день 10 января оказался пророческим для будущего крупного журналиста и прекрасного организатора – между днём рождения газеты "Кубанские новости" (5 января) и Днём российской печати (13 января). Родина его – станица Бесстрашная, что находится в Отрадненском предгорье Краснодарского края. В семье потомственного казака Ефима Алексеевича и его жены Фёклы Устиновны было пятеро сыновей, Петя был младшим из них. Отец погиб на фронте в Великую Отечественную, братья тоже воевали, но вернулись, к счастью, живыми. Школу сельский паренек окончил с золотой медалью, успел поработать репортёром в районной газете, а потом выбрал для продолжения образования самый престижный вуз страны – Московский государственный университет. И самое удивительное, что поступил туда на факультет журналистики при конкурсе 40 человек на одно место! Окончил, как и школу, с отличием. Мог бы остаться в Москве, но в поисках романтики поехал, как и многие в то время, на целину, в Казахстан. Задержался там на 11 лет, работая редактором районной газеты, выходявшей на двух языках, казахском и русском. Затем Пётр Ефимович вернулся на малую родину, имея за плечами большой опыт журналистской работы, руководил творческими коллективами печатных изданий в различных районах Краснодарского края. В Адыгее был редактором газеты в станице Гиагинской, затем

заместителем главного редактора "Адыгейской правды", редактором газеты в Брюховецком районе, собкором "Советской Кубани", заведующим сектором печати Краснодарского крайкома партии, главным редактором литературно-художественного альманаха "Кубань". В трудные времена всеобщего развала страны, в 1991 году, Пётр Ефимович создал и на протяжении десяти лет был главным редактором газеты "Кубанские новости", выступая на её страницах с острыми публицистическими миниатюрами под псевдонимом "Степан Хуторской", позже вошедшими в книгу "Богато ж у нас всяких глупостей". В газете он создал сильный, сплочённый коллектив журна-

заместителем главного редактора "Адыгейской правды", редактором газеты в Брюховецком районе, собкором "Советской Кубани", заведующим сектором печати Краснодарского крайкома партии, главным редактором литературно-художественного альманаха "Кубань". В трудные времена всеобщего развала страны, в 1991 году, Пётр Ефимович создал и на протяжении десяти лет был главным редактором газеты "Кубанские новости", выступая на её страницах с острыми публицистическими миниатюрами под псевдонимом "Степан Хуторской", позже вошедшими в книгу "Богато ж у нас всяких глупостей". В газете он создал сильный, сплочённый коллектив журна-

листов-единомышленников, для которых редакция стала вторым домом. А скольким людям он помог, каким действенным тогда было печатное слово!

В 1994 году Пётр Ефимович был принят в Союз писателей России, стал сопредседателем его регионального правления, возглавлял практически до конца своих дней краевую писательскую организацию, направляя и поддерживая начинающих авторов. В те времена сотрудничество кубанских писателей с Литературным музеем Кубани стало особенно тесным, и когда по приглашению сотрудников музея в Краснодар с неофициальным визитом приехал Владимир Емельянович Максимов, Пётр Ефимович был единственным представителем прессы, взявшим у него интервью для газеты. Придиус всячески поддерживал музей, был, несмотря на свою большую занятость, непременным участником творческих встреч и мероприятий.

П.Е. Придиус стоял у истоков возрождения кубанского казачества, недаром станичники избрали его атаманом Бесстрашной, в которой он мечтал восстановить некогда разрушенную церковь. Кроме журналистской, редакторской работы, он не оставлял занятий литературой, написал и выпустил около 10 книг прозы и публицистики: "Заветное поле", "Каждый месяц – политдень", "Отраденское предгорье", "Родное: о земле и людях, радеющих о ней", "Даша и Рыжка", "Звездопад", "Просто русские", "Сестра наша – Беларусь" и др.

Заслуги Петра Ефимовича отмечены журналистской премией "Золотое перо Кубани", званиями заслуженного работника культуры России и заслуженного журналиста Кубани, почётного гражданина Отраденского района.

Ушёл из жизни писатель в праздник Покрова, который он очень любил, 14 октября 2003 года, но имя его живёт в названии одной из улиц Краснодара, в памяти литераторов, журналистов, деятелей культуры, многих-многих кубанцев и, конечно, дочери Майи, внуков и правнуков.

В фондах Литературного музея Кубани хранится комплекс материалов Петра Ефимовича: книги, дипломы, документы, фотографии и другие мемориальные предметы, переданные Майей Придиус. Они составили основу подготовленной к 90-летию со дня его рождения выставки, проходившей в Литературном музее.

Наталья Ламосова,

старший научный сотрудник Литературного музея Кубани,
кандидат педагогических наук

ПОЭТИЧЕСКИЕ ДУЭЛИ

В Литературном музее Кубани 29 января 2022 года поэты Клуба молодых литераторов (СМЛК) дрались на дуэлях. И конечно, в итоге все ощутили вкус победы: и мастера поэтических дуэлей, и азартно развлекавшиеся участники. Поскольку спонтанно биться на поэтической дуэли сложно, молодые авторы имели возможность запастись "оружием". В Литературный музей они пришли с подготовленными стихами на вечные темы, которые актуальны для каждого поэта: 1. Жизнь, 2. Смерть, 3. Любовь, 4. Ненависть/Неприязнь, 5. Свобода, 6. Война/Борьба, 7. Природа, 8. Смысл творчества (поэзия, я – поэт), 9. Грусть, 10. Радость, 11. Правда и ложь. Порядок поединков был также определён заранее: двое произвольно-добровольных дуэлянтов выходили и по обоюдному согласию выбирали тему для дуэли из 11 предложенных. Далее следовала сама дуэль.

Изюминкой вечера стало голосование по древнегреческому принципу "чёрного и белого камня", обеспечившее абсолютную объективность и анонимность. Каждый присутствующий получил в своё распоряжение светлую и тёмную бусину, которую после поэтического представления бросал в контейнер авторов – понравившемуся "светлый камень", другому – "тёмный камень". Таким образом определялся победитель дуэли. Авторы, признанные сильнейшими в первом раунде, соревновались далее. Выиграв серию поединков, лучшим стал Юрий Наумов. Диплом мастера поэтических дуэлей второй степени получил Никита Кривошеев, Диплом третьей степени – Анна Пивоварова.

Людмила Мурашова,

руководитель Клуба молодых литераторов при КРО СП России,
руководитель Совета молодых литераторов Кубани (СМЛК),
кандидат филологических наук

ОСТАВИЛ "СРЕДЬ ЖИВУЩИХ ПАМЯТЬ, КАК ПЕСНЮ, СМОЛКНУВШУЮ ЗА РЕЧКОЙ"...

6 февраля на 64-м году жизни скоропостижно скончался Владимир Юрьевич Саяпин.

Владимир Юрьевич Саяпин – видный деятель историко-культурной и общественной жизни Каневского района. Член Российского общества историков-архивистов, Союза журналистов России и Союза писателей России, он внёс весомый личный вклад в развитие литературного творчества и архивно-поисковой деятельности земляков. И оставил после себя богатейшее наследие – уникальные прозаические и поэтические произведения.

Выпускник Каневской школы № 1, Владимир Саяпин успешно окончил Кубанский сельхозинститут. Трудовую деятельность начинал в должности инженера одного из колхозов Красноармейского района. В 1983 году назначен старшим инженером колхоза "Россия" Каневского района, в 1987 году – главным инженером филиала проектного института СКБ "Сельхозаммиак", в 1991–1992 гг. – начальником Каневского участка краевой регламентной станции по ремонту агрооборудования. В 1992–2005 гг. работал генеральным директором страховой компании "АСКО-Каневская ЛТД", в 2005–2013 гг. – председателем Каневской Торгово-промышленной палаты.

Человек, увлечённый краеведением и щедро одарённый природным писательским талантом, В.Ю. Саяпин работал по совместительству в районном историко-краеведческом музее. С 2013 года и до последних дней своей жизни – в централизованной клубной системе "Колос" Каневского сельского поселения.

Литературную и журналистскую деятельность В.Ю. Саяпин начал, ещё будучи студентом. С 1976 года публиковался в корпоративной газете "Кубанский сельхозинститут", краевых изданиях "Комсомолец Кубани" и "Советская Кубань", газете "Голос правды" Красноармейского района, газете "10-й канал" Каневского района, журнале "Юность" и других изданиях.

С 1994 года Владимир Юрьевич стоял у истоков историко-литературного альманаха "Каневчане", а в 2008 году возглавил его редакционную коллегию. При поддержке и неравнодушном участии коллег и друзей-меценатов главред Саяпин поднял качество журнала "Каневчане" до такого уровня, что это издание обрело известность и востребованность не только в Каневском районе, но и по всей России и за её пределами.

Капитан запаса Саяпин – потомственный казак и активный участник возрождения кубанского казачества. Первый атаман Каневского районного казачьего общества (1993–1997 гг.), войсковой старшина, награждён пятью медалями и отличительными знаками войскового руководства. Тема истории, быта и традиций кубанского казачества нашла достойное отражение в литературном творчестве Владимира Юрьевича.

Произведения В.Ю. Саяпина вошли в его авторские прозаические и поэтические сборники "Не гони меня, ветер", "Дедова свеча", "Саксофон на ветру", "Всё шире круги по воде...", "Жизни река... Омут памяти", "Души васильковая грусть". В последние годы он вдохновенно и плодотворно писал, за полгода со дня выхода в свет последней книги из-под его пера вышли 24 стихотворения.

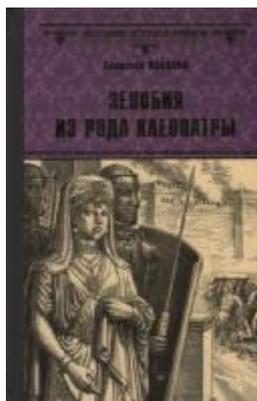
Талант и работоспособность поэта и писателя Владимира Саяпина отмечены множеством престижных наград местного, регионального и всероссийского уровней. И главное – по достоинству оценены поклонниками творчества талантливого поэта.

Владимир Юрьевич был прекрасным отцом и дедом, надёжным другом и верным товарищем. Он ценил жизнь и умел в нужную минуту протянуть руку помощи ближнему.

Выражаем глубокие соболезнования родным и близким покойного. Светлая вечная память поэту и журналисту Владимиру Саяпину...

Правление Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

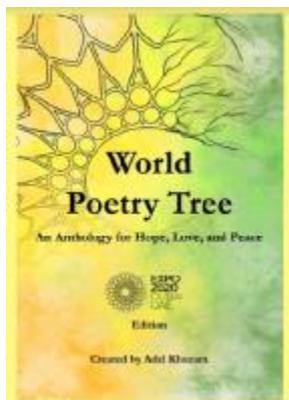
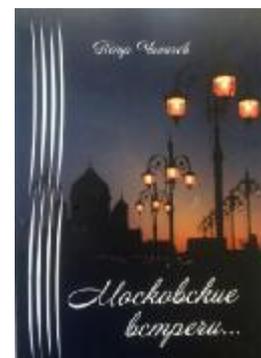

Новый роман известного кубанского писателя-историка Анатолия Ильяхова "Зенобия из рода Клеопатры" посвящен драматическому противостоянию сирийской царицы Зенобии и римского императора Аврелиана. Чтобы избавить родную Пальмиру от владычества Рима, отважной воительнице неизбежно предстоит схлестнуться в жестокой битве с умным и сильным врагом. И на поле боя, и в дипломатии, и в личной жизни... Ведь царица не только умна и важна, но и необычайно хороша собой.

Роман написан ярко, со множеством малоизвестных исторических фактов и представляет огромный интерес для любителей истории, преподавателей и студентов исторических факультетов, а также для самого широкого круга читателей. Особенно он актуален в наши дни, в свете последних событий в Сирии, когда современные вандалы-террористы уничтожили уникальные древние сооружения.

Роман А.Г. Ильяхова издан в московском издательстве "Вече" в 2022 году.

В 2021 году исполнилось 115 лет со дня рождения замечательного поэта, который более 20 лет, с 1945 по 1966 годы, прожил в Новороссийске. Три сборника стихов поэта вышли при его жизни в Краснодарском книжном издательстве: "Живой родник" (1964), "Избранные стихи" (1967) и "За годом год" (1972). Издатель и составитель Ирина Воскресенская собрала в одной книге различные по жанру работы автора и посвятила этот сборник 115-летию со дня рождения поэта. В сборник вошли литературные воспоминания Петра Чихачёва "Московские встречи", изданные в 2008 году очень маленьким тиражом литератором и переводчиком Евгением Савченко, стихи разных лет, статьи из газеты "Новороссийский рабочий" за 1964–1965 годы, написанные корреспондентом городской газеты Чихачёвым, воспоминания современников о нём, а также два письма от старшей сестры Сергея Есенина, любезно переданные издателю дочерью Петра Васильевича. Книга издана в Новороссийске в 2021 году на частные средства.

В Дубае издана первая книга глобальной антологии "Всемирное дерево поэзии", книга была представлена на выставке Expo 2020 Dubai.

Министр культуры и молодежи ОАЭ Нура Аль Кааби заявил, что Министерство культуры и молодежи поощряет и поддерживает такие проекты. Антология содержит стихи 405 ведущих поэтов из 106 стран мира, среди которых номинанты Нобелевской премии по литературе, президенты мировых поэтических фестивалей, кураторы всемирно известных культурных журналов и площадок, а также профессора литературы из различных университетов. Книга "Всемирное дерево поэзии" войдёт в историю как первая в своём роде инициатива по сбору в антологии произведений литературных имен со всех континентов. Участвуя в Expo 2020 Dubai в 192 разных странах, ОАЭ объединили творческие голоса разных культур и различного происхождения.

Россию в антологии представляют Вадим Терёхин, Наталья Головатюк, Злата Голыжбина, Светлана Макарова-Гриценко, Дмитрий Мизгулин, Наталья Харлампиева, Андрей Сеньков, Алексей Калакутин и Эльдар Ахадов.

Член Союза писателей России Анна Евгеньевна Вартаньян живёт в городе Гулькевичи. На Кубани она известна как поэтесса, переводчица и поэт-песенник. Ею издано более двух десятков книг для детей и взрослых. Новая её книга называется "Олина дорога". Автор посвятила её своему спонсору – Ольге Романовне Вахтиной. Стихи Анны Вартаньян отличаются мягким лиризмом, душевной теплотой и удивительной напевностью, ведь автор не только талантливый поэт, но и музыкант. Кроме того, все стихи, помещённые в сборник – новые, ни одного из них автор не взяла из своих прежних изданий. Надеемся, что читателям они понравятся. Книга "Олина дорога" издана в редакции газеты "Каневские зори" в 2022 году.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИМЕНА КУБАНИ ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Ровно три четверти века назад на IX пленуме Союза писателей СССР была создана Краснодарская краевая писательская организация. А через три года она получила статус отделения Союза писателей СССР. В наши дни трудно представить, что первоначально в Краснодарском писательском Союзе было всего лишь пять членов. Для сравнения заметим, что сегодня в КРО СП России насчитывается свыше полусотни писателей.

Так кто же они были, самые-самые первые? Вспомним о них хотя бы очень кратко...

* * *

Жизнь Павла Кузьмича Иншакова (1908 – 1983) – пример судьбы целого поколения советской интеллигенции, рождённого революцией. Павел рано лишился родителей и воспитывался в екатеринодарском приюте. Работая на заводе, окончил вечерний рабфак, а затем и факультет русского языка и литературы Краснодарского пединститута – этой альма-матер многих писателей-ветеранов Кубани.

Павел Иншаков создал и возглавил литературное объединение в Краснодаре, стал редактором в только что образованном Краснодарском краевом книжном издательстве.

По его инициативе и под его редакцией перед самой войной увидели свет два первых номера альманаха "Кубань". Достоинно прошёл Павел Кузьмич Иншаков дорогами Великой Отечественной войны. Он начал службу в 1941 году рядовым бойцом кавалерийской части, а затем стал военкомом, военным журналистом, редактором дивизионной газеты.

Первые послевоенные годы – время его творческого становления. В 1949 году выходит в свет первый роман П.К. Иншакова "Боевая молодость". Книга стала настоящим событием для всех кубанских литераторов, для кубанских читателей, записывающихся в очереди в библиотеках края. Такого было время, такова была потребность людей вернуться на страницах книг в только что пережитое героическое прошлое. Именно после появления романа "Боевая молодость" Павла Иншакова приняли в члены Союза писателей СССР, а на учредительном собрании создаваемого Краснодарского краевого отделения СП СССР он был избран его главой – ответственным секретарём...

Главный груз всякого рода забот, долгих переговоров, сложной переписки с партийными и литературными инстанциями, выявления и сплочения пишущей братии во имя создания в Краснодаре краевого отделения Союза писателей СССР вынес на своих плечах Павел Кузьмич Иншаков. Кто сейчас оценит его подвижнический труд, тяжёлый, рутинный и неблагодарный? Иншаков запомнился читателям по светлым и правдивым книгам: "Весна", "Были два друга", "Крутые повороты", сборникам рассказов и документальным романам о войне...

* * *

О драматурге Николае Георгиевиче Винникове (1909 – 2004) ярко и эмоционально вспоминал в своё время краснодарский поэт Виталий Борисович Бакалдин:

"После долгих неудач к драматургу Николаю Винникову пришёл упорным трудом заслуженный успех. Он был принят в члены Союза писателей СССР, а в 1949 году пьесу "Степь широкая" поставил на гигантской сцене Центрального театра Советской Армии Алексей Дмитриевич Попов, крупнейший тогда режиссёр и теоретик театра. Режиссёр-постановщик и художник-постановщик спектакля были удостоены Сталинской премии, а вот автора пьесы... забыли. Сказались "добрые" старания краснодарских драмоделов-завистников, закидавших Министерство культуры и даже ЦК потоком всякого рода поклёпов на автора, вплоть до якобы скрываемого им белогвардейского прошлого.

Покорил сердца краснодарцев Николай Винников пьесой "Когда цветёт акация". Весёлая, озорная, льющаяся как песня на одном дыхании, комедия имела тогда огромный успех и прошла по сотням театров Советского Союза и в некоторых странах Восточной Европы. Именно с неё начал свою реформаторскую ломку в Ленинградском БДТ имени Горького Георгий Александрович Товстоногов. Как все создания великого режиссёра, его постановка была изысканна и сценически безупречна. Но наша, осуществлённая Тамарой Давыдовной Гогава, была душевнее, а для нас, краснодарцев, главное – своей! Ведь она была о Краснодаре в пору душистого цветения акаций (тогда ещё не погубленных "озеленителями" города), о студентах из нашего института, о нашем городском парке с нашим же расположенным в нём любимым краснодарцами летним рестораном "Огонёк", на веранду которого озорники в пьесе бросят нелюбимому доценту дохлую ворону в его ресторанное блюдо...

А композитору Григорию Евсеевичу Рывкину, да и мне, было отрадно, что зрители, выходя со спектакля, смотрели в программку, где были ноты и слова песенки "Краснодарский вальс", и напевали: "Краснодар мой, Краснодар мой, город первой заветной любви..." Этот вальс был написан нами по настоятельной просьбе Николая Георгиевича и, к нашей радости, сразу же был принят им при пер-

вом прослушивании. И зазвучала потом песня о Краснодаре со сцен многих и многих театров страны"...

* * *

Творчество Алексея Андреевича Кирия (1889 – 1954) неразрывно связано с Адыгеей. Некоторые читатели даже считают его адыгейским поэтом. Но Кирий родился в русско-украинской семье, в селе Круничполь Черниговской губернии. В поисках работы Алексей покинул родительский дом и отправился на Кубань. Долго пришлось ему скитаться и перебиваться случайными заработками, пока, наконец, судьба не улыбнулась будущему поэту. На талантливого юношу обратил внимание чиновник Екатеринодарского окружного суда А.Д. Лукаш. Он взял его писарем и разрешил пользоваться своей богатой библиотекой.

После Октябрьской революции Кирий издаёт сборник стихов на украинском языке "Збірка поезій". В то время издание книги было делом престижным и открывало перед молодым поэтом радужные перспективы.

В 20-е годы прошлого века, работая в адыгейском областном суде, Алексей Кирий читает книги по истории и культуре адыгов, изучает адыгейский язык. Признание и успех пришли к Алексею Кирию в 1932 году, когда в Киеве вышла его книга переводов под редакцией Максима Рыльского, открывшая украинскому читателю самобытный адыгский фольклор. Вскоре из-под его пера выходит поистине грандиозное произведение – поэма "Адыге". В письме к известному кубанскому писателю Юрию Лебединскому Кирий объясняет выбор темы: "30 лет я проработал в суде, из них несколько лет был старшим секретарём Адыгейского областного суда. Работа сблизила меня с адыгейским народом, я заинтересовался его жизнью, его историей. Всей душой полюбил я адыгейский народ и задался целью написать о нём поэму". Первые две части поэмы вышли в 1941 году. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала завершить издание...

Только в 1948 году произведение было издано полностью, отдельной книгой. Живо, ярко и сочувственно рисует поэт славную историю адыгейского народа с древнейших времен до советского времени: набеги крымских ханов, межплеменные распри, освободительные войны, борьба народа за счастье... В последующие годы Кирий продолжал свою творческую деятельность, но поэма "Адыге" всё-таки осталась его самым выдающимся произведением.

* * *

Все кубанцы, от мала до велика, знают о подвиге братьев Игнатовых – Евгения и Геня (Геннадия), совершённом во время Великой Отечественной войны. Их славные имена носит краевая детская библиотека. Отец героев, Пётр Карпович Игнатов (1894 – 1984), был одним из тех, кто вошёл в пятерку первых членов Краснодарского отделения Союза писателей СССР.

Во время революции 1917 года и Гражданской войны Пётр Карпович занимался формированием красногвардейских отрядов, боролся с бандитами в рядах рабочей милиции. Переехав в 1923 году с семьёй на Кубань, он заочно окончил Московский институт лесной промышленности. Энергичный и образованный, Игнатов стал консультантом краснодарского комбината "Главрасжирмасло", а в 1940 году – ректором Краснодарского химико-технологического института жировой промышленности (Кубанский государственный технологический университет).

С первых же дней Великой Отечественной войны Пётр Игнатов становится подпольщиком. Партизанский отряд "Бати" (подпольный псевдоним Игнатова) был не совсем обычным. В него входили рабочие высокой квалификации, техники и инженеры, проявлявшие большую техническую изобретательность. Они успешно пускали под откос немецкие эшелоны, взрывали склады с боеприпасами...

Дети Петра Карповича погибли в 1942 году при выполнении боевого задания: ценой своей жизни они взорвали немецкий эшелон с живой силой противника. Посмертно братьям Игнатовым было присвоено звание Героев Советского Союза.

Боевые действия, оккупация Краснодара, работа подпольщиков, беспримерный подвиг сыновей легли в основу повестей Петра Игнатова "Братья-герои" и "Записки партизана", написанных ещё во время войны. Впоследствии Пётр Карпович издал ещё около полутора десятка книг, среди которых наиболее известны: "Жизнь простого человека", "Подполье Краснодара", "Наши сыновья", "Голубые солдаты" и другие.

* * *

Самым заслуженным и титулованным в только что созданной краснодарской писательской организации был Александр Николаевич Степанов (1892 – 1965). Его роман-эпопея "Порт-Артур" получил народное признание, за него в 1946 году писателю была присуждена Сталинская премия.

Тема русско-японской войны 1904 – 1905 годов была писателю хорошо знакома. Двенадцатилетнему Саше довелось принять участие в обороне Порт-Артура. Его отец, Николай Иванович Степанов,

командовал батареей Электрического Утёса, а затем Суворовской мортирной батареей на Тигровом полуострове. Пытливый, наблюдательный мальчик всё видел и записывал в дневник.

В 1917 году Александр Степанов поступил в Петроградскую Артиллерийскую академию. Во время штурма Кронштадта Степанов провалился под лёд Финского залива, тяжело заболел и был вынужден уехать лечиться на юг, в Краснодар.

Так Александр Николаевич оказался в нашем городе, в котором прожил ни много ни мало – 20 лет. Все его мысли были заняты Порт-Артуром. Собственные дневниковые записи и мемуары отца помогали ему в создании романа... Мы гордимся тем, что великая эпопея "Порт-Артур" впервые вышла в свет в Краснодаре: первая книга в 1940-м, а вторая в 1942 году.

Роман Степанова построен на контрасте: с одной стороны – сокрушительные поражения царской армии, её неподготовленность к ведению войны, с другой – беспримерное мужество русских солдат и матросов, которым восхищаются даже японские генералы. В той войне потерпел поражение не русский народ, а бездарное командование, одержимое нелепыми идеями, лжепатриоты, поддерживающие свой авторитет с помощью кулаков. Настоящими защитниками Порт-Артура становятся простые солдаты, такие, как старик Капитоныч:

"Я в Севастополе воевал с англичанами, французами, турками, сардинцами и знаю, что супротив русского солдата никто не может устоять!"

Степанов получал сотни писем от участников обороны Порт-Артура, которые делились с ним воспоминаниями, рассказывали о малоизвестных фактах. Писатель постоянно совершенствовал своё произведение, дополняя его новыми деталями. Роман "Порт-Артур" вошёл в золотой фонд русской литературы, издавался семнадцать раз тиражом более миллиона экземпляров и был переведён на многие языки мира.

Впоследствии Александр Николаевич работал над продолжением романа "Порт-Артур" – "Семья Звонарёвых", но закончить его не успел... В русскую и мировую литературу Александр Степанов вошёл именно как автор "Порт-Артура", великого романа о трагической войне.

* * *

Их было только пятеро, наших писателей-земляков, стоявших у истоков Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, но они сумели доказать, что кубанские писатели способны занять достойное место в строю великих мастеров пера русской и мировой литературы.

Редакционная коллегия

Николай Краснов

Николай Степанович Краснов, поэт, прозаик и участник Великой Отечественной войны, член Союза писателей СССР-России родился в 1924 г. в городе Ульяновске. После окончания средней школы он работал на оборонном заводе, а потом был призван в ряды Советской Армии. Военная служба Николая Степановича прошла на Ленинградском фронте, где он в качестве рядового пулемётчика принял участие в боях и был тяжело ранен при штурме Выборга.

В 1946 – 1950 гг. Н.С. Краснов работал в "Ульяновской правде" и на радио, а также учился на заочном отделении Литературного института им. Горького. К этому периоду относятся первые творческие успехи молодого литератора. На его стихи обратил внимание Александр Трифонович Твардовский, и в "Литературной газете" за 2 августа 1947 г. появилась поэтическая подборка с кратким предисловием знаменитого поэта: "Стихи Николая Краснова". Это событие открыло широкую дорогу молодому таланту: стихи его начали выходить в центральных журналах, издаваться отдельными сборниками. В феврале 1949 г. Николай Степанович был принят в Союз писателей СССР.

В 1998 году Николаю Степановичу Краснову была присуждена премия администрации Краснодарского края в области науки, образования и культуры за книгу "Яблоко хорошавка". Он лауреат Международного конкурса детской и юношеской научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого. Книги Краснова издавались в Москве, Ульяновске, Саратове, Краснодаре.

Умер писатель в 2010 году в Краснодаре.

Н. С. Красновым было издано 30 стихотворных и прозаических сборников. Всё, о чём пишет поэт, написано тепло, человечно и мягко. Главная тема 20 сборников стихов и более 10 книг прозы Н. С. Краснова – народный подвиг в Великой Отечественной войне. С приездом на Кубань появилась казачья тема (повести "Притча о коне", "Лошади для Италии", "Кинь – грусть"). Кубанские стихи и поэмы вошли в сборники "Твой названный брат", "Орлиный залёт", "Хочу поведать" и др.

В Литературном музее Кубани, в зале, посвящённом писателям Кубани во время Великой Отечественной войны, вы сможете увидеть книгу стихов Н.С. Краснова "Зов Родины" (1948), а также его письма к матери.

Иван Мутовин

Полковник контрразведки, писатель и журналист, член Союза писателей России Иван Иосифович Мутовин родился в 1920 г. в Сибири, в таёжном селе Богучаны на берегу реки Ангара, где прошли его детство и школьные годы. Свой путь в литературу он начал с написания частушек для сельской художественной самодеятельности. Юный писатель также создавал заметки о жизни селян и посылал их в районную газету (ныне "Ангарская правда"). В газете оценили литературный дар И.И. Мутовина, и в возрасте 14 лет он уже работал ответственным секретарём районной газеты. Позднее учился в Сибирском лесотехническом и Московском институте им. Баумана.

Иван Иосифович – участник Великой Отечественной войны, в 1944 – 1945 гг. на фронте в составе группы чекистов принимал участие в военно-разведывательных операциях в Литве и Польше.

На Кубань приехал в 1953 г., работал начальником экономического отдела КГБ Краснодарского края, занимался контрразведкой за рубежом. На Кубани И.И. Мутовин вышел в отставку в чине полковника, всего в органах госбезопасности он проработал около 40 лет.

Книги И.И. Мутовина "Италия вблизи", "От Нерона до неона", "Меч не ржавеет" и др. начали выходить с 1964 г. А с 1990-х писатель выпустил пятнадцать книг серии "Выдающиеся разведчики и контрразведчики XX века". За эту серию им была получена первая премия на всероссийском конкурсе, посвящённом 55-летию Победы.

И.И. Мутовин за годы работы в контрразведке накопил интереснейший документальный материал – в своих книгах он исследовал опыт работы спецслужб, привлекая засекреченные в его время материалы. И.И. Мутовину по долгу службы доводилось встречаться с первым космонавтом планеты Юрием Гагариным и главным конструктором Сергеем Королёвым. Повесть "Абель" Иван Иосифович написал о резиденте советской разведки в США Рудольфе Абеле, с которым он не раз встречался. И.И. Мутовин также был лично знаком и с И.В. Сталиным и с Н.С. Хрущёвым.

И.И. Мутовин был награждён орденами и медалями СССР, он был лауреатом премий им. В. Ставского, "Золотое перо Кубани".

Умер Иван Иосифович Мутовин в 2010 г., оставив после себя замечательное творческое наследие.

Александр Мартыновский

Александр Дмитриевич Мартыновский – прозаик, поэт, журналист, член Союза писателей России – родился в 1938 г. в Казахстане, жил на Кубани с 1950 г. После окончания семилетки он поступил в Майкопский сельскохозяйственный техникум. Трудовая биография Александра Дмитриевича началась в колхозе "Путь к коммунизму" Красноармейского района Краснодарского края.

Ещё в детстве А.Д. Мартыновский пробовал писать стихи, это увлечение вернулось в годы учебы в техникуме. В 1957 году в областной газете "Адыгейская правда" были опубликованы его первые стихотворения, а в 1960-х гг. он стал пробовать себя в прозе. В 1979 г. была издана первая книга повестей и рассказов А.Д. Мартыновского "Эта улица мне знакома", затем были опубликованы сатирический роман "Спираль" (1989) и криминально-фантастический роман "Оборотни" (1992), за которые литературные критики назвали его "мастером гротеска". За повесть "Вечерняя рапсодия" (2011) писатель был удостоен Литературной премии имени А. Д. Знаменского.

Уже в ранней повести писателя "Трудное поле" (1982) можно отметить чувство сопричастности ко всему, что происходит рядом, рассказчик мягко и ненавязчиво подводит читателя к таким человеческим ценностям, как отзывчивость, самоотверженность, любовь к ближнему. Писатель Евгений Нестеренко говорил: "Для меня Александр Мартыновский – человек из нашей крестьянской семьи, из гущи народной. И пишет о том, чем живёт народ, о чём душа болит народная, и о чём прекрасном ей мечтается, несмотря ни на что..."

А.Д. Мартыновский был членом Союза писателей России с 1992 г., литературным консультантом по прозе и поэзии Краснодарской краевой писательской организации и членом Правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России. Александр Дмитриевич дружил с Литературным музеем Кубани, его книги с дарственными надписями, фотографии и документы хранятся в фондах музея

Александр Дмитриевич Мартыновский ушел из жизни на 83-м году жизни, но этот талантливый писатель и замечательный человек навсегда останется в сердцах всех, кто его знал.

Вагаршак Мхитарян

23 января – 101-я годовщина со дня рождения замечательного педагога, у которого учились многие поколения краснодарцев, журналиста, прозаика, драматурга, переводчика Вагаршака Христофоровича Мхитаряна.

Родился он в Армавире в 1921 году, в 1931-м семья переехала в Краснодар и поселилась в центре города, на улице Чапаева, неподалеку от Бакалдиных. Поэт Виталий Бакалдин с молодых лет стал другом Вагаршака Мхитаряна, а впоследствии и его соавтором. В 1959 г. два молодых педагога вместе написали пьесу о школе "Человек с последней парты", поставленную режиссёром Краснодарского театра драмы им. М. Горького Тamarой Давыдовной Гоговой. Сюжет другой пьесы "Верните бабушку!" (1973), с лёгкой руки режиссёра М. А. Куликовского принятой в репертуары многих театров страны, тоже был подсказан В.Х. Мхитаряну В.Б. Бакалдиным. На краснодарской сцене спектакль игрался более двухсот раз!

Вагаршак Мхитарян без экзаменов поступил в Ленинградский университет на факультет романской филологии. В 1946 г. Вагаршак Христофорович окончил Краснодарский педагогический институт и стал преподавателем иностранных языков. Его педагогический опыт был воплощён в повести о школе "Год – 13 месяцев", вышедшей в Москве в 1966 г. и переизданной краснодарским издательством "Традиция" в 2015 г.

В.Х. Мхитарян проявил себя и как драматург. Им была написана пьеса "Девичья фамилия" (1962). В 1975 г. он создал пьесу "Мы скоро вернёмся", в 1980 г. – "Хлопоты бубновой дамы". Последним произведением В.Х. Мхитаряна стала музыкальная комедия "Лебединая верность" (1990), написанная совместно с композитором Г.Ф. Пономаренко.

Добрую память о замечательном педагоге, журналисте, писателе хранят многие его ученики, деятели культуры и журналисты. Комплекс материалов В.Х. Мхитаряна был представлен на выставке в Литературном музее Кубани, а после её закрытия предметы были переданы его сыном, известным журналистом Христофором Вагаршаковичем, в музейные фонды. А совсем недавно в фонды музея был передан и письменный стол, принадлежавший крупному писателю, геодезисту, картографу Григорию Анисимовичу Федосееву, а впоследствии подаренный другу Вагаршаку Мхитаряну.

<https://www.instagram.com/litmuseum.kub/>

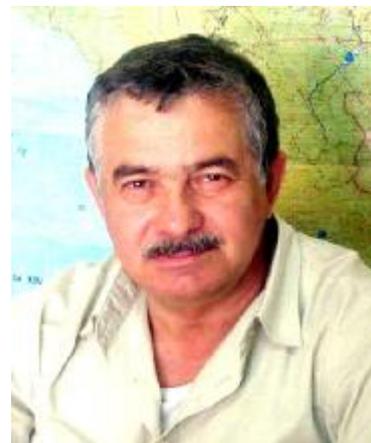
"МОЕЮ ЛЮБОВЬЮ СМОГУ Я ДОБАВИТЬ ТЕПЛА НА ПЛАНЕТЕ..."

Нет сил сказать про него – "был"... Поэт, друг, учитель, "военная косточка" – офицер и сын офицера. Его знала и любила Кубань. Его книги читала вся литературная Россия...

* * *

Помню, несколько лет назад мы ехали в автобусе в Анапу, на Всероссийский литературный конкурс – Василий Дворцов, Вячеслав Динека, Светлана Макарова-Гриценко и я. Вдруг пассажиры закричали от ужаса. Мы увидели в окна, что на встречной полосе произошло лобовое столкновение, одна из машин была объята пламенем. Наш автобус остановился. Женщины, побледнев, вжались в кресла, мужчины вышли, но не рисковали приблизиться к пылающей легковушке, стояли и смотрели, снимая зрелище на смартфоны. И только двое мужчин, ни минуты не колеблясь, не задумываясь, бросились к горящей машине в надежде спасти людей. Это были наши друзья, писатели Василий Дворцов и Вячеслав Динека.

Есть известное выражение: надо писать, как живёшь, и жить, как пишешь. В тот день я получила наглядный урок правдивости этих слов. Вот почему, когда я читаю стихи Вячеслава Динеки о мужестве, о любви, о патриотизме – я ему верю. В каждом его произведении – частица его самого. И в каждом его герое вижу самого автора. Живого... Есть люди, над которыми смерть не властна.

Любовь к Родине у Вячеслава Динеки не имеет ничего общего с казённым бодряческим урапатриотизмом. Распад СССР стал для поэта личной трагедией.

Ах, как радостно рушили дом!
В ожиданьи больших перемен
Все, когда-то рождённые в нём,
Суетились с открытым огнём...

Как истинный русский офицер и настоящий мужчина, Вячеслав Александрович был сдержан во всём: и в проявлении своих чувств, и в манере поведения. Жизнь посылала ему тяжкие испытания, на грани человеческих возможностей. Но он мужественно боролся с ними. Иначе нельзя: если пишешь о высоком, надо и самому быть на высоте. Стихи поэта – самый точный камертон, определяющий его личностные качества.

Вячеслав Динека в жизни чем-то напоминал мне Лесника – героя его одноимённого стихотворения, который из жалости подобрал раненного зайца и, ворча, нёс в свою избу...

Вот тащит лесник зверушку и рассуждает: для чего, мол, мне это нужно, зачем я с ним связался! Добро б, я его зажарил и съел, а теперь придётся возиться, выхаживать. И когда он, наконец, приходит в свой домишко, читатель с удивлением видит, что у сурового ворчуна уже имеются на иждивении и убогий ёжик, и хромой волчонок... Он о них заботится, не думая, выгодно это ему или нет. Просто любит их, и всё. Не знаю, почему, но мне всегда представлялось, что и в квартире самого автора тоже топала по паркету какая-нибудь живность. Но об этом он не писал и не рассказывал. Его творчеству всегда сопутствовала некая стеснительная сдержанность, в которой иногда проскальзывала самоирония. Каким же хорошим душевным здоровьем нужно было обладать, чтобы сказать о себе:

Мне всё равно! Хочу в пустыню!
Под саксаул! И под бархан!
Мой друг единственный отныне –
Гранёный "мухинский стакан"...

Но подобные мимолётные усмешки поэт позволял себе нечасто. Творчество Вячеслава Динеки сурово. Многие "традиционные" поэтические образы, вроде улетающих в тёплые края гусей-журавлей, Динека раскрывал по-своему:

И я бы бросил этот край унылый –
Как радостно за солнцем улетать!
Но только здесь
Отцовская могила
И дом отца,
И одинока мать...

В этом признании незримая связь с известной песней на слова Исаковского "Летят перелётные птицы", и в то же время своё собственное, давно выстраданное личное чувство.

Динека до обидного мало публиковал свою прозу. Не все читатели даже знали, что он не только поэт, но и прозаик. А между тем, его рассказы удостаивались самых высоких литературных премий России. Его любимая тема – история кубанского казачества, которую он воплощал в легендах из цикла "Сказы Тимофея Утикача". Многие герои Вячеслава Динеки словно сошли с полотна Ильи Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану". Тут и "казак видважный" Яков Стороженко, и "черкес буйный" Калаботоко Хадч, и "глупый" Гриць...

Сейчас мы как-то особенно обострённо воспринимаем творчество Вячеслава Динеки. Перечитываем его книги и удивляемся, какой он всё-таки был разный: то искромётно-весёлый, то романтически-возвышенный, то по-лермонтовски минорный. Поистине загадочный человек... У него было много друзей, но он свято берёг неприкосновенность своего внутреннего мира, вторгаться в который не позволял никому. Ещё одна его особенность: не любил Динека заручаться поддержкой известных корифеев пера, не записывал в тетрадку их лестные отзывы о своём творчестве. Предпочитал не быть на виду, не терпел, когда о нём много говорили, особенно, когда хвалили. Он редко появлялся в офисе Союза писателей, если там отмечались какие-нибудь праздники. Но, когда возникала какая-то серьёзная проблема или случалась беда – он непременно приходил первым. Помню, когда умер наш незабвенный Виталий Борисович Бакалдин, Вячеслав Динека сразу явился в Союз писателей и без лишних слов помог, чем мог.

Много лет Вячеслав Александрович работал ответственным секретарём в редакции газеты "Кубанский писатель" – с первого до последнего для существования нашей любимой газеты. Читатели,

быть может, не замечали его труда, считая, что вся информация, очерки, стихи и рассказы сами собой взлетают на газетные полосы. Но это не так. Ни одна строка не попадала в газету без благословения её ответственного секретаря.

Его буквально боготворили поэты краснодарского ЛИТО "Верность" и станицы Марьянской, которым он отдавал не только немало времени и труда, но и частицу своей души. А как же иначе? Во все времена люди тянулись к неординарной личности, к человеку сильному и светлому.

Простой в общении, дружелюбный и незаносчивый, всегда готовый поделиться с друзьями и учениками секретами своего поэтического мастерства, Динека сразу становился немногословен, если дело касалось его личной жизни. И когда его просили рассказать о себе, он предпочитал читать стихи.

Поэтическая книга "Цвет памяти", посвященная безвременно ушедшей жене, стала последней в жизни Вячеслава Динеки... Она слегка приоткрыла дверцу в его внутренний мир. Переживший в жизни немало душевных и физических потрясений, Динека доверил бумаге то, о чём не решался поведать вслух. О том, например, как, низвергаясь в бездну отчаяния, мечтал о "щепотке яда в пенистом стакане"... Но врождённое мужество помогало преодолеть все испытания.

За самобытной грустной иронией поэт часто прятал тревожное иносказательное предупреждение. Его любимым поэтом был Михаил Лермонтов – гонимый, неуживчивый, но смелый и честный, не побоявшийся сказать своему поколению, что "его грядущее иль пусто, иль темно". Прошли века, но проблемы остались те же, и наш кубанский поэт вслед за Лермонтовым говорил своему поколению то же самое:

Кто ж виновен, что мир – обман,
Что бездарно мы жизнь сожгли,
Что не мы повели в туман
Крутолобые корабли...

Невольно вспоминается лермонтовская "Дума", где в финале звучит горькое предсказание о суде грядущих поколений: "прах наш, с строгостью судьбы и гражданина, потомок оскорбит презрительным стихом". А в наше время разве не так? И мы снова обращаемся к Динеке:

Приговор произносит внук:
"Всё, что создано за века –
Это дело не ваших рук.
На просторах родной земли
Не смогли вы воздвигнуть храм,
Вы не теми путями шли,
Вас, несчастных, не жалко нам..."

Каждый раз, когда выходила его очередная книга, Динека непременно включал в неё стихи на военную тему. Поэт создал большой цикл стихотворений, посвящённых кубанским Героям Советского Союза и Российской Федерации. Всем поимённо! Цикл стихотворений о героях-кубанцах – поистине грандиозный труд, выполненный не формально, а с душой и вдохновением, с полной самоотдачей и великой благодарностью воинам-героям за их бессмертный подвиг.

Жизненная позиция Вячеслава Динеки всегда была проста и неизменна: служить Родине, как положено офицеру, любить свой народ, свою семью, быть честным и помогать тем, кто нуждается в помощи, не требуя за это ничего взамен. Всю свою не очень-то длинную, но яркую и самоотверженную жизнь поэт пытался "сквозь темноту" увидеть свет и радовался, когда это ему удавалось...

Людмила Бирюк

ВЛАДИМИР ЮДИН

Тверь

ЮДИН Владимир Александрович родился на Кубани, окончил Армавирский педагогический университет. Доктор филологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, академик Петровской Академии наук и искусств, член Союза писателей России. Лауреат литературных премий журналов "Молодая гвардия", "Советский воин" и секретариата Союза писателей РФ им. М.А. Шолохова и В.С. Пикуля. Печатался в журналах "Наш современник", "Молодая гвардия", "Дон", "Кубань", "Подъём", в российских и зарубежных печатных изданиях.

СВЯТЫЕ ГОРЫ

К 185-летию со дня трагической гибели А.С. Пушкина

*Величайший духовный и политический переворот нашей планеты
есть Христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился
мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима.
История новейшая есть история Христианства.
А.С. Пушкин*

В отечественном пушкиноведении, в публицистике и широкой массовой печати не утихают горячие споры: был ли наш величайший русский поэтический гений – "наше всё!" христоролюбивым, православным верующим как по религиозному мировоззрению, так и в своём многообразном поэтическом творчестве, или над ним довели и им твёрдо управляли материалистические, антиклерикальные силы и догмы?..

Вопрос, казалось бы, давно решён: да, в строгом соответствии с канонической морально-нравственной формулой Достоевского "Русский, сиречь православный" Пушкин, несомненно, был в высшей степени русским национальным поэтом и, стало быть, свято чтящим Господа и Православную веру. По Достоевскому, одно вытекает из другого и тесно взаимообусловлено.

В многочисленных воспоминаниях современников, в письмах поэта, в его пленительных стихах, сказках, поэмах, повестях, драмах – всюду явственно ощутимы его христианские, православно-религиозные искания, идеи, мироощущения, органично воплотившиеся в самых разнообразных персонажах, сюжетных коллизиях и глубоких авторских комментариях.

Однако ярые "пушкиноеды" вульгарно-материалистического, как правило, русофобского закупа жёстко и напористо возражают: недопустимо, мол, называть христоролюбивым автора богохульственной "Гавриилады", грязных и похабных стишков под именем Баркова, безосновательно, о чём скажу ниже, приписываемых Пушкину.

...Ещё с советских лет, когда в нашем литературоведении господствовал пресловутый "классовый подход" и абсолютно доминировала социологически выстроенная, "единственно научная и правильная" эстетическая методология, Пушкина рисовали яростным и непримиримым противником царя и монархии (прочитайте, к примеру, хваленный-перехваленный в своё время роман Юрия Тынянова "Пушкин"), адептом западного либерализма, ругателем русского духовенства и, в конечном счёте, ненавистником России. Более циничных, пошлых и безрассудных обвинений в адрес "солнца русской поэзии" придумать трудно...

Даже лояльные и вдумчивые исследователи сегодня всё ещё осторожно отмечают, что поэту, мол, была изначально свойственна антиклерикальность, но он эволюционировал "от нейтрального и даже критического отношения к православию до полного его признания и в некоторых случаях – во-

церковления", как, например, отмечает Л.А. Боброва (Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. – М., 1998, №3, с. 226 – 237).

В широком круге исследователей русской классической литературы, даже позитивно относящихся к Пушкину как православной личности, всё ещё можно встретить расхожие, достаточно устойчивые суждения, что жизнь поэта не была жизнью воцерковлённого человека, что, напротив, это была жизнь весьма одарённого, но легкомысленного "повесы"...

И тогда я позволил себе ещё раз вернуться к означенной теме, опираясь прежде всего на художественные тексты поэта, его основные биографические данные и эволюцию миропонимания, на доказательные суждения мудрых иерархов Русской Православной Церкви.

Сердце, жертва заблуждений...

...Начнём с ранних детских лет Пушкина. В дворянских семьях по обычаю детей воспитывали, давали им домашнее начальное образование французы – гувернёры. Так было и у Пушкиных. Гувернёры Монфор и Русло – первые иностранные учителя будущего великого поэта, надо подчеркнуть, малообразованные, очень далёкие от грамотного воспитания и понимания детской психологии, абсолютно чуждые русскому национальному духу, едко насмеявшиеся над всем русским и христианским.

Благо, неусидчивый, дерзкий, стремительный и вместе с тем очень любознательный Пушкин-ребёнок не очень-то жадно внимал невежественным наставлениям заезжих "педагогов". Не этим ли обстоятельством навеяны широко известные строки:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть...

"Так случилось, что в раннем детстве, которое в душе каждого человека оставляет обычно самые дорогие воспоминания на всю жизнь, Александр Сергеевич Пушкин был обделён материнской и отцовской лаской, – вспоминал Василий Львович Пушкин (1766 – 1830). Знаменитые иронические строки "Евгения Онегина" были как раз той самой шуткой, в которой всегда есть доля правды:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай Бог им долги дни!

Годы, проведённые в Царскосельском лицее, где господствовал дух неукротимого молодецкого либерализма, конечно, дали сильный толчок к развитию собственно поэтического дара будущего великого поэта, но вместе с тем и усилили на время печальные результаты домашнего антиклерикального воспитания.

Зато заботливое попечение обожавшей его няни Арины Родионовны Яковлевой, "подруги дней моих суровых" – простой русской крестьянки, получившей "вольную", неграмотной, но глубоко поэтичной натуры, осенённой светочем Господним, – Пушкин воспринимал с необыкновенной живостью и чутким трепетом. Бесспорное тому свидетельство – сохранившийся на всю жизнь в его благородной душе светлый образ христороливой няни. Арине Родионовне он посвятил стихотворения "Наперсница волшебной старины", "Зимний вечер", "Няне". Поэт трогательно упоминает няню в стихотворении "Вновь я посетил...", вспоминает о ней в "Евгении Онегине" (в образе няни Лариных – Филиппьевны), в отрывке "Сон":

Ах, умолчу ль о мамушке моей,
 О прелести таинственных ночей,
 Когда в чепце, в старинном одеянье,
 Она, духов молитвой уклоня,
 С усердием перекрестит меня
 И шёпотом рассказывать мне станет
 О мертвецах, о подвигах Бовы...
 От ужаса не шелохнусь, бывало,
 Едва дыша, прижмусь под одеяло,
 Не чувствуя ни ног, ни головы...

Не отсюда ли – из бездонного золотого кладезя многочисленных народных сказок, легенд и сказаний, которые поведала ему кудесница няня, проистекают дивные фольклорные мотивы в пушкинских шедеврах, определивших глубокую народность его эстетики и русского национально-философского миропонимания, тесно связанного с благородным православным христоролием?..

Исследователи жизни и творчества великого поэта давно уже показали, как много подлинно русского, национального впитал он в себя, общаясь с Ариной Родионовной, и по праву числит её в кругу самых близких его друзей. "Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками, – вспоминает О.С. Павлицева. – Александр Сергеевич, любивший её с детства, оценил её вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском. Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет семидесяти с лишком от роду, после кратковременной болезни" ("Друзья Пушкина". Переписка; Воспоминания; Дневники. – В 2-х т. М., 1985, Т. 1, с. 128).

В дальнейшем в качестве учителя и доброго наставника судьба даровала юному Пушкину очень незаурядную личность – человека высокой духовной культуры, редкостного благонравия и широкого образования, священника Мариинского института Александра Ивановича Беликова, преподававшего ему Закон Божий. Это им был составлен "Катехизис, или Краткое изложение православного христианского закона".

Протоиерей И. Предтеченский отмечал: "Следует с уверенностью сказать, что размышления священника Беликова по вопросам веры и нравственности оставили свой след в душе будущего поэта, в глубинах юного, пытливого Пушкина уже тогда замерцало **его религиозное сознание, которое никогда не угасало в нём, и даже тогда, когда за внешней оболочкой брезгливости он проводил время "в безумстве и лени"** (Прот. И. Предтеченский. Страницы из жизни и творчества А.С. Пушкина // Тверские епархиальные ведомости. 1994, №7 – 8, с. 15). (Выделено мной. – В.Ю.).

Кто в горячо пылающей иллюзиями и несбыточными романтическими представлениями юности не подвергал сомнениям всё и вся?! Кто не считал собственные, ещё не оперившиеся взгляды и представления, сколь бы наивны они ни были, самыми "умными", самыми глубокими и бесспорными?..

Важно понять, что Пушкин был чрезвычайно живой, порой даже экзальтированной, неудержимо восторженной личностью. Изначально он воспринимал мир как бесценное, дивное Божие творение, будущее рисовалось юному поэту в самых радужных и тёплых тонах. Поэт страстно устремился навстречу жизни, будто навстречу солнцу!.. Именно поэтому такой жизнерадостной и светлой станет его ослепительно чудесная лирика!..

Лишь пожив на свете, испытав чёрную изнанку жизни, получив жестокие и беспощадные удары судьбы, он начинает сознавать, как сложен, многолик и противоречив мир, как трудно переживается горе от ума... Вследствие этого станет глубоким, мудрым и драматичным его многожанровое творчество. Но останется неизменным одно – неувядаемая вера в счастье бытия, радость ощущения жизни, поклонение природе как великому и нескончаемому Божиему творению...

Если в юности Пушкина ещё одолевает сомнение: "Ум ищет Божества, а сердце не находит", то в зрелом возрасте поэт уже твёрдо и убедительно рассуждает: "Сердце, жертва заблуждений среди порочных упоений, хранит один святой залог, одно Божественное чувство" ("Бахчисарайский фонтан").

Пожалуй, не найти такого поэтического творения Пушкина, в котором прямо или подспудно не звучали бы вдохновляющие и жизнеутверждающие религиозно-христианские мотивы: "Странник", "Ангел", "Когда великое свершилось торжество", "Вечерня отошла давно", "На тихих берегах Москвы", "Надгробная надпись кн. А.Н. Голицыну"...

Наивысшее поэтическое озарение пушкинское православное сознание получило в его гениальных творениях – "Пророке", в молитве "Отцы пустыньники и жёны непорочны", в "Борисе Годунове" (монолог летописца Пимена), в "Евгении Онегине" (образ благонравной Татьяны Лариной), в стансах – "В часы забав иль праздной скуки", в стихотворении "Монастырь на Казбеке" и других.

Вслед за Достоевским (кому не известна его памятная, блистательная речь о Пушкине?..) архиепископ Камчатский и Сеульский Нестор (1884 – 1962 гг.) указывал на то, что именем Пушкина русское общество оказалось пробуждённым от чар богоборчества, от обильно проникавших в Россию с Запада революционно-радикальных антидержавных веяний и либеральных настроений, почувствовало себя снова русским, православным, облечённым высшим духовным призванием...

Понять истинного Пушкина-боголюбца, православного христианина помогает нам высокопреосвященнейший митрополит Анастасий (1873 – 1965 гг.), в миру Александр Александрович Грибановский, не однажды обращавшийся к личности и творчеству "солнца русской поэзии".

Наследуя духовное слово митрополита Филарета, архиепископа Никанора, митрополита Антония и других высоких русских иерархов-мыслителей, поставивших во главу угла своего пастырского слова неудержимую устремлённость к Русской идее, продолживших путь к познанию подлинно духовно-православного Пушкина, митрополит Анастасий возрождает традиции канонического воззрения на Пушкина, принятые Православием в дни общероссийских торжеств 1880-го и 1899 года.

Духовной жаждою томим

...В августе 1824 года Пушкин был сослан в село Михайловское Псковской губернии, где прожил безотлучно до сентября 1826 года.

Известно, сколь остра и мучительна пытка одиночеством, особенно для таких искромётных, живых и общительных натур как Пушкин. Далеко не каждому дано её успешно преодолеть, разве что человеку, свято верующему в Господа и Его нравственно возвышенные, исцеляющие заповеди...

Цинизм властей, обрекших поэта на одиночество, заключался в том, что они прекрасно знали о его глубоких эмоциональных переживаниях, повышенной душевной экспрессии, что разлука с близкими и друзьями может серьёзно подорвать его физически и морально. Тишина и внешний покой уединённости далеко не всегда плодотворны в творческом плане, как традиционно принято считать. Даже у сильного человека, находящегося в отчаянном одиночестве, порой опускаются руки, страдает и расслабляется воля, наступают метания, душевная мятежность и мучительные сомнения во всём и вся.

"И в жизни сей мне будет утешенье: мой скромный дар и счастье друзей" – открыл свою глубокую, трепетную и мятежную душу великий русский поэт, душу, которая не может жить взаперти.

Иной читатель снисходительно скажет: подумаешь – два каких-то года ссылки!.. Не такое уж и жестокое наказание. Не в глухомань же сибирскую сослали, в село Михайловское, в центре России, в Псковскую губернию, вдали от шума городского. Да и сослали, мол, "за дело" – не надо было слишком своевольничать, вольнодумствовать и резко осуждать крепостничество, царя, высокопоставленных вельмож... И хорошо, дескать, что вовремя сослали, невольно лишив горячего поэта соблазна выйти на Сенатскую площадь в декабре 1825 года и тем самым спасши его голову от куда более жестокого наказания...

Напомню, гражданское вольнодумство поэта ярко проявило себя ещё задолго до ссылки в Михайловское. "Вольность" – юношеская ода Пушкина, предположительно написанная ещё в ноябре – декабре 1817 года и послужившая причиной четырёхлетней ссылки поэта на юг России, действительно чрезвычайно резка по тону и категорична по выводам: "Хочу воспеть Свободу миру, на тронах поразить порок...", "Тираны мира! Трепещите! ...Восстаньте, падшие рабы!".

Впрочем, нельзя не признать, что высокое гражданское звучание "Вольности" не утратилось и в наши дни, служа хорошим поучительным уроком правителям всех стран и народов:

Владыки! Вам венец и трон
Даёт Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон...

В советском литературоведении особенно часто цитировали нижеследующие строки, придавая им "классовое", революционное значение:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...

Безапелляционно утверждалось, что особенно резкие строки "Вольности" направлены против русского государя Александра I. Однако это не так. Достаточно понять, кого именно подразумевает Пушкин под "самовластительным злодеем" – конечно же, Наполеона Бонапарта, насильственно захватившего власть во Франции и самовластно объявившего себя императором. Строка "Вольности" "Упрёк ты Богу на земле" тем более убеждает, что она не может относиться к русскому царю – законному престолонаследнику и уж тем более никак не может клеймить православного русского самодержца...

...Как бы то ни было, Пушкин вольно-невольно "переиграл" своих недоброжелателей и злых завистников. В отдалении от мелкой и ничтожной суеты столичного света он нашёл силы не только воспрянуть духом, но и разбудил в себе нетленный творческий огонь, обрёл тесную связь с той сторонной жизни, которую доселе хорошо не знал, а именно – жизнь простого русского народа и его необъятную православную набожность, что воплотилось в целом ряде его гениальных произведений.

Благодаря Христовой вере поэт не ощущал тягучее течение времени ссылки, ибо благодать Божия стирает временные грани и одинаково проникает в верующее сердце...

Здесь, в полном уединении и моральном согласии с самим собой, в тесном общении с русской самобытной природой и добрыми и набожными крестьянами он смог глубоко заглянуть в свою душу, понять душу родного народа. Здесь он усердно читает Библию, жития святых, Шекспира, Вальтера Скотта, посещает знакомых в Тригорском имении П.А. Осиповой. Здесь поэт впервые вошёл в живое, непосредственное общение с церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство.

Воочию наблюдая тесную связь народа с монастырём и углубляясь в изучение летописей, в которых живописно и образно развёртывались широкие картины жизни Древней Святой Руси, Пушкин со свойственной ему добросовестностью не мог не оценить по достоинству неизмеримо высокое, нравственно исцеляющее влияние Русской Православной Церкви на русский народ и Российское государство.

Исследователи творчества Пушкина отмечают: то, что поэт написал после 1825 года, мог написать *только* Пушкин, то есть его творческий уровень достиг доселе небывалой, огромной высоты. Это была пора его золотой зрелости, когда он стал, по выражению Вадима Кожинова, "одним из величайших мировых поэтов", создателем своих высших творений. И без сильнейшего благотворного влияния Церкви, Православной веры и её исцеляющих заповедей, по моему убеждению, Пушкин не достиг бы тех необъятных, творчески поднебесных высот, которые открылись ему в ссылке.

Очень многие читатели и почитатели русского гения едины во мнении: Пушкин не только высочайшая вершина отечественной и мировой литературы, но и высочайшая вершина нравственности, достоинства и чести русского Гражданина, национально-патриотического чувства и уважения к иным народам и культурам. "При имени Пушкина, – писал Н.В. Гоголь в 1832 году, – тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла" (Цитирую по предисловию В.В. Кунина к кн.: Друзья Пушкина. – Указ. издание, Т. 1, с. 5).

"Достоинством России" называл Пушкина его добрый, верный и заботливый лицеистский друг Пущин, человек очень трудной судьбы, сумевший вовремя уберечь увлекающегося Пушкина от сильного сближения с тайным обществом неистовых декабристов. Это именно к Пущину обращался великий поэт в 1814 году, за 11 лет до трагедии на Сенатской площади:

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнём рукою руку.
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьём,
Нередко и бранимся,
Но в чашу дружества нальём –
И тотчас помиримся...

Пушкин-поэт изначально прекрасен, но в пору своей золотой зрелости он осознаёт: "Я чувствую, душа моя расширилась, я могу творить". Это скромное откровение говорит само за себя: в художественном поиске Пушкин редко оставался доволен собой, очень критично относился к своим творениям, лишь изредка "награждая" себя высокой похвалой – "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!.."

Идеальный образ человеческой личности, который лелеял Пушкин в своей душе, это образ православного христианина. Особенно сильно и неотрывно от евангельских сюжетов поэт находился в последние годы и дни своей жизни, явно предчувствуя свой трагический конец. Но в его поэзии этого периода нет уныния, душевной отрешённости, горестной печали от грядущего и неизбежного ухода в мир вечного Божьего покоя...

"Гений Пушкина выразил трагическую мысль: добро не может победить зло, потому что оно перестает быть добром, – высказал спорную мысль литературовед Вадим Кожин. – Перечитайте стихотворение о предательстве Иуды. Здесь действительно та всемирность, которая ставит Пушкина в ряд самых высших поэтов, самых сильных, выразивших столь поразительную мысль" (В.В. Кожин. Тайна Пушкина. – "Советская Россия", 1994, 4 июня, с. 4).

В. Кожинovu возражает журналист Галина Ореханова: "Всё творчество поэта было буквально пронизано солнцем любви и торжествующего добра. Нравственный подвиг Пушкина состоит в том, что воспел христианскую культуру и доказал её полное право на жизнь. В последние годы Пушкин находился во власти евангельских сюжетов, но не посягал на их иное, чем в Евангелии, толкование" (Там же).

Вот почему весьма показательны письма поэта из Михайловского к своему другу – поэту и критику П.А. Вяземскому, в одном из них (июль 1826 года) он пишет с большим огорчением и возмущением: "Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные под именем Баркова. Если бы меня потребовали Комиссией, то я бы, конечно, оправдался..."

Поэта чрезвычайно угнетала и возмущала мысль, что в общественном сознании его времени, стало быть, утвердилось и в памяти потомков злая и нелепая мысль, будто он, призванный Господом "глаголом жечь сердца людей", способен на написание подобных пошлых "шедевров", приписываемых злыми языками его благородной творческой руке...

О каком же возможном "самооправдании" ведёт речь поэт? И было ли в чём ему действительно "оправдываться"??..

...19 августа 1828 года Пушкин был вызван в Петербург к военному губернатору по поводу обвинения поэта в написании "Гавриилиады" и дал такое письменное показание: "Ни в одном из моих сочинений, даже тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне "Гавриилиаду" – произведение жалкое и постыдное" (См. В.В. Никольский. Нравственные идеалы Пушкина //Христианское чтение. М., 1982, с. 50).

К сожалению, эти, бесспорно, предельно искренние признательные слова Пушкина не убеждают, да и не могут убедить негативно настроенных "пушкиноедов", уж сколько времени и сил понапрасну потративших на выискивания строк, свидетельствующих о якобы вульгарно-материалистическом "богоборчестве" поэта... "Не в том главный ужас, что Пушкин мог написать эту гадость, а в том, что "Гавриилиаду" переписывали и читали с каким-то сладострастным упоением!" – произнёс один из неугомонных "пушкиноедов"... Тогда, позвольте, сударь, Вас спросить – причём же тут сам Пушкин?.. Ведь не он же тиражировал и распространял эту несусветную гадость?!

Увы, до сих пор переписывают, активно "популяризируют" "Гавриилиаду", беспрестанно тиражируют пресловутые "Потаённые романы Пушкина", "Стихи не для дам" те "доброжелатели", которых хлебом не корми, лишь бы низвергнуть гениального поэта в пучину безмолвия.

Ныне стало злым поветрием приземлять, унижать, опошлять русских национальных гениев. Впрочем, это даже не только злое поветрие, а целенаправленная политика, направленная на дискредитацию и свержение русских национальных гениев с пьедестала с целью подавления русского национального самосознания. Вспомним, кто только из них не подвергался опорочиванию, грязному шельмованию, злой лжи и пр. – начиная от царя Ивана Грозного до Ломоносова, Достоевского, Блока, Есенина, Шолохова, Чайковского, Жукова и несть им числа...

Нынче, быть может, не столько Пушкина надо защищать от разгулявшихся не в меру чужебесов и лютого, антибожеского чужебесия, сколько всю нашу русскую литературу, всё русское, духовно светлое, национальное.

Преднамеренно игнорируется то, что в нервной, напряжённой суете нелёгких будней светлый гений тоже может поддаться искушению житейского соблазна, временному унынию, его гармоничная лира способна издать диссонирующий звук.

Я говорю это вовсе не в оправдание Пушкина – ни в каких наших оправданиях он не нуждается, но с целью призвать сомневающихся в нравственном и духовном совершенстве поэта к элементарному пониманию, что он был высокой и совершенной натурой, тонкой, чистой и благородной, глубоко убеждённым в том, что поэты – это посланники Господа на грешной земле, призванные "глаголом жечь сердца людей", морально и нравственно исцелять их, будить в них доброе, прекрасное, вечное, Божеское...

Уже то, что наиболее часто вменяемые Пушкину "кощунства", по справедливому замечанию Ходасевича, "неизменно шуточные, а не воинствующие", что "их стрелы не ядовиты и не глубоко ранят", следует признать, что они были скорее случайной вспышкой горячей природы или просто легкомысленной игрой воображения юного поэта, нежели сознательным его убеждением, и никогда не носили характера ожесточённого, бескомпромиссного богоборчества".

"Процесс его религиозного развития проходил с изумительной быстротой; он гораздо раньше, чем в своё время Толстой и Достоевский, понял, что без религии жизнь не имеет смысла и оправдания, и что к постройке религиозного мировоззрения нельзя приступать только с таким слабым орудием, каким является наш колеблющийся рассудок, здесь необходимо указание внутреннего духовного опыта, прикосновение к родной русской земле, от которой так много заимствовали в смысле своего нравственного воспитания и наши последующие великие писатели", – говорит о Пушкине митрополит Анастасий (Указ. соч., с. 180).

...Ещё несколько десятилетий назад пушкиноведами и лингвистами делались небезуспешные попытки доказать, что поэт не имеет никакого отношения к пошлой и циничной "Гаврииладе", как и к стихам под авторством "Баркова". Но православный дух поэта подвергается сомнению по сей день.

Как пишет в частном письме один мой хороший знакомый: "Сомнения относительно религиозности Пушкина у меня возникали (да и сейчас не оставляют) в связи с другим – со "Сказкой о Попе...". Не зря при жизни поэта да и много лет спустя её ни разу не издавали..."

Ставить под сомнение православную религиозность Пушкина в целом, оперируя лишь его шуточной "Сказкой о Попе и работнике его Балде", представляется крайне неубедительным.

Рассуждая о принципиальной возможности или невозможности авторства Пушкина в некоторых его озорных стихах, написанных, по выражению протоиерея И. Предтеченского, "в безумстве и лени", я полагаю, надо исходить прежде всего из глубокой внутренней культуры великого русского поэта, который вряд ли опустился бы до пошлости столь низкого пошиба даже при своём кратковременном расслаблении духа, на что способен каждый живой человек...

Основой написания поучительной, искрящейся добрым юмором "Сказки о Попе и о работнике его Балде" послужила русская народная сказка, записанная Пушкиным в Михайловском в сентябре 1830 г. от Арины Родионовны. Восхитительный пушкинский гений придал ей исключительно неподражаемый художественный блеск и светлую дидактическую мораль: никто, даже отдельные служители религиозного культа, не могут оставаться вне доброй, лучезарной и полезной, в конечном счёте, критики, если, паче чаяния, кто-то из них вдруг замарает себя алчностью, сребролюбием и прочими житейскими пороками, совершенно не совместимыми с благородными церковными канонами...

Осенённое Божией благодатью пребывание в Михайловском оказалось творчески чрезвычайно плодотворным. Тут Пушкин создал произведения поистине мирового звучания – историко-философскую драму "Борис Годунов", 3, 4, 5, 6-ю главы "Евгения Онегина".

Стихотворение "Пророк" явилось гениальным подражанием 6, 7 и 8-му стиху главы пророка Исайи:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...
И он мне грудь рассёк мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь,
И внемли,
Исполнись волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".

"Я как-то ездил в монастырь Святые Горы, чтобы отслужить панихиду по Петре Великом. Служка попросил меня подождать в келье. На столе лежала открытая Библия, и я взглянул на страницу – это был Иезекииль. Я прочёл отрывок, который перефразировал в "Пророке". Он меня внезапно поразило, он меня преследовал несколько дней, и раз ночью я встал и написал стихотворение", – отмечал поэт.

Сложный, мятежный, нередко противоречивый, Пушкин обретал цельность и духовно-нравственную гармонию, как только соприкасался с Богом.

Вместе с автором обретают глубокую внутреннюю цельность и духовную прочность его положительные герои. Критерием положительности пушкинских персонажей является степень их "приближённости" к Всевышнему. "Но я другому отдана, // Я буду век ему верна", – с глубоким внутренним достоинством и чувством высокой нравственной ответственности заявляет Татьяна Ларина Онегину, которого она по-прежнему искренне любит. Но переступить порог верности мужу она не смеет даже в мыслях, ибо брак освящён самим Господом в Православном храме, прервать брачный союз мужа и его супруги в силах разве что одна смерть...

В неколебимую силу святой молитвы верят герои "Капитанской дочки": не потому ли дважды спасается Петруша Гринёв от грозившей ему гибели, что сердцем и умом обращается к Господу, и Всевышний не остаётся безучастным к его полной драматизма судьбе?.. В образе благонравной Машеньки Мироновой, как и в Татьяне Лариной, явно воплощены искания поэтом идеала русской христоролюбивой женщины. В этих героинях воплощён обобщённый идеал женской божественной красоты, а конкретно – в образе любимой жены Пушкина Натальи Николаевны.

Но – одно дело яркие и цельные художественные образы, созданные поэтом как нравственный эталон женской красоты, и совершенно другое – конкретный, реальный образ жены Пушкина, которая принадлежала своему времени и не могла избежать определённых условностей великосветской жизни, что в конце концов и послужило одной из ключевых причин трагической гибели её супруга, благородно и мужественно, ценою своей жизни защитившего честь своей оболганной жены...

Глаголом жги сердца людей

Поэт, по мысли Пушкина, потому и всевидящий пророк, что получает некое помазание, то есть Божий наказ с неба, очищается и освящается на служение небесным огнём. Отсюда столь же высоки и нравственные обещания, взятые им: быть орудием воли Божией ("исполнись волею Моей").

Тесную связь с "Пророком" имеет стихотворение "Странник". Учёные обнаружили в бумагах Пушкина две выписки из Пролога – книги, содержащей краткие жизнеописания святых, которые по своей тематике имеют сильное сходство с сюжетом "Странника". Автор первой биографии поэта, издавший первое полное собрание его сочинений, П.В. Анненков сообщает, что Пушкин переложил на язык художественного слова сюжет Пролога в Житии преподобного Саввы игумена.

Известно также, что Пушкин очень внимательно изучал жития святых, Киево-Печерский патерик, знал Четьи-Минеи, составленные в XVI веке митрополитом Московским Макарием. С большим пониманием дела написал в своём журнале "Современник" рецензию на "Словарь о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местночтимых"...

"Но как объяснить наличие у Пушкина откровенно атеистических выпадов, в частности, в его раннем стихотворении "Безверие»?!.." – восклицают "пушкиноеды". Мол, можно назвать и другие стихи поэта, в которых он явно выглядит отнюдь не благоговейным религиозным агнцем, но дерзким отрицателем Всевышнего и даже богохульником...

В том-то и дело, что это **ранний** Пушкин. Нередко дерзкий, озорной, ещё не проникнувшийся глубоким чувством Господней веры. Не следовало бы писать с этого Пушкина икону, идеализировать его формирующееся мировосприятие. Пушкин был живой человек с недостатками и противоречиями, эволюция его мировоззрения не была и не могла быть совершенно безупречной. При всём том называть его богохульником – в корне неверно и недопустимо!

По меткому замечанию видного русского литературоведа Петра Палиевского, "Пушкин – такой верующий, с которым удобно говорить атеисту, и такой атеист, с которым удобно говорить верующему".

"Спускаясь с горных творческих высот и погружаясь в заботы и наслаждения суетного света, он на миг утрачивал свой дар духовного прозрения. Его окрылённый ум, ещё недостаточно дисциплинированный в юности, но отравленный в значительной степени ядом вольтерьянства, не мог тогда собственными силами осмыслить мировую жизнь и разрешить все сложные загадки бытия. Отсюда началась для него трагедия оскудения веры, какую так глубоко изобразил он в своём раннем стихотворении "Безверие", – мудро размышлял митрополит Анастасий. – ...Будучи "зол на весь мир", он рад

был бросить вызов правительству и обществу резкими и желчными литературными выступлениями и другими легкомысленными поступками, приводившими в отчаяние как его отца и других родственников, так и его покровителей и друзей – Карамзина, Жуковского, Вяземского, Тургенева. Под таким настроением душевной дисгармонии и рождались обыкновенно его язвительные политические памфлеты, эпиграммы и кощунственные стихи, оскорбляющие религиозные чувства верующих и стяжавшие ему печальную репутацию безбожника, от коей его имя не может освободиться даже до настоящих дней. Однако неверующим его могут считать только люди тенденциозно настроенные, которым выгодно оставить нашего великого национального поэта религиозным отрицателем, или те, кто не дал себе труда серьёзно вдуматься в историю его жизни и творчества" (митрополит Анастасий. Указ. соч., с. 178).

Допускаю, что на временное увлечение Пушкина атеистическими постулатами негативно повлияли его доверительные отношения с историографом Н.М. Карамзиным, западником, увлечённым якобинскими инсинуациями. Не случайно "попечитель учебного округа Голенищев-Кутузов в августе 1810 года обратился к министру просвещения Разумовскому с предупреждением об опасности, исходящей от новоявленного историографа. Он писал, что сочинения Карамзина наполнены ядом якобинства и вольнодумства, источают безначалие и безбожие..." (Цитирую по статье Игоря Евсина "О масонстве Карамзина и его клевете на царя Иоанна Грозного". – "Московские Ворота", 2014, № 10, с. 18).

Неоднозначно влияние на Пушкина и П.А. Чаадаева, по выражению современника поэта Д.В. Давыдова, "человека начитанного и, без сомнения, всегда умного шарлатана в непрерывном пароксизме честолюбия, но без духа и характера, как белокурая кокетка..." (Д.В. Давыдов – Пушкину. 23 ноября 1836. – См.: указ. издание книги "Друзья Пушкина", Т. 1, с. 508). Откровенно прозападные и антиклерикальные взгляды и умонастроения Чаадаева явно не способствовали духовному и религиозному развитию личности Пушкина.

Зато долгое и тесное общение с набожным Василием Андреевичем Жуковским, истинное значение личности которого Пушкин представлял в полной мере, более чем вдохновляло поэта. "На упрёки по адресу Жуковского в мистицизме, в пренебрежении к проблемам века, содержащиеся в письме Рылеева (эту позицию занимал и Кюхельбекер), Пушкин возражал: "Не совсем соглашаюсь со строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности" (См.: указ. издание книги "Друзья Пушкина", Т. 1, с. 328).

В 1818 г. Пушкин в стихотворении "К портрету Жуковского" предсказывал:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость...

Вместе с тем следует избегать и другой крайности – ошибочно утверждать, будто Пушкин был аскетически устремлённым человеком, фанатично уверовавшим во Всевышнего, абсолютно чуждым земных благ и радостей. Поэт удивительно органично соединял в себе оптимизм, веру в Господа и человека как создание Божие. Вера в Христа, по его убеждению, одухотворяет, нравственно и морально очищает, исцеляет, но не отлучает от полнокровной земной жизни.

Неудивительно, что поэт насыщает свои произведения на христианские мотивы весело искрящимся юмором, жизнелюбием, порой едкой (но не злой!) сатирой (вспомним опять же "Сказку о Попе и о работнике его Балде").

...К сожалению, неистовые "пушкиноеды" жадно цепляются за любую возможность, чтобы "уличить" поэта в религиозном безверии. Они обращают наше внимание на строчки пушкинского письма из Одессы к другу, где поэт говорил, что берёт уроки атеизма у некоего англичанина-философа и что атеизм он признаёт наиболее правдоподобной философией...

Факт существования такого письма бесспорен, как неоспоримо высказывание Пушкина о его "уроках атеизма". Но что это были за "уроки"? Сам же поэт так оценил свою юношескую легкомысленность: "Можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как всенародную проповедь?" Не логичнее ли прислушаться к более серьёзным и ответственным откровениям поэта?

...Обсуждая проблему "Пушкин и православно-христианское сознание", нельзя обойти стороной вопрос, ещё мало освещённый в пушкиноведении, – слава Богу, короткое увлечение поэта масонст-

вом, хотя придавать исключительное значение этому порыву нельзя, ибо он не повлиял серьёзно на творческие искания "солнца русской поэзии".

Известно, подверженного юношескому максимализму поэта потянул к себе завуалированный под либерализм, политически оппозиционный дух прозападно настроенных "вольных каменщиков", их спрятанная от внешнего глаза романтическая таинственность... Но как только Пушкин осознал далеко идущие разрушительные идеи и планы русских масонов, с которыми был некоторое время дружен, как только чутко уловил реальный запах невинной людской крови в их "святом" желании под корень физически истребить царя, всю его семью и дворцовую челядь, он ощутил полное разочарование в их антигуманных политических целях и устремлениях. И, недолго размышляя, решительно покинул масонское "вольное братство".

Его глубококому аналитическому уму было вполне по силам распознать, что, хотя с 1822 г. императором Александром I масонские организации, куда входили декабристы, были в России запрещены, однако в реальности они конспиративно существовали и вели активную якобинскую информационно-идеологическую обработку российского общества в духе откровенной русофобии, исповедуемой, к примеру, либеральным стихотворцем, доцентом Московского университета Печериным:

Как сладко отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницы пробужденья...

Весьма смутила поэта и яростная антихристианская позиция российских "вольных каменщиков", восхищённо комментировавших на своих встречах обильные кровавые оргии, чинимые французскими радикал-революционерами, обезглавившими своего короля...

Пушкин прекрасно понимал, что всякие кровавые перевороты и революции, несущие неисчислимые беды и несчастья народу, непременно начинаются с отрицания Святой веры, Господа, Его святых заповедей. Читатель наверняка помнит со школьных лет эпитафию, вынесенную Пушкиным к погребу "Капитанская дочка": "Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный".

Возможно, быстрый отход от масонов и разрыв Пушкина с лидерами декабристов объясняется тем, что, как писал митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн: "Здесь, на Руси не работают те масонские механизмы, которые во всём остальном мире срабатывают прекрасно. ...И происходит это потому, что социальная психология да и вообще рационалистическая наука не способна на Руси решить те задачи, которые перед ней ставят разрушители" (Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. – "Посох духовный", Санкт-Петербург, 2000, с. 189).

"Разрушителями" Архипастырь прямо и недвусмысленно называл мощные международные экуменистические силы, вознамерившиеся создать единую мировую псевдорелигию, растворив в ней святыи истины Православия.

Постепенно, но с завидной скоростью Пушкин выработал для себя стройную и глубокую теорию о происхождении христовой веры, о её всеохватной и облагораживающей роли в жизни народов. **"И я в конце концов пришёл к тому убеждению, что человек нашёл Бога именно потому, что он, Бог, существует.** Нельзя же найти то, чего нет, даже в пластическом искусстве. Идея Божества прирождена нам. Особым таинственным инстинктом мы познаём потустороннюю действительность, которая столь же реальна, как и всё, что можем трогать, видеть, испытывать. В народе есть врождённый инстинкт этой действительности, то есть религиозное чувство, которое он даже и не анализирует. Он предпочитает религиозные книги, не рассуждая об их нравственном значении. Когда начинаешь читать Писание, его вкусы становятся понятны, потому что в нём находишь всю жизнь..."

Нет сомнения, что для Пушкина до последней секунды его светлой, освящаемой Господом жизни на первом месте, говоря словами Достоевского, неизменно "оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота" (Цитирую по статье Романа Ключника "Либеральный этап жизни Ф.М. Достоевского". – "Потаённое", 2021, №2, с. 8).

АЛЕКСАНДР ШАРИПОВ

Москва

Александр Михайлович Шарипов – кандидат исторических наук, член Союза писателей России (Москва), сопредседатель Международного Ильинского комитета. После окончания исторического факультета работал на кафедрах истории, философии, в научно-издательском центре Главархива Правительстве Москвы. Автор и составитель свыше 20 книг, в т.ч., биографических монографий об Иване Киреевском (1997, 2006), Иване Ильине (2008, 2020), по патриаршему благословению – юбилейного издания "Марфо-Мариинская обитель милосердия. 1909–2009", сборников документов "Православная Москва в начале XX века", "Православная Москва в 1917–1921 годах"; автор нескольких учебных пособий по истории России. Публиковался в научных и общественных изданиях "Библиоковедение", "Вопросы философии", "Культурное наследие России", "Отечественные архивы", "Покров" и др., в интернет-изданиях. Принимал участие в научных конференциях, культурных мероприятиях и публиковался в России, Украине, Польше, Сербии, США.

"Движители истории – идеи и герои: подвиг князя Александра Ярославича и современные исторические вызовы"

"Александро-Невские Чтения". Москва, Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами. 20.12.2021 г.

Наше собрание являет собою истинный фестиваль-праздник русского духа, русской государственности и культуры, ибо все здесь собравшиеся – церковные пастыри, учёное сообщество, творцы культуры – члены единого тела прошедшей многовековой путь испытаний русской цивилизации, не забывшие своих корней, сохранившие почтение к жизни и подвигам своих предков. Человек – это его память, это же мы скажем и о нации. Несмотря на дрящущую 30 лет неопределённость в выборе национально-государственного пути государством, люди веры, творчества, науки непрестанно объединяются в деле очищения национального организма от скверны лжи и растреления, для оживления русского народа в духе любви и соборного спасения.

* * *

Тысячу лет назад русский народ начал свой путь духовного роста под водительством Христа и даже большинство народа приняло на себя Его имя. На вопрос "кто вы?" рассредоточенные под ордынским игом селяне отвечали: "христиане", отделяя себя от господствующего моря идолопоклонства поработителей. Так селяне и стали прозываться – крестьяне. И это было исповедничеством; это было первым всенародным проявлением воспринятой национальной идеи: мы – христиане-крестьяне, мы Христовы.

Конечно, высшее выражение национальной идее даёт национальный гений из круга просвещённых творцов национальной культуры. Однако рождается национальная идея не сверху, она исходит из глубин души народной, о которой забыли нынешние администраторы, пытающиеся формулировать различные варианты "национальных идей". Даже выдвинутый в середине XIX в. триединый девиз "Православие. Самодержавие. Народность" был далёк от реальности, ибо огромная масса народа находилась в крепостном рабстве у другой небольшой части, а система государственно-церковной симфонии давно нарушена порабощением церкви государством, превращена в государственное ведомство.

Итак, 1-е положение – национальная идея есть выражение души народа, духовных устремлений нации и не может родиться путём административных или отвлечённых философских рецептов. Национальная идея высказывается-формулируется совсем неожиданно неким углублённым в народную почву гением, как это было со старцем Филофеем, с Ф.М. Достоевским, И.А. Ильиным.

2-е положение – без национальной идеи не может быть творческого саморазвития нации. Тридцатилетие рубежа веков это ярко подтвердило. А в условиях обострения межцивилизационной борьбы это чревато гибелью нации и государства.

Ослеплённая роскошью элита не только позабыла о своей обязанности заботиться о "малых сих", но даже не воспринимает грозящую ей же опасность гибели при разложении и усыхании государственно-образующего народа. Последний год в Государственной Думе несколько раз звучала страшная цифра: за 30 лет с 1991 по 2021 гг. русских в России стало на 20 миллионов меньше. Незаметность этого громадного уменьшения происходит из-за замещения коренного народонаселения людьми иной ментальности и даже генетики. Вот что значит отрыв государственной элиты от глубинных народных процессов.

Недавняя искусно подготовленная махинаторами суматоха с опросом населения о памятнике на Лубянской площади Москвы – князю Александру Невскому или первому чекисту Феликсу Дзержинскому – ясно показала целенаправленность того дурмана, который напускают на народ антигосударственные информационные каналы, развращая и оглупляя народ. А ведь 800-летний юбилей великого воина, дипломата, государственного строителя, истинного народного лидера святого благоверного князя Александра Ярославича мог бы стать хорошим поводом для серьёзного поворота в культурной и информационной политике государства, а значит в изменении духовно-нравственной обстановки. Ибо образ святого князя Александра как никакой иной подходит под так широко пропагандируемые с высоких трибун идеи патриотизма. Это просто образец, идеал национально-государственного и духовного служения.

Во-первых, юный князь как воин может служить образцом в деле военно-патриотического воспитания юношей, ибо свои боевые подвиги на Неве и Чудском озере он свершил в возрасте сегодняшних призывников – с 19 до 22 лет. Тысячи передач, фильмов, книг, программ, молодёжных, военно-патриотических фестивалей должны были свершиться в юбилейном 2021 году, и они были, но в таком мизерном количестве, что создалось ощущение – где-то наверху не слышали о таком князе. Вообще создаётся впечатление, что мир глупеет, забывает своих великих вождей и мыслителей. Незаметным прошёл юбилей гениального Георга Гегеля, заложившего фундамент христианской классической философии, в том числе, русской. Юбилей признанного мирового гения Ф.М. Достоевского прошёл на провинциальном уровне.

Во-вторых, государственное служение князя Александра Ярославича – образец самоотдачи до положения жизни за народ и Отечество. Когда сегодня слышишь, что чиновники не будут служить, если им не платить в тысячи раз больше, чем рядовым работникам, врачам и учителям, задаёшься вопросом: неужели нет таких граждан в Российской Федерации, у которых служение своему Отечеству не требует гигантских окладов и зарубежных вилл? Часто можно слышать о "кадровом голоде" для замещения чиновничьих должностей. Это очень странно, ибо в числе 20-миллионной убыли только русского населения – несколько миллионов выехавших за рубеж высококлассных организаторов производства, предпринимателей, учёных (в том числе, моих знакомых). Почему в Европе, Америке, Азии, Австралии они состоялись как учёные, предприниматели, специалисты, а в Российской Федерации не пригодились, некоторые были изгнаны? Уверен, среди нынешних школьников и рядовых граждан есть тысячи и тысячи "золотых кадров" для добросовестного и умелого исполнения служебных обязанностей за гораздо меньшую мзду, чем нынешние малоспособные и безответственные топ-и не-топ-менеджеры.

* * *

Евангелие указывает нам задачу человека: раскрыть в себе полученный от Бога талант, принести плод – один 30, другой 60, третий 100 (Евангелие от Матфея. XIII:8; XXV:14–30). Обладателей такими великими талантами, какие были у святого князя Александра Ярославича – единицы, и именно потому они до сего дня светят нам во тьме мира, лежащего во зле.

В ряду значимых черт князя Александра, которые так необходимы нынешнему служилому классу, отметим:

– ещё от юности начиная свою воинскую службу, он умел прощать своих обидчиков – тех же граждан вольного Новгорода, изгнавших своего защитника – и вступал в бой с врагами своего народа, когда ему угрожали захватчики. Для князя свобода своего народа и сбережение его жизней было приоритетным. А ныне политики не могут простить критики своим талантливым честным оппонентам и привлечь их к себе для успешного развития страны. Они скорее вручат важнейшие отрасли государственного дела своим недееспособным друзьям, корыстным лживым подлецам, чем способным оппонентам;

– у князя Александра было умение идти на политические компромиссы, когда иного выхода не было. Он шёл на поклон к восточным поработителям и находил общий язык, чтобы Русь несла как можно меньшие потери. Благодаря его дипломатическому таланту, в условиях ига удалось даже сохранить некоторые основы суверенности. Да, при этом приходилось брать на себя ненавистное бремя

мытарей, принуждать соотечественников не бунтовать против тяжелейшей длани поработителей, но это давало возможность сберечь народ до поры до времени.

Князь даже смертью своей запечатлел образ смирения ради пользы Отечества. И когда ныне видишь, что масса якобы служилого народа занята мелкотемьем и текущей рутинной по добыванию средств для сиюминутного существования, вопиешь к Небесам: сограждане, посмотрите, какая в мире смута, образумьтесь!

* * *

Мы живём в условиях великой перезагрузки мировой цивилизации. 2020-й год стал явной вехой начала новой социальной и геополитической системы, весьма отличной от предыдущих. Когда масса политологов в конце XX века провозглашала "конец истории", подразумевая конец межцивилизационных конфликтов и сращение всех народов в единую потребительскую цивилизацию, лишь русский гений Александр Сергеевич Панарин указал: XXI век – век стратегической (т.е., искусно управляемой) нестабильности и глобальных потрясений (см. кн. А.С. Панарина "Искушение глобализмом" (2000), "Православная цивилизация", "Стратегическая нестабильность XXI века". (2002). Новые силы вступают в открытую борьбу против наций и государств, чтобы сформировать именно эту единую потребительскую цивилизацию (и, как показывают последние события, сводят потребление широких масс всё ниже и ниже).

Современные исторические вызовы исходят с двух полюсов:

– усиления межцивилизационной непримиримости;

– борьбы транснациональных корпораций за власть над миром через развал национальных государств.

Этим историческим вызовам необходимо дать достойные ответы. Так было в истории всегда: вызовы относились ко всем народам, но каждая нация-цивилизация давала свой ответ на вызов, противопоставляла свои ценности, свой образ жизни и смерти, чтобы сохранить своё бытие. Неспособность дать ответ на непрестанно исходящие исторические вызовы приводила нации-цивилизации к их исчезновению с исторической сцены. Нынешний вызов несравним с предыдущими как по масштабам, так и по глобальным средствам духовно-культурного, идейного противостояния. Границ взаимопроникновения, влияния нет. Нравственные ориентиры, присущие традиционным обществам, сломлены. И вот в этих условиях идёт целевое формирование озверевшего глобального "содома", чтобы заключить в него все народы и тем самым поработить их под властью гения из гениев. Инферальность планов ныне слишком явная.

В этих условиях как никогда ранее необходимо ясное обозначение национальных интересов, а значит, и формулировка национальной идеи и идеологии. Во всём этом можно определиться только на основе национального и мирового исторического опыта. Вот для чего необходимо поднимать на щит имена великих защитников нации и государства, осознавать их опыт жизни. Как говорил Иван Александрович Ильин, живые образы "национальной святости и национальной доблести" прошлых веков пробуждают волю к подвигу и служению у наших современников, дают "непоколебимую веру в духовные силы своего народа". (Ильин И.А. "Путь духовного обновления").

Последний из великих мыслителей России, способный к определению национальных болезней и формулировки национальной идеи И.А. Ильин, писал более полувека назад: именно герои и святые – "наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители" – показывают народу "и то, чем мы призваны быть, и то, к чему мы способны; и то, как нам восходить на эту высокую и трудную гору" (Ильин И.А. "О России. Три речи").

У России целый сонм великих героев, которые ныне должны выдвигаться на передний план в деле национально-государственного воспитания: князь-просветитель Владимир, игумен Земли Русской Сергей Радонежский, князь-воин Александр Ярославич. Но только в церковной среде непрестанно слышны эти имена. Когда же для культурной, образовательной, информационной политики государства эти имена станут такими же близкими, как для церковного народа? Когда дела их станут образцом для служилых людей не на словах, а для дел – у России появится надежда дать свой ответ на глобальные исторические вызовы, чтобы не сойти с мировой арены.

Итак, доблестными предками нам завещан многовековой опыт государственной мудрости с её опытом неудач и достижений. Это не отвлечённые сказания "о доблести, о славе", не плач об утерянном величии. Это учебник жизни. Ведь учат в военных академиях походы, стратегию и тактику древних полководцев. Так же должны просвещать память государственных руководителей для выработки мудрой политики деяниями благоверного князя Александра Ярославича и близких ему по духу устроителей родной земли. Не почитать их на торжественных собраниях, а изучать опыт их жизни для государственных дел. А пустых слов о некоем "патриотизме" мы за 30 лет наслушались. Пора переходить к благим делам.

Памятью благоверного князя Александра Невского, да поможет нам Бог достучаться до государственных высот, чтобы быть готовыми к разворачивающимся на наших глазах серьёзным битвам с мировым злом и суметь предотвратить растворение нашего народа в небытии.

СЕРГЕЙ ЛЕВИЧЕВ

Краснодар

Левичев Сергей Алексеевич родился 30 января 1947 года в Одессе. В том же году семья переехала в Вильнюс, Литовская ССР. С 1960 года проживает в Краснодаре. Окончил Московский энергетический институт в 1971 году.

После распада СССР пытался помочь сохранить культурные связи с Литвой. Переводил поэзию литовских поэтов и литовскую детскую литературу, издавал на свои средства. Книга переводов народной поэтессы Саломеи Нерис хранится в мемориальном музее литовской поэтессы.

Последние годы работал редактором краевой творческой газеты "Рассвет". Опубликованное в газете собрал в трёх книгах: "Страницы великих судеб", "Имена земли кубанской", "Сверхурочное". До закрытия Дома учёных в Краснодаре являлся членом секции краеведения.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ИНЖЕНЕРА КУТЕПОВА

Очерк

На этого пожилого интеллигентного мужчину, приходившего в наш отдел к Валентину Комиссарову, нельзя было не обратить внимание. Бородка клинышком, умные серые глаза – он проходил в угол к Валентину Михайловичу, вынимал из своего портфеля бумаги и подолгу негромким голосом обсуждал свои проекты и изобретения. Инженер-теплотехник Николай Николаевич Кутепов... Мне хотелось познакомиться с ним, наверное, прежде всего потому, что моя мама в девичестве тоже была Кутепова. Но так и не удалось это сделать тогда, в восьмидесятые годы...

Но недавно В. Комиссаров позвонил мне и, узнав, что я пишу очерки в газету, предложил посмотреть автобиографический материал, оставленный Николаем Николаевичем Кутеповым. Оказывается, Валентин Михайлович поддерживал отношения с Кутеповым вплоть до его кончины в 1991 году, а потом и с его сыном, тоже Николаем Николаевичем, проживающим в Краснодаре.

– По этим запискам мы можем написать исторический роман и не один! – восклицал Валентин.

Я с интересом стал углубляться в исторические детали, упоминаемые вкратце Николаем Николаевичем в его записках, и "завяз" в обилии исторических "деяний", связанных с дворянским родом Кутеповых и ещё больше – родом Всеволожских, также вошедших в древо рода Кутеповых. Я употребил старинное слово "деяния" потому что, например, Всеволожские ведут свой род от самих Рюриковичей и широко известны со времен царя Алексея Михайловича, когда лишь из-за интриг боярина Милославского не состоялась свадьба царя и Ефимии Всеволожской, которую царь выбрал в невесты. В этом роду был и Никита Всеволожский, друг юности Пушкина, собиравший в своем доме "тайное" литературное общество "Зелёная лампа", в котором участвовали и поэт, и генерал-губернатор Тавриды (Крыма), и знаменитый директор Императорских театров Иван Александрович Всеволожский, так много сделавший, чтобы произведения Чайковского увидели сцену, и написавший даже либретто балета "Спящая красавица". Дед же Николая Николаевича Кутепова – генерал-майор Николай Иванович Кутепов, заведующий царской охотой в Гатчине при императоре Александре III, известен как автор четырехтомного труда "Царская охота", написанного и изданного по личной просьбе царя. Как же удалось Николаю Ивановичу Кутепову, профессиональному военному и охотнику, написать и издать

книжный шедевр, проиллюстрированный такими художниками как Валентин Серов, В. Васнецов, Рубо, Самокиш? Мне это было непонятно, пока я не выяснил, что Николай Иванович Кутепов входил в круг историков, собиравшихся в доме у знаменитого коллекционера и знатока старины Павла Дашкова. Книга "Царская охота" издавалась в Типографии Казначейских бумаг тиражом 450 экземпляров и дарилась высочайшим особам. Была переиздана в Париже на французском языке и стала таким же раритетом. Так что вы, наверное, уже тоже поняли, какой исторический пласт нужно поднимать, чтобы подробно написать об этой удивительной судьбе и родословной обыкновенного талантливого советского инженера Кутепова.

Николай Николаевич Кутепов работал на Краснодарском масложиркомбинате ещё с войны, затем в проектно-институте "Севкавпищепромпроект" и в экспертном совете по теплотехнике Краснодарского политехнического института. Уйдя на пенсию, до последнего дня он, совместно с В. Комиссаровым, писал статьи в научно-технические журналы, внедрял изобретения. На Краснодарском масложиркомбинате до сих пор работает его опытная установка, а многое ещё ждёт своего воплощения.

Да, обыкновенный инженер с необыкновенной судьбой. В своей автобиографии, хранящейся в отделе кадров "Севкавпищепрома", Николай Николаевич написал, что он уехал на работу из Ленинграда в Казахстан в 1928 году из-за материального положения. Но ведь было, мягко говоря, совсем не так. Его дед, генерал-майор Н.И. Кутепов умер до революции в 1907 году, а отец, тоже Николай Николаевич, хоть и закончил Императорский лицей, работал чиновником, а во время правления Временного правительства с должности секретаря Петербургского градоначальника ушёл работать простым бухгалтером, кем и встретил Октябрьскую революцию. Так что дворянское происхождение нашего Николая Николаевича выяснилось только на третьем курсе Ленинградского института точной механики в 1928 году. Его исключили из института, а заодно и лишили аттестата зрелости. Вот так Николай Николаевич Кутепов попал на стройки Казахстана. Там он показал себя с лучшей стороны, и Е.Л. Пятницкий (известный партийный деятель тех лет), знавший его по Казахстану, переманил его вместе с уже появившейся у Николая Николаевича семьёй работать в Крым. В 1937 году на Е.Л. Пятницкого завели дело. Попал под "раздачу" и Николай Николаевич Кутепов, отсидев два года без предъявления обвинения. В 1940 году в его семье появился второй сын, а перед войной жена вновь оказалась в положении. Комиссованный из-за повреждённой ноги, Николай Николаевич эвакуировался с семьёй на Кубань. После войны сорокалетний Николай Николаевич пошёл в вечернюю школу, чтобы получить аттестат зрелости, которого его когда-то лишили, а в 1952 году получил заочно и высшее образование. Интересная работа, заслуженный авторитет. Выросли трое детей, получив образование архитектора, геолога и психолога. Жизнь, наперекор судьбе, состоялась...

В последние годы своей жизни Николай Николаевич стал, наконец, собирать материал о роде Всеволожских и роде Кутеповых, вспоминая свою бабушку, Наталью Павловну Всеволожскую, показывавшую ему в детстве роскошную книгу "Российские дворянские роды" и говорившую ему, что в этой книге о них написано. Теперь, когда об этом говорить стало неопасно, времени написать обо всем оставалось мало – записи инженера Кутепова заняли всего лишь несколько страниц, которые еще никем не развёрнуты в историческую эпопею о российском дворянстве. Эпопею о почётном месте дворянского сословия в истории расцвета русской культуры, о её благородном и честном служении России.

НИНА ХРУЩ

Гулькевичи

"Хрупкая, немногословная и скромная", – так говорят о Нине Хрущ коллеги по перу. И обязательно добавляют: "Талантливый поэт". Как не согласиться, если даже столичный журнал "Наш современник" в 2007 году назвал стихи кубанской поэтессы лучшей публикацией года. Нина Хрущ очень ответственно относится к слову и в жизни, и в творчестве. Долго работает над стихотворной строчкой, выстраивая образ, добиваясь полновесного звучания русского слова. 2022 год для кубанской писательницы юбилейный, и мы ждём выхода в свет её четвертой книги стихов.

Нина Никитична Хрущ (1947), член Союза писателей СССР-России с 1977 года, родилась 23 марта в городе Артёмовске Красноярского края. Выпускница Новороссийского индустриального техникума, много лет проработала на промышленном комбинате в Гулькевичах. Небо наградило её и высоким чувством, и большим поэтическим даром. Легко понять, почему по прошествии лет она прошла обучение в народном университете культуры на факультете журналистики в городе Краснодаре. Не раз становилась участницей краевых семинаров литераторов Кубани, где получила напутствие от ведущих и самых титулованных поэтов и прозаиков Кубани Ивана Вараввы, Кронида Обойщикова, Вадима Неподобы, Ивана Бойко. Написано стихотворение, посвящённое этим встречам.

Стихи Нины Хрущ впервые увидели свет в районной газете "Прикубанская искра", затем публиковались в ежемесячнике "Кубань", в "Литературной газете", в газетах "Сельская жизнь", "Литературная Россия", звучали по краевому радио и телевидению. Изданы поэтические сборники: "Свет обручальный", "Каменная ласточка" и "Холодное время". Нина Никитична постоянный автор журналов и газет "Наш современник", "Родная Кубань", "Кубань", "Литературная Россия", "Сельская жизнь", "В 24 часа". Редактор и участник альманаха "Ладомир", коллективного сборника "Души в звездах", участница творческой лиги Кубани в сборниках "Очарованные словом", "Родники памяти" – поэтический венок Героям Кубани, в трилогии – "Герои огненных лет", "Шагнувшие в бессмертие". Нина Никитична тонко чувствует музыку стиха, её отличает собственный неповторимый поэтический почерк. Стихи наполнены движением и пространством, в них дышат ветра России. Поэзия стала неотъемлемой и главной частью жизни Нины Хрущ, состоянием её души.

Мы горячо поздравляем Нину Никитичну Хрущ с юбилеем! Ждём выхода новых книг и публикаций. Желаем самого светлого и доброго! Многая Благая Лета Вам, дорогая Нина Никитична!

ЦВЕТУТ ТВОИ, МАМА, ГЕРАНИ

Старый сад

Сад этот стар – ему за сорок лет.
И всё же юн, как книжная обложка.
Он говорит мне радостно: "Привет,
я ждал, скучал,
а в дождь всплакнул немножко".

И днём и ночью, в дождь и суховой
мой сад о жизни думает своей.
Но что ему года, не никнет головую,
зелёная листва играет с синевою.

Он светлолик и радостен от счастья,
Но время сдвинулось к осеннему ненастью.
"Я знаю, – шепчет он, –
что скажешь мне в ответ –
всё суета сует, всё суета сует".

Да, я такая. Как вообразить,
что мой брегет стучит в усталом теле.
К земле склонившись, думаю: в уме ли
от данной жизни Богу мне дерзить.

* * *

Цветут твои, мама, герани,
в окошко взирая на снег,
а я размышляю ночами,
как короток день наш и век.

Как часто мелькают события
в моей беспокойной душе.
Чего ж не умею забыть я,
что ты не вернёшься уже.

Горят на окошке соцветья
горячим и красным огнём,
и грустно в начале столетья,
а мы что-то ищем и ждём.

Как будто мы жить не устали
в своих покаяньях, вине.
И просим прощенья у дали,
что солнцем сияет в окне.

* * *

Родины светлое чудо,
пепел и дым, и тоска.
Может быть, я не отсюда,
где моей жизни река?

Там, за небесной чертою
плачут пустые сады.
Осень. Печали не скрою,
тихая пропись судьбы.

Там, за распаханном полем,
за отшумевшей весной,
сердце наполнилось волей,
лёгких небес бирюзой.

Острое жало печали
тянет к степным хуторам.
Из целомудренной дали
буду махать тополям.

В них мои ветры играли.
Время не лечит, не лжёт.
Птица в любви и печали
песенки те же поёт.

* * *

О, если б могла возвратиться,
в том возрасте нежном побыть,
где мальчиков славные лица
прекрасно и тайно любить.

Ещё мы не можем иначе,
ещё мы не знаем измен,
решаем простые задачи
среди шума больших перемен.

Ещё не играя в разлуку
в тот ясный и тёплый апрель,
мой рыцарь не трогает руку,
а просит мой школьный портфель.

* * *

Мне так хотелось вырваться отсюда,
из тихих комнат горя и беды,
но карантин не предвещает чуда,
всё громоздит запретные столбы.

Скажу ему: "Мне нечего терять, –
и улыбнусь сквозь слёзы утешенья. –
Ты многое успел весной отнять,
оставив одиночество с сомненьем".

Вот и живу в своём карантинё,
на всё смотрю с надеждой и опаской.
Не спрячешь слёзы тёплые под маской –
улыбку можно, зрелую вполне.

Гляжу в окно на парк и облака,
жду радости во всём на всякий случай,
но на глаза не попадаться лучше,
где смех и слёзы, близкие пока...

* * *

Не бойся ночи тёмной и тревожной.
Собаки лают. тихо воют псы.
Стоит звезда в тумане межлвзвёздном,
и Родины томительны черты.

Далёких звёзд букет неразличимый.
Я вижу свет и слышу аромат.
и голос неба. стужей опалимый.
слова восторга в воздухе дымят.

Ударит зорька в купол тёмно-синий,
вдыхая запах снега голубой.
Я в чистом поле встретила Россию.
и день был равен жизни остальной.

Глаза сияли синью васильковой.
в пуховой шали. резка и свежа...
Не будь ко мне жестокой и суровой –
пока есть слово, молится душа.

Или в снега. но не вйли с земли.
Я без тебя. повесть. не увлею.
Слова и слёзы долго вместе шли.
и отслужить любовь твою не смею.

* * *

Милый мой город. меня ты запомнишь едва ли.
Липы бросают свои золотые медали.
Вот и октябрь. Я ли об этом забыла?
С вечера ливень –
всю ночь моросило, дождило.

Нежный мой город. тебя я по имени кличу,
помню тебя в золотом и зелёном обличье.
Был ты прекрасен в сиреневом запахе мая.
Растёт возле станции старая ель голубая.

Долго стою пол летящими вдаль облаками:
вот он, мой город.
с живыми цветами. пчелами.

Очень похож на гулящего пчелы-гулягу...
И мне непривычно от лёгкого праздного шага.

Видишь, как мчится
поспешно не мирное время.

Посеяно в землю всех злаков беспенное семя.
Выкроишь несколько лней. если это возможно,
синий цикорий цветёт в колее придорожной.

Я похожу на него
в голубом старомодном костюме,
встречаю октябрь

в этом грохоте, стуче и шуме.
Видишь, мой город.
я здесь за густыми ветвями
стою на платформе и тихо играю словами.

"Зимняя вишня"

Памяти погибших в ТЦ "Зимняя вишня", г. Кемерово

Какое слово выдержит мой лист?
Какой слезой печаль моя омыта?
Нал "Зимней вишней" полыхает высь.
и дым, и гарь в бездонность аксамита.

Ночною синью залит дальний дом.
Молчит душа и горестно. и строго.
От страшной вести тронешься умом –
там были дети. Было их так много.

Какая боль. Гудят колокола.
печаль страны оплакивая пьяно.
Раскалены просторы добела.
и чёрен снег, как чёрный лист бурьяна.

Но красное небо. И белая дика.
прошально замахающая из мрака,
и музыки тоскующей пека
бежит за мной, и хочется мне плакать.

Взлетают в небо искорки. шурша,
все семь цветов являя оробело,
но ни одну не вылетит душа.
любовь с печалью не перегорела.

* * *

Тихо птицы поют. льются росы с креста,
нивы плещутся. пахнет елеем.
Скажи мне. Великий. что есть красота,
ты ею украсил Россию.

Прошу. разреши любоваться пока
и травами. и куполами.
Я знаю. Россия. ты так широка,
тебя не окинешь глазами.

У сердца ношу ледяные ключи –
Сибирь мне осталась как память.
Отечество. знаю. кричи не кричи,
мы здесь отцветём и увянем.

Под куполом светлых небес
останусь в малиновом зное.
Я счастье искала. пока меня не было здесь,
на этом просторе.
где плещет зелёное и золотое.

* * *

Вновь трава ожила в обочин,
февраля голубеет окно.
Этот мир. между прочим. не прочен,
а в душе ещё песен полно.

Начинается время прилёта.
Зёрна в поле ускорили рост.
В предвесенние сумерки кто-то
ловит с неба окалину звёзд.

Может. снег опускается в дыки,
льнёт покорно к покою реки.
Может. время забыть о разлуке.
сердцу хватит скорбящей тоски.

Мир оставит меня без ответа.
Свыклось сердце. и сны все сбылись.
С каждым днём прибавляется света,
где поля с небесами сошлись.

Март

Мой нежный март,
ко мне ты благосклонен.
Пичужками, синичками озвонен
и безмятежен. В кронах гвалт грачей
и синь небес касается очей.

Мой край любви,
ты всё-таки прекрасен,
бесстрастный день задумчив и неясен.
О чём хандра весенняя опять,
дерзающая что-то раскрывать.

Иди за поле, плачь и голоси
о Родине, о доле, о Руси,
да всё о том, что связывает души
меж небесами и раздольем суши.

Все узы жизни через яркий свет,
пространство холоднее ближе к ночи.
Прости печаль мне, всемогущий Отче,
чтоб тихо плакать, просто мочи нет.

Апрель

Мой апрель, ты весёлый, беспечный
и душе моей тихой знаком.
В мире этом бы жить бесконечно
и ходить по траве босиком.

Гнёзда вьют прилетевшие птицы,
зацвела разноцветьем трава.
Этой синью небес не напиться,
не найти золотые слова.

Это значит, что время искать
и смотреть в синеву акварели,
небом Родины сладко дышать,
слушать птиц торопливые трели.

Только родина рядом и всюду
с каждым днём всё милей и теплей,
я её никогда не забуду
у зелёных полей, тополей...

* * *

Ласточки мечутся в небе...
Время прибавит вам сил.
"Больше пишите о хлебе", –
мудрый Варавва просил.

"Критиков слушайте стойко.
Критик завистлив и зол". –
так мне наказывал Бойко
и незаметно ушёл.

"Слушайте сердце особо.
что бы вам люд ни твердил", –
нежный Вадим Неподоба
плакал со мной и курил.

"В небе почаще летайте. –
дал наставленье Кронид, –
в славе победу узнайте.
всё вам победа простит".

Каждый мне дал понемногу
от сопряженья души.
Строгий Бакалин – в дорогу:
"Девочка, можешь – пиши..."

ЛИДИЯ ЖЕЛЕЗОВСКАЯ

Краснодар

Читая стихи Лидии Железовской и даже просто глядя на неё, молодую, красивую, щедро одарённую Богом, невольно хочется приосаниться, расправить плечи и порадоваться наступившей весне! Глубокому, задушевному голосу поэтессы придаёт особое очарование лёгкий белорусский акцент. Неудивительно, что она стала поэтом-переводчиком, а среди её работ самые удачные – переводы белорусских поэтов, её соотечественников.

Лидия Железовская не только переводит, но пишет и собственные стихи, о которых когда-то тепло отозвался наш незабвенный товарищ, Вячеслав Александрович Динка. Стихи Железовской – исповедь умного, тонко чувствующего человека, в чём-то ранимого, но всё-таки бесконечно счастливо-го! Ведь она научилась жить в ладу с окружающим миром, ценить и беречь его, видеть в людях, прежде всего, друзей, а не врагов.

Не так давно в жизни Лидии Железовской произошло большое событие: она стала членом Союза писателей России. Это замечательный подарок к её личному празднику – юбилею, который певица и поэтесса теперь отмечает не только в кругу своей семьи и друзей по вокалу, но и среди новой семьи – собратьев по перу.

Редакция журнала "Краснодар литературный" от всего сердца поздравляет вас, дорогая Лидия Васильевна, с юбилеем и желает крепкого здоровья и новых творческих взлётов!

ЖДУ ПЕРВУЮ ЖЕЛАННУЮ СТРОКУ...

* * *

Ну, что ж, я такая, как есть,
Не стать мне с великими рядом.
Чужда мне божественная спесь,
Кичиться не буду нарядом.

Не всем суждено покорить
Вершины на крыльях Пегаса.
Прядётся судьбы моей нить,
Светла до последнего часа.

По тропке пройду в тишине.
Мне звёзды откроют секреты,
И ветер шепнёт в вышине,
Что вот и закончилось лето.

А жизнь в окружении слов
Становится всё интересней!
В конце вереницы стихов
Моя лебединая песня...

* * *

Жду первую желанную строку,
А вслед за ней подтянутся другие.
Их осторожно в рифмы вовлеку,
И медленно отступит ностальгия
По светлому рождению стиха,
Которого не чаяла дожидаться.

Судьба к моим молитвам не глуха –
Ещё не раз я буду возвращаться
К бумаге белой, к чистому листу,
К томительным минутам созиданья...
Случилось вновь с поэзией свиданье –
Я дальше понесу свою мечту!

Ярмарка на Пушкинской площади

На площади – гранитный Пушкин,
Задумчиво на мир глядит.
Мангал удушливо чадит,
А рядом прыгают пичужки.

Шеренги тянутся палаток:
Торговлей промышляет люд.
И место это хоть не свято,
Но, к счастью, бал не правит блуд.

Орёт попса, веселье множа,
Кружит пустая карусель...
Нехорошо-то как! Негоже:
Поэт – и эта канитель!

А как хотелось бы другого –
Простора, света, чистоты,
Благоговения людского...
И у подножия – цветы.

В концертном зале

Я в зал вошла. Был сер и скучен
Его поблѣкший антураж.
Там стулья громоздились кучей;
Заставлен хламом бельэтаж.

Стоял рояль с поднятой крышкой,
Все клавиши оголены.
Пакет с надорванной афишкой
Небрежно брошен у стены.

Царила здесь искусства власть,
Сердца в восторге замирали.
Какие голоса звучали!
Какая музыка лилась...

Сейчас в тени живое слово,
Повсюду торжествует спам.
И пульт включѣн, всегда готовый
К воспроизводству фонограмм.

* * *

Собираюсь в дальнюю дорогу:
Страшно – ведь со мною нет тебя.
Спрячу за улыбкою тревогу;
Притворюсь, прощаясь и любя.

Этот путь проходят в одиночку.
Нет возврата с призрачной страны.
Кто-то за меня поставит точку
И в твои меня отправит сны.

* * *

Погоды дивные стоят:
Ещё тепло, уже не жарко,
И золотится листопад
На солнце празднично и ярко.

Горит рябинка во дворе,
И птицы в небе заматались;
То осень, осень в октябре –
Одна из тех, что мне остались...

* * *

Такой красоты не припомню.
Берёзы красивее всех!
Наряд невесомый, узорный
Им дарит беспспорный успех.

Листвы золотое свеченье
Струится, горит на ветру.
Стволов белизна – загляденье! –
Разгонит туман поутру.

Листою усыпана пѣстрой,
Неспешно идѣт колея.
Пронесется мимо погосты,
Деревни, леса и поля.

Вагонным колѣсам внимая,
Смотрю неотрывно в окно.
И сердце, Отчизна родная,
До края тобою полно!

* * *

Любуюсь до рези в глазах,
Никак не могу наглядеться!
Красу, что в родимых краях,
Вбирает уставшее сердце.

На фоне еловых ветвей
Берѣз золотые мониста.
Туманная дымка нежней
Шифона и тоньше батиста.

Уйду в листопадную глушь,
Лесной тишины не нарушу.
Я памятью детства лечусь,
Врачую озябшую душу.

* * *

Что-то надо бы изменить
В этой жизни, пока не поздно.
Клумбы розами засадить,
Любоваться на небо в звѣздах.

Милых радостей тихий свет
Собирать бы с восторгом пылким,
Чтобы позже, в годину бед,
Из заветной извлечь копилки...

* * *

Мы из тех, кто не может пройти мимо книги;
Посмотреть, полистать, прочитать пару строк
И вцепиться глазами в начало интриги,
Различить миражи неизвестных дорог.

Книгу держишь в руках –
и предчувствуешь счастье;
Ожидание радости связано с ней.
Книга рядом всегда.
Если в жизни ненастье,
Нет надёжней опоры и друга верней.

Ну а книга моя?!

Ты кому-нибудь другом
Станешь ли?

Позовѣшь в дальний путь за собой?
Или просто разделишь минуты досуга
И подаришь душе мимолѣтный покой...

**Переводы стихотворений
белорусских поэтов**

Михась Болсун

Жатва

Жара над нивою зависла.
Комбайнам в жатву не до смен.
По жниву аист голенастый
Вышагивает каждый день.

Под неба синим покрывалом
Трепещет воздух; шум машин.
Отец в работе за штурвалом,
А рядом с ним помощник-сын.

Зерно струёю заскользило,
Как будто крошится янтарь.
В нём солнца сказочная сила.
Так есть сейчас, и было встарь.

Запахло поле караваем,
Таким желанным на столе.
И хлебный дух над отчим краем
Разносит аист на крыле.

Инна Зарецкая

Деревенский вечер

В росу оделся летний луг –
домой коров ведёт пастух.
...Журчит парное молоко,
течёт в подойники рекой.

Крадутся тени к нам во двор.
Мы, дети, оседлав забор,
притихли с кружками в руках
и ждём парного молока.

А наш ленивый рыжий кот
Ждёт терпеливо у ворот.
Мурлычет киса: "Мяу-мя,
Вы не забудьте про меня".

Нил Гилевич

Талисман

Талисман, ты меня береги,
Береги, талисман, береги,
И на самом крутом вираже
Задержи на последней меже.
Я так верю в тебя, талисман!
Я целую тебя, талисман!..
Талисман, ты меня поддержи
К жизни крепче меня привяжи.
На земле, где родился в избе,
Где поверил однажды судьбе,
Не отдай на безверье, обман, –
Ты единственный мой бог, талисман!..

Талисман, счастье мне предскажи,
Сбереги и ещё послужи:
На развилке дорог, в темноте,
Где белеет рушник на кресте,
Перейми от костлявой гонца –
Чтоб я песню допел до конца.

Жито, сосны и валуны

Где б нога моя ни ступала,
Всюду – с Припяти до Двины –
Взор картина всегда ласкала:
Жито, сосны и валуны.

Где бы в странствиях кругосветных
Об Отчизне ни снились сны,
Возникали в мечтах заветных
Жито, сосны и валуны.

В мир другой я бы взял немного:
Только нет здесь моей вины.
Лучшее из всего земного –
Жито, сосны и валуны.

О, друзья! Верю – не обидит
Вас поклон мой с иной страны;
Пусть и тень моя сверху видит
Жито, сосны и валуны.

* * *

Как грустно-тоскливо кукует кукушка в бору!
В сиреневых сумерках,
в смутном преддверии ночи
Звучат эти стоны весной, на тревожном ветру.
Откуда печаль?

Мне сиротскую долю пророчит?!

Вечеряйте в хате, а я постою во дворе,
По мне не скучайте,
не надо – гуляйте счастливо.

Ведь должен же кто-то
послушать, как грустно-тоскливо
Кукует кукушка на поздней вечерней заре.

* * *

Звоны жаворонков в чистом поле.
Там, где землю холодит роса,
Где с колосьев ржи по Божьей воле
Выплывает тихая краса.

Для нежадных – этого довольно:
У безумца-века вырвать миг
И послушать молча, на двоих,
Звоны жаворонков в чистом поле.

ИРИНА ИВАНЧЕНКО

Новокубанск

Иванченко Ирина Викторовна, литературное объединение "Поиск", г. Новокубанск. Родилась 26.03.1978 года. Закончила Армавирский юридический техникум, работает библиотекарем в МКУК "Прочноокопский КДЦ".

Писать начала ещё в школе. Основным направлением в прозе является фэнтези. С 2018 года участник молодёжного фестиваля-конкурса "Берега дружбы". Рассказы и стихи печатались в газете "Кубанский писатель", в коллективных сборниках "Связь времён" и "Стихи + Я".

Член Союза писателей России с 2021 года.

МЕНЕСТРЕЛИ ПОЮТ О СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ И ВЕСНЕ...*Маков путь...*

Менестрели поют о счастливой любви и весне.
Я листаю Судьбу,
 мои струны ненастьем задеты.
Что о счастье мечтать?
 Оно лишь померещилось мне.
Я иду напролом
 сквозь огонь раскалённого лета.

И не надо жалеть –
 жалость сквасит любое вино.
Жизнь имеет свой вкус.
 Иногда он изысканно пряный.
Научиться ценить бы, что было Судьбою дано.
Я же грозди ошибок швыряю под ноги упрямо.
И плачу свою цену, выбирая одну из дорог.
Пусть ведёт не туда, но я вновь доверяю удаче.
Как же трудно даётся
 мне этот несложный урок.
Где-то Ангел-Хранитель мой
 тихо в ладошку заплачет...

Дитя индigo

Я рисую смыслы синей краской.
Жёлтой я рисую вдохновенье.
Во дворе затишье, пахнет сказкой,
мама варит с пенками варенье.

Лето задержалось на пороге,
 смотрит в звёздчатую россыпь неба.
В крошечной росинке-недотроге
 отразился мир – кусочек хлеба.

Мессия

Моя лодка плывет по закату, упавшему в воду.
Я рыбачил весь день, но пустые мои невода.
Горек хлеб рыбака –
 забираешь чужую свободу,
ловишь души,
 а с неба взирает бесстрастно звезда.

Был я просто рыбак,
 но однажды я встретил Мессию.
Он вручил мне
 обрывок сети и позвал за собой:
"Всё оставь, мы отныне
 ловить будем души людские,
тех спасать, кто идёт
 за Нечистым, как скот, на убой..."

С той поры я на страже,
 и нет мне ни сна, ни покоя.
Я рыбачу без отдыха – души к спасенью веду.
Мерно сыплют века –
 не меняется племя людское,
и всё так же упорно
 и дерзко стремится в беду...

Дед, прости!

Дед, прости! Покосилась ограда,
облетела эмаль с обелиска,
свежей краской покрасить бы надо,
но до кладбища ехать неблизко...

И не пустят. Теперь есть граница
там, где были единой державой.
Польхают зловеще зарницы
свету вновь угрожая пожаром...

Дед, прости! Но мы всё потеряли...
Братьев, космос и мир во всем мире.
А на смену вам, людям из стали, –
Человечки, застывшие в жире...

Ржой поточены серп твой и молот,
затянуло травой космодромы...
На задворках истории холод
да бывшего величья фантомы.

Дед, прости, я на май не приеду...
Не смогу тебе вновь поклониться.
Трубно славят все вашу Победу,
а с врагом больше некому биться...

Вселенная

Что есть Вселенная? Это же просто –
домик у речки, костер на косе,
чудо вихрастое малого роста
в штанишках коротких бежит по росе.

Что есть Вселенная? Голос так звонок.
Звезды сгорают в огромной дали.
Чудо вихрастное, просто ребенок,
беспечно играет в дорожной пыли.

Что есть Вселенная? Смех мироздания,
улыбка Создателя, миг бытия...
Вспышкой проходит по краю сознания:
да ведь Вселенная – это же я...

Русские не сдаются!

Идёт война, а я – пацан безусый
с голодного и пыльного Поволжья.
От матери храню на память бусы...
Ещё... отцов кисет...потёртой кожи...

Погибла мать в руинах Сталинграда.
Отец – на фронте, где – не знаю точно.
Я у станка. На фронт нужны снаряды.
Поэтому мы здесь. И днём, и ночью.

Мой сменщик – Валя. Ей почти двенадцать.
Спит у стены, уткнувшись в старый ватник.
Ей некуда с работы возвращаться.
Разрушен дом и умер младший братик.

В цеху плакат – "Победа будет нашей!
Повержен враг... отцы на фронте бьются..."
Мы знаем это. Здесь вам каждый скажет –
Русские не сдаются!

Потаенное

Из бабулиной корзинки
выберу клубок.
Чтобы он мне по старинке
путь разведать смог.

Шерстяной мой навигатор...
Жаль, вернуть нельзя
лавочку у старой хаты,
Добрые глаза...

Руки, что меня качали,
берегли от бед...
И такой необычайный
детства чистый свет...

Фородивый

Кто без Бога устал и без веры не видит пути,
я за тех собираю по камешку, прячу в суму.
В гору трудно идти, но её не отдам никому.
Всякий носит свой крест,
знаю сам, что я должен нести.

День за днём я несую
свою ношу к вершине горы.
На плечах прохудившийся
плащ да с камнями сума.
Кто-то скажет мне вслед,
мол, совсем ты свихнулся с ума!
Ничего не отвечу,
я должен молчать до поры.

На вершине туманы
да слякоть, да горний чертог.
Вопреки всем снегам
и дождям, пересудам и сплетням,
Всем грехам вопреки
на вершине я выстрою храм.
Понемногу, по камешку...
И да поможет мне Бог.

НИКИТА БРАГИН

Москва

БРАГИН Никита Юрьевич – по специальности геолог. Поэт, эссеист, переводчик, член Союза писателей России, автор 11 сборников стихов, победитель и лауреат многих литературных конкурсов, в том числе: Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), поэтической номинации Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина, Международного поэтического конкурса "45 калибр", Международной литературной премии имени Сергея Есенина "О Русь, взмахни крылами" (2019) и др. Публиковался в "Литературной газете", газете "День литературы", журналах "Наш современник", "Москва", "Подъём", "Александръ", "Нижний Новгород" и др.

НА РОССТАНЯХ РОССИИ*России*

И снова говорят, что ты – была,
что капельками солнца купола
упали с неба и давно остыли,
что письма твои – одна зола,
и сам язык твой старчески бессилён.

Не стану спорить. Пошлые слова
шуршат, как облетевшая листва,
крошатся, оставаясь без ответа.
Как в чистом поле ранняя трава,
так для моей души твои приметы –

Окошко, просветлевшее в ночи,
и теплота растопленной печи,
и солнышки блинов, и чая кружка,
и небо, где весенние грачи
кружатся над ветшающей церквушкой.

Речка Черемха

Черемха ты или Черёмуха?
Как понравилось, назови
и не бойся ошибок и промахов –
это просто обмолвки любви,
это корни, мхами окутаны,
это чёрная грубость коры
с белой кипенью, летними утрами,
звонким щебетом детворы.

* * *

Уже проснулась полная луна,
от поцелуев солнечных румяна,
и небо, как рекламу ресторана
бокалом первосортного вина,
согрела и украсила она.

Мы не способны осознать вполне
бесхитростную исповедь природы –
её мы слышим только в переводах
с подстрочника и только в тишине...
Как в этот час, с луной наедине.

В Сокольниках

В Сокольниках, у старой каланчи,
затерянной среди стекла и стали,
пора остановиться. Помолчи
и вспомни всё, о чём тогда мечтали,
чем жили, чем томились, выживая
среди утрат, распутиц и разрух...
Теперь всё это – капля восковая
да невесомый паутинный пух.

Теперь всё это – солнечная даль
прозрачного осеннего пейзажа,
где каждый звук и каждая деталь
о радостях и горестях расскажут.
Вот лиственниц лимонные ресницы,
вот ёлочки зелёная свеча,
а где-то дальше детская больница
и наш сынок под скальпелем врача.

Душа моя, ты светишься сквозь плач,
ты смотришь благодарно и влюблённо,
а солнышко, упругое как мяч,
румянится, смеясь сквозь кроны клёнов,
и жизни догорающие листья
на тротуаре радужным ковром,
а воробьи усердно перья чистят
и радостно щебечут – не умрём!

* * *

Прохлада оголённых рук
и самовара жаркий отблеск
обозначают летний отпуск
и этим замыкают круг,
в котором августовский день
с чертами бедности опрятной,
куда ты просишься обратно,
но сердце бьётся о кремень.

И, словно чётки, перебрав
воспоминаний кинокадры,
разделишь скорлупу и ядра,
найдёшь малину в гуще трав,
попробуешь с горчинкой мёд,
продлишь цепочкой многоточий
наш разговор до самой ночи,
и душу радость обоймёт.

Золотые шары

Золотые шары уходящего русского лета,
сколько помните вы
о бревенчатых ветхих домах,
о земле огородов, о старых как сказки монетах,
о трубе самовара,
об искрах, летящих впотьмах,
обо всём, что созрело,
и дышит вином и прохладой,
и как будто бы шепчет
в усталой сентябрьской листве –
не лети, не спеши, нам еще почаёвничать надо
на привольной Угре,
на неслышной и сонной Протве.

Я хочу говорить о тебе, остающейся рядом –
даже в годы потерь,
даже в чёрном ознобе разлук,
в перекрестья решёток
согбенными кронами сада
ты шептала и пела, и теплился солнечный круг
на ладонях, на сердце,
в мечте, в озарении, в слове –
золотым, настоящим,
как солнце лучистым цветком,
светозарным поклоном,
закатом в огне и любви,
и горючей слезой,
и прощальным осенним костром.

* * *

Обойми меня, ночь колыбельная,
в сердце детскую нежность пролей
золотыми слезами-капельями,
звонко-звёздным дыханьем полей!

До рассвета тобой я заслушаюсь,
сотни песен твоих повторив,
и запомнится самая лучшая
и простая, как белый налив.

Самородная музыка августа,
мёд и яблоки в тихом вине –
не прощайся со мною, пожалуйста,
незаметно умолкни во мне.

* * *

Не читайте стихов, если смерти боитесь,
ни на тонких листах, ни на вечном граните.
Звуки морю отдайте, и в поле развейте слова,
и займитесь рачительным и актуальным –
как привычную спальную сделать купальной,
как у боли и смеха загладить приметы родства.

Я же буду молчать, ведь у каждого звука
есть цена, и её не исчислит наука,
и не выкрикнет

сорванным басом азартный игрок.
Эту страшную цену плачу я в рассрочку –
хватит вдоха на букву и вдоха на точку,
нижешь строчку на строчку, и близится срок.

Всё уйдёт, кроме света, надежды и жажды,
всё свершится однажды и сбудется с каждым –
будут рокоты моря и солнечный шёпот дерев.
Тонкой нитью стихов
обращаются чувства и силы,
тонким светом горят
обращённые в душу светила,
животворным дыханием сердце моё обогрев.

Воспоминание о Севере

И было просто и просторно
на поприщах и перевалах,
на снежниках и гребнях горных,
на повстречаньях и привалах,
где чёрен чай, а сахар снежен,
где остужает ветер свежий
твой котелок у самых губ,
и дикий камень, ржав и груб,
вокруг вздымаясь, обступает,
в тисках сжимая синеву,
как будто полночь наяву
приходит, серая, скупая
на хлеб, на мёд и на тепло...
Всё это было и прошло!

Но там, в горах, всё то же эхо,

всё те же скалы и ручьи,
и тот же путь – когда к успеху,
когда до боевой нищеты;
и воедино – мысль и дело,
и в неизведанных пределах
цепочкой жизни – их следы,
и тонкий холодок беды...
Сухая графика пейзажа,
крушение камня, хруст куста,
трагическая красота,
где и огонь, и кровь, и сажа,
и лёд, прозрачно-голубой,
перекликаются с тобой.

И ты, как искорка в кристалле,
горишь, мерцаешь на ветру,
ты стынешь, словно кровь на стали,
зарянкой кличешь поутру,
и отдаёшь, и обретаешь,
и в этом истина простая –
твоё заветное зерно
уже проклюнулось, оно
вбирает воздух, свет и воду,
и зеленеет, и растёт;
к нему из облачных высот,
на крыльях – ливень и свобода,
и не во сне, а наяву!
Вот это счастьем я зову.

* * *

В поезде сесть у окна и смотреть на дорогу,
просто смотреть, не вникая в детали пейзажа.
Эта весенняя дымка сама всё расскажет –
и о страдании, и о надежде, и даже о Боге.
Он ведь недавно прошёл вон по этой тропинке,
здесь мураву приминая босыми ногами,
там оставляя следы на холодном суглинке,
и удаляясь в туман и покой за стогами.

Поезд меж тем улетает всё дальше и дальше
в дым городов, на гремучие цепи вокзалов,
чтобы на пыльном

перроне тебе о заветном сказала
тонкая струнка души,
твой смеющийся мальчик...

Сердце моё, говори! Ты ещё не устало

ритму дорог отзываться и верить простому –
небу и тучам, траве и кустам чернотала,
и замерцавшему в сумраке тихому дому.

Заря в Заполярье

На пристанях, на росстанях
толкучая тоска,
и ропоты, и рассказы,
и серая река,
но словно из убежища,
в разрыве тёмных туч
синее небо свежее,
и льётся светлый луч.

Глядишь, по-детски веруя,
что в золотой дали
до края, полной мерою
вся благодать земли.
Горит в лукошке солнечном
медовая роса,
и вплоть до самой полночи
не гаснут небеса.

Ложится отсвет палевый
на облачный свинец,
а север плачет заревом,
как Господа венец.
Душа всё бескорыстнее,
а краски всё щедрей,
и льётся евхаристия
небесных янтарей.

На миг забыв о хлопотах
сквозь годы я смотрю,
сквозь хлопья чёрной копоти
в полночную зарю.
Как будто после волока
на стрежень и вперед!
Как будто дальний колокол
за окоём зовет!

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

Новороссийск

Возжаева Наталья Викторовна родилась в городе Грозном. Закончила в 1993 году Ростовский государственный университет по специальности "филолог, преподаватель русского языка и литературы". Стихи пишет с 2018 года.

Публикации: "45 параллель", журнал "Тропы" №11.

Лауреат конкурсов: "Кубок Мира по русской поэзии 2020", "45 калибр 2021", "Интернальность 2021"; лауреат национальной литературной премии "Золотое перо Руси" (2021).

Автор сборника стихотворений "Струнность ливней".

БЫЛО СЛОВО...

Несезонное

Не разглядеть сквозь пелену
небесной зыби.
Зима включает тишину
для безъязыких.
Домов безмолвны короба
под белым плюшем.
Снег – это палец на губах,
молчи и слушай.
А снегу год, как ученик.
Сдаёт экзамен,
как будто снова чистовик
перед глазами.
Какой ни вытянешь билет –
опять на тройку.
Цепочка букв – синичкин след
на белом. Только
переписать, переболеть, переиначить...
Засыплет снег, и шанса нет
на пересдачу.

Уходи

Н.К.

Уходи же со сцены, сцена для молодых,
тех, кому ещё жизнь
сапогом не давала под дых,
вот куда тебе, ты ж понимаешь, до них?

До горячих, кипящих, ищущих, несмыслённых,
развращённых снаружи,
внутри – новообращённых,
попирающих все запреты, грызущих клетки,
злых и умных, как черти,
обидчивых, словно дети.
Уходи от орущих,
губастых, бровастых, плечистых дев,
не ищи среди них, не найдёшь Пречистой.
Да и вряд ли найдётся среди молодых писак
тот, кто "нежностью
выстелит твой уходящий шаг".
Как расскажешь им, что ничего не ново?
Было Слово, и зацепились за слово.
Ахнет мельница языков –
и скрипнули жернова!
Так не стало Его, размолотого в слова.
Подбираешь осколок,
маленький, острый, пыльный,
и уносишь, и прячешь
подальше от говорильни.
Ты пока ощущаешь: впивается, давит, колет.
Очень больно? Радуйся этой боли.
Это муча твоя, но всё-таки не мука.
Не кричи, не делись, не плачь,
даже если покажется
невмоготу, принимай её власть
и носи в себе, пусть осколка чистую ипостась.
Век негромких, но ёмких ты всё ещё слышишь,

будто тихий голос Серебряный
 старика из суфлёрской будки.
 Все на сцене толпятся, в зале пустые стулья.
 Аллилуйя, моя хорошая, Аллилуйя...

Балаклава

Всё просто, боже мой, ну как всё просто!
 Пучком из лыка выбелен забор,
 ватажка кур, толкущихся на просе,
 очеловечивает прицерковный двор.
 Тут лики на иконах – просто лица,
 и храм – не храм, а светлый божий дом,
 где по утрам по чистым половицам
 в рубахе белой тихо бродит Он.
 И батюшка в застиранной бандане,
 пока не жарко, дёргает сорняк.
 И здесь неудивительно, когда мне
 поставить свечку разрешат "за так".
 Тут зной душист, как шардоне в бокале,
 и хохотом заходится мартын.
 Минуты спят, свернувшись на причале,
 как, осовев от праздности, коты.
 Да, всё так просто: рыба, соль и ветер.
 В оправе скал горит аквамарин,
 и, как живой, стоит у парапета
 вернувшийся задумчивый Куприн.
 Останешься, смирившийся и кроткий,
 без парусов, с поломанным веслом.
 Привяжешь сердца ссохшуюся лодку
 к вот этому всему морским узлом.

Свологи

Грозный город. Ливневая струнность.
 В горной речке – красная вода.
 Ты мне подарил седую юность.
 Мне теперь и старость – не беда...
 На полу раздолбанной маршрутки
 места и двуногим-то впритык.
 Погоди, водила, скину куртку...
 У войны совсем не бабий лик.
 Крошево от гусеничных траков,
 небо нашпиговано свинцом.
 У войны лицо моей собаки.
 Нет, не морда. Именно лицо.
 Помнишь знойный зуд мушиных сонмищ?
 Помнишь трупов бурые кули?
 Ты же ни черта потом не вспомнишь,
 кроме пса, сидящего в пыли.
 Я тогда ещё умела плакать.
 После ссохлось всё, как солончак.
 Места не хватило для собаки.

Крови было мало сволочам.
 Ты, Господь, нас вёл до Малгобека,
 дальше сами, дальше – на авось.
 Живы. Но с глазами человека
 В стужке сердца поселился пёс.
 Жить, конечно, можно, только нечем.
 Бог да совесть – тот ещё балласт.
 Ты поймёшь, что мир бесчеловечен,
 Предавая тех, кто не предаст.

Миг

Тут пахнут сосны тонко, горячо,
 как шея женщины над ямочкой ключичной,
 и солнце липнет к телу, как горчичник,
 врачюя душу. И печёт, печёт.
 Бледнеет горизонта тонкий шов.
 Ты, вечером глотнув мускатной крови,
 почувствуешь, что оказался вровень
 со звёздным опрокинутым ковшом.
 Качается земля, плывёт, как бриг.
 Всем четырём дано по равной доле:
 три месяца. Не менее, не боле.
 Но, кажется, что лету – только миг.

Она везде

Здесь дух её на крылышках стрекоз
 проявится неслышно, полузримо:
 на ручке развалившейся корзины,
 на фартуке, подвешенном на гвоздь.
 Она везде. На зелени ворот,
 на белых гольфах слив, айвы и вишен...
 Как будто здесь. Как будто просто вышла
 за хлебом-молоком. Сейчас придёт.
 Опустится благословенность тьмы.
 Заснули куры. Во дворе – ни звука.
 И только сад пугает редким стуком –
 там яблоня прощается с детьми.
 Как пахнет хмель! Как светляки кружат!
 Теплом животным дышит дом саманный,
 и ночь несёт в подоле сарафана
 упавших звёзд богатый урожай.
 Ему бы спать, но он боится сна.
 Приснится, что сажает чернобривцы
 в домашнем платье из простого ситца,
 живая и весёлая, она.
 И сон как жизнь, а, может, жизнь, как сон,
 и время ничего уже не значит.
 Забыв ладонь на голове собачьей,
 десятую за вечер курит он.

21

Это будет не сложно,
 это – как вылиться из сосуда,
 это просто посуда,
 не более,
 держит тебя как воду;
 только так,
 не имея ни формы,
 ни цели, ни выхода и ни входа,
 уяснишь свободу;
 это будет не больно –
 выпрастывать крылья из кокона,
 да и сколько он прослужил, это тоже не суть:
 унесут-закопают или сожгут-развеют,
 зёрна сея, тихо волнуя землю;
 это будет недолго –
 странные ритуалы у последнего долга,
 так оставшиеся в неволе,
 сыреют от боли, слабеют от плача –
 ты увидишь это совсем иначе;
 всё иначе,
 если смотреть с небес –
 о себе они несвободные,
 о себе.

Ты почти невесом и несом в никуда –
 этот вектор отныне и ныне и присно и во веки
 веков,
 да и самое главное –
 кто ты таков без телесных цепей и оков;
 набираешь, теряешь ли высоту –
 сам подумай,
 пока ещё можешь думать.
 Как попробовал взвесь эту
 взвесить неугомонный Дункан*.

Но не вышло, не удалось –
 не вписалось в граммы.
 Это нечто,
 рвущее оболочку тела,
 заливающее потолок капеллы,
 голосащее соло подсолнухов –
 говорящий камень.
 Амен.

Ну какие там граммы за гранью –
 нет названия,
 нет объяснения.
 Эта взвесь –
 то, что было тобой,
 и останется навсегда тобой,
 но уже не здесь.

* Дункан Макдугалл – учёный, по теории которого
 душа весит 21 грамм

Сиюминутность

Что мне нападки и хула –
 закрою, где сквозит.
 Мой дом уютен, как халат,
 и так же неказист.

Но прибран, вычищен, умыт –
 на окнах кружева.
 Любовь поблёкшая, как мы,
 а всё ещё жива.

Остыла печь, в ней нет огня,
 но под золой тепло.
 Теперь у нынешней меня
 к тебе так мало слов.

Считать не станем январь,
 отпущено – прими.
 Смолола мельничка – вари,
 от кофе ли щемит?

На завтрак немудрёна снедь –
 оладий напеку.
 Смотри, идёт незрелый снег,
 стучит по козырьку.

Ты на крыльцо? Пальто надень.
 Не искушай зимы.
 Как краток век, как долог день,
 сиюминутны мы.

ЮРИЙ АЗАРОВ

Москва

Азаров Юрий Фёдорович родился "по пути на войну" в январе 1947 г. в г. Бобруйске в семье фронтовиков – кубанского казака, капитана Фёдора Азарова и донской казачки, сержанта Таисии Азаровой (Поповой). Спустя месяц родители привезли свой "фронтowej трофей" на Кубань в станицу Вознесенскую. Впоследствии по этому поводу Юрий Азаров написал:

Мою судьбу сложили две реки –
Великий Дон и горная Кубань.
Их два потока, щедрых две руки
Плеснули мне невиданную дань.

От предков с Дона дух казачьей воли,
Кубанских предков веру и Любовь.
Судьбу я славлю за такую долю,
Что две реки смешали мою кровь.

Многие кубанцы старшего поколения знают и помнят Юрия Азарова как первого секретаря Краснодарского горкома ВЛКСМ, начальника политотдела УВД крайисполкома, секретаря крайкома КПСС. Значительную часть жизни он отдал служению Отечеству в рядах современной таможенной службы России, в которой прошёл путь от заместителя начальника Краснодарской таможни до заместителя руководителя Федеральной таможенной службы. Имеет специальные звания – генерал-полковник таможенной службы и полковник милиции.

В зрелые годы, фактически уже в период таможенной службы, увлёкся поэзией, в которой наряду с лирическими стихотворениями, воспевающими красоту и величие русской души и родной природы, в том числе кубанской, преобладают размышления о трудной судьбе России и россиян, о любви, дружбе и святом товариществе, способных одолеть любые жизненные невзгоды, развить и укрепить могучую силу русского духа.

Первый поэтический сборник "Вся наша жизнь – это путь по спирали", втайне от автора был издан небольшим тиражом его сослуживцами и единомышленниками по Северо-Кавказскому таможенному управлению. Впоследствии вышел в свет второй сборник стихов "Крылья мои – Россия", ставший основанием для принятия его в 2002 году в Союз писателей России. Третья книга "Кольца жизни" (2010), как и четвёртая, изданная в Краснодаре в 2018 году под названием "Войной не признанная нить. Одоление", содержат не только поэтические произведения, но и прозу – рассказы и публицистику. Большая их часть посвящена старшему поколению, победившему фашизм, а также тем, кто пришёл им на смену и... не смог предотвратить величайшую трагедию для миллионов людей – распад советской державы.

Одинокий колокол,
Церковь деревянная.
Звон, взлети над облаком,
Над Россией раненной!

Воззови нас к разуму,
Надели вновь силою.
Бог нас создал разными,
Но землю дал единую.

После завершения службы, с 2006 года, Ю.Ф. Азаров возглавляет региональную общественную организацию "Кубанское землячество" в городе Москве, поддерживающую тесные контакты с органами власти, а также с общественными, в том числе творческими, организациями Краснодарского края.

Сердечно поздравляем Юрия Фёдоровича Азарова с юбилеем! Желаем долгих плодотворных лет и новых свершений!

ДЯДЯ КОЛЯ

Рассказ

С февраля на март, как это часто бывает в наших южных краях, на Кубани установились ясные и по-весеннему тёплые дни. Воздух наполнился неповторимым запахом отогревающихся после зимних холодов чернозёмов, а ярко-голубые небеса, в сочетании с абсолютно прозрачной земной атмосферой, открыли любопытному человеческому взору завораживающую своей таинственной красотой дальнюю горную панораму: к югу от Краснодара явственно проступили тёмные контуры невысокой гряды Западного Кавказа, а в их продолжение, в юго-восточном направлении, заманчивым миражом обозначились снежные вершины главного Кавказского хребта.

Ранняя весна побудила к жизни всё, что произрастало на этой благодатной земле: проклюнулись нежные ростки бурьянов, в клумбах и на лужайках распустились весенние первоцветы – подснежники и крокусы, а в степных лесополосах и в перелесках на свет Божий пробился главный весенний кладёзь витаминов – дикий чеснок черемша. Разом поменялась и обыденная жизнь кубанцев: ожили машинные дворы и полевые станы; на колхозно-совхозные уголья дружно выдвинулись тракторы с подвесными плугами и сеялками; на подсохших полевых дорогах засновали грузовики с семенами и удобрениями. Весенний переполюх охватил и кубанских домохозяек, дружно отправившихся в погреба для проверки готовности семенного картофеля, лука-севка, чеснока и всякого прочего, бескрайнего в своей номенклатуре весеннего посадочного материала к предстоящей садово-огородной страде. Таковым был и таким навсегда останется традиционный уклад жизни кубанцев, вне зависимости от того, где они обитают: на селе или в городских многоэтажках и частных подворьях.

А каково было нам, старшеклассникам, усидеть на уроках при такой-то благодати? Весна решительно вселяла в наши взрослеющие души пока ещё мало знакомое, но очень уж притягательное стремление к свободе и любви. Нестерпимо хотелось забросить куда подальше портфели с учебниками и махнуть – ну, хотя бы на один денёк! – на природу: погреться на солнышке, погонять мяч на подсохшем футбольном поле, побродить по городскому парку с заметно похорошевшими одноклассниками, но... куда от неё, от школы этой, денешься? А тут ещё контрольная по алгебре, разом возвратившая наш девятый "Б" в строго размеренное математическое русло.

В классе стояла напряжённая тишина, и лишь со школьного стадиона, сквозь неплотно прикрытые окна доносились команды физрука: "Раз-два-три-четыре! Выше руки! Правой – левой, правой – левой!". Сосредоточив наши "застывшие за зиму мозги" на решении задач и составлении уравнений, учительница математики Нина Николаевна с высоты школьного третьего этажа задумчиво изучала серые и скучные после зимы пейзажи городской окраины: безлистные тополя, неприглядные частные подворья и чернеющие в паре километров от школы опытные поля научного сельхозинститута. Вместе с тем – а мы это знали точно! – она ни на секунду не оставляла нас без контроля, чтобы – боже упаси! – никто не вздумал общаться с соседом по парте, заглядывать в учебник и в чужие тетрадки или, того хуже, пользоваться заранее приготовленными шпаргалками. Да, у Нины Николаевны шибко не забалуешь! От пронзительного взгляда её чёрных, как принято говорить – цыганских глаз, невозможно было скрыть никакие, даже малейшие пробелы в познании математических наук. В отличие от других преподавателей, она обладала такой непостижимой для нас силой воздействия на своих учеников, что ни у кого даже в мыслях не возникало соблазна являться на её уроки с невыученным домашним заданием или во время урока прятаться за спины впереди сидящих одноклассников, чтобы она ненароком не вызвала к доске.

Строгих правил придерживалась Нина Николаевна и в своём внешнем облике. Её стройную, как у балерин из местного театра оперетты, фигуру подчёркивали длинные – чуть ли не до пят – и закрытые под горло платья, а коротко стриженные, такие же чёрные, как и глаза, волосы напоминали нам плакатные причёски пламенных комсомолок времён гражданской войны. В школе ходили слухи, что в жилах Нины Николаевны присутствует цыганская кровь, однако, если честно, нам до этого не было абсолютно никакого дела. В те времена – а на дворе стоял 1963 год – ни я, ни мои сверстники вовсе не

"запаривались", кто из учеников, а тем более – учителей, к какой принадлежит национальности. Мы буквально с пелёнок усвоили, что все советские люди – братья, товарищи и друзья, и общались между собой, не придавая особого значения тому, кто, где и кем родился. Причём, этот наш убеждённый интернационализм формировался не только пионерскими и комсомольскими организациями, а, в первую очередь, нашими отвоевавшими своё отцами. "На фронте, – рассказывали они, – где решался вопрос жизни или смерти страны и каждого из нас, мало кто задумывался о национальной принадлежности боевого товарища. Врага надо было одолеть любой ценой, хотя бы даже для того, чтобы вы, наши дети, потом счастливо жили. К тому же, смерть на войне не имела ни малейшей привычки различать, кто из бойцов и командиров Красной Армии русский, татарин, армянин, узбек или человек какого-либо иного рода-племени. Для неё все мы были одинаковы. И, слава Богу, что в тяжелейшие годы войны никто не заявлял себя более равным среди остальных равных друг другу народов. Иначе, гибель пришла бы всем, а им, врагам нашим, только того и надо было!"

А что касается Нины Николаевны, то мы её уважали и даже любили не только за прямоту характера и справедливость в оценке наших математических знаний, но и за удивительную способность вне школьных занятий преобразоваться из строгой учительницы в общительного, улыбчивого, искромётно остроумного человека.

Ближе к завершению урока в дверь постучались. Нина Николаевна вышла в коридор, с кем-то о чём-то перемолвилась и возвратилась обратно. Мы, естественно, тут же воспользовались этими драгоценными секундами, чтобы сверить с одноклассниками результаты решения контрольных задач, но она эти вольности пресекла на корню:

– Разговорчики прекратить! Всем работать! Времени осталось пятнадцать минут.

После звонка, возвестившего об окончании урока, она потребовала от дежурного по классу собрать тетради, а потом подозвала меня к себе:

– Тебе, Озеров, нужно срочно явиться к завучу Нине Васильевне. Все остальные могут отдыхать!

Странно, подумалось мне, с чего бы это вдруг к завучу, да ещё и "явиться"? Но, как говорил наш учитель химии и гражданской обороны, а в прошлом – майор Советской армии, приказы начальников не обсуждаются, а подлежат немедленному исполнению! Следуя этой формуле, я тут же отправился на второй этаж, где располагалась школьная администрация. Пока спускался по ступенькам лестницы, перебрал все возможные свои грехи и даже малозаметные погрешности последних дней, но в дурном поведении вроде бы замечен не был, субботний вечер старшекласников я, как заведующий школьным радиоузлом, обеспечил без замечаний. По крайней мере, техника работала исправно, пластинки ставил те, какие рекомендовал наш школьный старший пионервожатый Слава Рублёв. Музыкальный репертуар тоже был обычным для того времени: песни в исполнении Леонида Утёсова, Марка Бернеса, Владимира Трошина, Эдиты Пьехи и ансамбля "Дружба", Иосифа Кобзона, Майи Кристалинской и других, популярных тогда советских исполнителей. Конечно, может возникнуть вопрос по поводу пластинки с записью английского ансамбля "Битлз", которую кто-то из старшекласников "надыбал" на новороссийской барахолке и занёс мне в радиоузел с условием неукоснительной её сохранности, но... "битлаков" крутили тогда на всех городских танцплощадках, и никто никаких запретов на это не налагал.

Стучусь в дверь, приоткрываю её и заглядываю в кабинет, а Нина Васильевна нетерпеливо машет рукой – дескать, не тяни kota за хвост, заходи быстрее. Вслед за мной в кабинет, так же неуверенно и робко, протиснулся ученик девятого "А" Колька Соколов. В комнате находились наши учителя физики Борис Михайлович и Алла Николаевна, которая одновременно была и нашей "классручкой", а рядом с ними сидели ещё два совершенно незнакомых мне человека: один постарше, с крупной залысиной, профессорской бородкой и объёмным портфелем на коленях, а другой – худощавый очкарик – был намного моложе "профессора", с виду – лет двадцати пяти от роду.

– Садитесь, – указала нам Нина Васильевна на свободные стулья, – и внимательно слушайте. Я собрала вас, чтобы обсудить предложение пединститута о подготовке для школьных нужд двух-трёх специалистов по демонстрации кинофильмов или, как их называют, кинодемонстраторов. Оно, это предложение, очень важное и своевременное для школы, потому что мы недавно получили комплект киноустановки "Украина", предназначенной для демонстрации учебных фильмов, но использовать его, а тем более – получать в кинопрокате кинофильмы, не имеем права. Основная проблема в отсутствии у нас обученных и допущенных к этому специалистов. По существующим правилам, свидетельство о получении этой специальности могут получать и взрослые из числа учителей, и учащиеся старших классов, кому исполнилось шестнадцать лет. Всё ясно? – спросила она почему-то только нас с Николаем.

Мы дружно закивали головами в знак глубочайшего понимания этой, безусловно, очень актуальной для школы проблемы. "Хотя, – подумалось мне – при чём здесь я и какие-то там кинодемонстраторы? Но терпение, терпение и ещё раз терпение. Раз Нина Васильевна пригласила нас с Николаем к участию в этом разговоре, значит, так надо".

Между тем, завуч попросила мужчину с бородкой, которого представила в качестве доцента пединститута (надо же, как я угадал его профессорский статус!), более подробно изложить этот вопрос. Он встал, прокашлялся, будто собирался читать длинную лекцию, слегка погладил бородку и начал свою речь:

– Спасибо, Нина Васильевна, за предоставленное слово. Уважаемые коллеги (это значит, что и мы с Николаем его коллеги?!), в нашем институте с участием крайкинопроката разработана программа подготовки кинодемонстраторов для школ города. Мы имеем поручение и в вашей школе обучить этой профессии одного учителя и двух-трёх учеников старших классов. А теперь о сути вопроса, вынесенного на это совещание. Кто они такие – школьные кинодемонстраторы? Это лица, обладающие правом демонстрировать учебные и, даже, игровые художественные фильмы для учащихся школы с использованием принадлежащей ей киноустановки "Украина". А чтобы такое право получить, необходимо овладеть теоретическими знаниями по устройству и функционированию кинодемонстрационной аппаратуры, освоить навыки её эксплуатации, а также научиться бережно обращаться с киноплёнкой, чтобы не причинить фильмам вреда. Следует помнить, что кинофильмы – это государственное имущество, и вы этим имуществом должны пользоваться в соответствии с установленными правилами, – строго посмотрел он сначала на Нину Васильевну, а потом, как мне показалось, подозрительно прищурившись, на нас с Николаем, будто мы уже заранее виновны в варварском обращении с какой-то малопонятной нам киноплёнкой.

– На обучение вам отводится два месяца, из которых в течение двух недель вы будете проходить практику, а потом сдадите экзамен на право демонстрировать фильмы на 16-миллиметровой киноплёнке посредством киноустановки "Украина". Естественно, с вручением вам свидетельства, удостоверяющего то самое право, о котором я говорил выше. Уложиться в освоение программы нужно до середины мая, то есть, до того, как в институте начнётся весенняя сессия. Занятия с обучающимися – я так понимаю, что ими будут два присутствующих здесь школьника, а также кто-то из учителей физики – проведёт студент четвёртого курса физфака Андрей Никитин. Прошу любить и жаловать, – указал он на уважительно приподнявшегося студента. – Как правило, от школы ответственность за организацию обучения возлагается на преподавателей физики. Ну, с этим вы разберётесь сами. Да, чуть не упустил ещё один важный момент: с прохождением практики школа тоже должна сама определиться. Вы можете договориться об этом с местными клубами или домами культуры, в которых используются киноустановки "Украина". Вот, собственно, и всё, что я могу сказать в отведённое мне время.

Как раз в этот момент раздался звонок, возвестивший об окончании перемены. Нина Васильевна отправила нас с Николаем на занятия, предварительно спросив, готовы ли мы приступить к обучению. Естественно, никаких возражений с нашей стороны и быть не могло: предложение было пусть и неожиданным, но очень заманчивым. Если честно, мы о таком и мечтать не могли! Нам ещё никто никогда не предлагал освоить какую-нибудь, пусть даже самую завалющую профессию, а тут сразу – кинодемонстратор! Мы как-то даже возвысились в собственных глазах от такой заманчивой перспективы.

Занятия проводились два раза в неделю во внеурочное время. Мы изучали устройство киноустановки: лентопротяжной механизм, всякие разные барабаны и ролики, затворную планку, оптико-осветительные и звукочитающие приспособления, вникали в принцип действия фотоумножителя, усилителя и всяких прочих составных частей этой очень даже непростой техники. Никитин Андрей учил нас заправлять киноплёнку, обеспечивать сохранность её качества, производить замену предохранителей, проекционной и фоточитающей ламп, устранять иные мелкие неполадки.

Спустя полтора месяца – а это уже была вторая половина апреля – Борис Михайлович, осваивающий вместе с нами премудрости киношного дела, объявил о порядке прохождения практики.

– Тебе, Озеров, в субботу к 16 часам нужно прибыть в клуб витаминной фабрики. Там найдёшь заведующую, а она сведёт тебя с киномехаником. Ты, Соколов, будешь проходить практику в клубе табачной фабрики, куда должен явиться также в субботу, за час до киносеанса, то есть, к 18 часам. О графике прохождения практики договоритесь сами. Только имейте в виду, что таких практических занятий должно быть не менее четырёх за две недели. По итогам вам необходимо подготовить отчёты, подписать их вместе с киномеханиками и утвердить подписью заведующих клубами. С ними я обо всём договорился. Ко мне есть вопросы? Нет? Тогда, за дело!

* * *

Витаминная фабрика вместе с её клубом находилась неподалёку от нашей школы, среди густо расположенных за фабричной территорией личных домовладений. В прежние годы в этой части Краснодара существовал самостоятельный населённый пункт – село Калинино, но после войны, когда к нему вплотную подступились городские новостройки, село присоединили к городу, сохранив при этом за ним все атрибуты административной и культурной самостоятельности: сельский совет, отделение милиции, библиотеку. Уклад жизни здесь был скорее сельским, чем городским. Многие сельчане трудились в пригородных совхозах, учхозах и прочих сельскохозяйственных предприятиях агрономами, зоотехниками, механизаторами, рабочими животноводческих ферм и овощеводческих бригад. Домовладения в основной своей массе были старой, ещё довоенной, а то и дореволюционной постройки, но встречались и новые, возведённые в послевоенный период. А так как жители этой городской окраины в большинстве своём и во все времена – и царские, и при советской власти – жили не шибко богато, то и жилища они возводили из наиболее дешёвого, подручного материала, прежде всего из самана. По этой причине и вид их был соответствующим: в основном это были обычные хаты с крышами, покрытыми шифером, в редких случаях – кровельным железом, а то и камышом. В ту пору на территории села не строили многоэтажек, не разбивали парков и скверов, таких, как в центральной части города, зато здешние окраинные улицы и переулки были такими же тихими и уютными, как в кубанских станицах.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого столетия мы, по сути своей полусельские-полугородские дети, особенно те, кто до переезда в Краснодар проживал в станицах и на хуторах, хорошо знали, как и из чего возводится это простецкое жильё. Обычно хаты строили всем гуртом: завозили глину, солому, наполняли водой большие бочки. Потом с помощью родичей, сватьёв-кумовьёв, соседей и друзей отсыпали на ровной площадке толстый слой глины в форме круга диаметром метров в двадцать, а то и более, в зависимости от размера будущего дома и количества хозяйственных построек. Это рукотворное глинище обильно заливали водой, чтобы оно до наступления следующего дня основательно раскисло. С утра засыпали мелко нарубленной соломой, добавляли навоз, песок и тщательно месили: кто собственными ногами, а кто – гонял по замесу лошадей.

Для нас, пацанов, было высшей честью месить глину верхом на конях. Мы пришпоривали их голыми пятками, подгоняли хворостинами и наездничали до той поры, пока не разбивали свои худосочные попы о конскую хребтину. После того, как замес был готов, подросткам поручалось ещё одно не менее важное дело – тщательно отмыть у коней густо заляпанные глиной ноги, брюхо и хвосты! Лучше, конечно, мыть лошадей в речке или в каком-нибудь ином местном водоёме, а заодно и самим искупаться, но это уж от нас не зависело.

В это время взрослые формовали из крутого замеса увесистые саманные кирпичины и оставляли их для сушки на солнцепёке, а чтобы те не растрескивались от жаркого солнца, несколько раз в день их смачивали водой. После того, как саман высыхал и обретал прочность, приступали к возведению стен будущего жилища.

Строили быстро, в течение одного-двух месяцев, пока сохранялась сухая и тёплая погода. И вот, ближе к осени, на земельном участке уже красовалась аккуратно обмазанная глиной, просохшая изнутри и снаружи хата с обычной двускатной крышей! Оставалось установить окна и двери, настелить полы, побелить внутренние и наружные стены, навесить ставни и покрасить их в синий или зелёный цвет – это уж на вкус хозяев. Рядом с домом, под лёгким навесом, складывали из кирпича летнюю плиту, а поодаль, ближе к краю участка, возводили сараи, курятники, свинарники и всякие прочие хозяйственные "заведения", призванные сопровождать человека в течение всей его последующей жизни. Тем же гуртом, нередко вскладчину по принципу "кто чем богат", справляли входины: варили борщ или наваристый куриный суп с домашней лапшой; готовили мясные блюда; пекли пироги; доставали из запасников всякие разные соленья; на стол ставили водку и вино, а чаще – сваренный тайком (не дай Бог, участковый вызнает!) самогон из свеклы и прочей, способной бродить фруктово-ягодной смеси, какой на юге "хоть пруд пруди". Но, даже если стол накрывали всем "колхозом", за хозяином непременно оставалась обязанность гостей приветить, щедро накормить и напоить, а, если понадобится, то и спать уложить, ежели кто не в силах самостоятельно добраться до своего дома. А песни попеть и гопака под баян сплясать – это, как говорится, сам Бог велит!

Со временем наша городская окраина стала приобретать всё более и более основательный вид: через пятнадцать-двадцать лет после войны у людей появилось больше возможностей возводить со-

всем другие – крепкие, долговечные и более просторные кирпичные дома или обкладывали кирпичом саманные домики, продлевая тем самым их жизнь ещё на несколько десятков лет. А тут ещё тогдашний "вождь" страны Никита Хрущёв затеял сокращение армии, и сотни тысяч отставников, большинство из которых – ветераны войны, потянулись на постоянное место жительства в тёплые края – на Дон, Кубань и в Ставрополье, где получали земельные наделы и строили дома. Как раз те, кирпичные. С наступлением осени в новых подворьях, а также за межой, вдоль уличных тротуаров, новосёлы высаживали фруктовые деревья, кусты сирени, жасмина и ягод, разбивали цветники. Спустя три-четыре года, район новой застройки превращался в единый большой фруктово-ягодный сад, щедро облагороженный палисадниками из роз, хризантем, георгинов и множества других, радующих глаз цветов. Так уж было заведено на Кубани (чему следовал и приезжий люд) – каждый квадратный метр матушки-землицы должен быть обработан, засажен и засеян так, чтобы подворье радовало своей ухоженностью не только хозяев и соседей, но и любого другого, проходившего мимо подворья человека. А те, ревностно взирая на такую рукотворную благодать, стремились превратить свой двор в не менее роскошный садово-цветочный рай. Кто скажет, что такое ревностное отношение к образцовому содержанию личного приусадебного участка не является двигателем человеческого прогресса? Где-где, а на Кубани точно является!

Кстати, летом того же 1963 года, после долгих хождений отца по всяким комиссиям, исполкомам, проектным и архитектурным бюро, ему выдали наконец-то разрешение на пристройку к нашему небольшому саманному домику и позволили обложить его глиняные стены кирпичом. Для нас оно, это "высокое" решение районных властей, было равнозначно акту величайшего социального милосердия: тридцать шесть квадратных метров, приходившихся на пятерых членов семьи, дозволили расширить до пятидесяти четырёх квадратов! А что поделаешь? Так тогда боролись с капиталистическими пережитками, которые выражались в стремлении "некоторой части советских граждан к обогащению и роскоши". Это я – ради прояснения тогдашней социальной ситуации, которая нынче, при диком капитализме, обрела свою полную противоположность. В условиях гигантской пропасти между богатством и бедностью больше прав и возможностей оказалось у тех, кто обладает большими деньгами и ещё – властью. Остальным – шиш с маслом. Социалистическое бесплатное жильё закончилось, так что, выкручивайтесь, граждане-товарищи, с личными квадратными метрами самостоятельно. Как говорится, с чем боролись, на то и напоролись! Но тогда, в начале шестидесятых, мы ещё не догадывались, что ожидает нас, наших будущих детей и внуков, через какие-то сорок-пятьдесят лет. Теперь та уютная и милая нашему сердцу городская окраина изменилась до уровня архитектурной абракадабры, смешавшей в кучу огромные многоэтажки, роскошные дома "новых русских" и доживающие свой век скромные хаты из нашего послевоенного детства. Канула в вечность и та витаминная фабрика вместе с её клубом.

Много лет спустя, уже в "московские" свои годы, я, будучи в состоянии неодолимой тоски по Кубани, посвятил тогдашнему облику нашей краснодарской окраины стихотворение:

Пусть кто-то любит суету Арбата,
им по Тверской пройти – нет выше дара,
а я навеки покорён когда-то
уютным обликом окраин Краснодара.

Где по станичному побеленные хаты,
вдоль дворов фруктовые сады,
тополя, как стройные солдаты,
в палисадниках роскошные цветы.

Там шаг один – и ты уж в чистом поле,
в пшенице золотой по пояс.
Какой простор, какая воля! –
ликует в небе жаворонка голос.

Здесь каждый по прописке горожанин,
в душе – станичник и казак лихой.
А впрочем, и москвич, и парижанин
не скажут, что их край плохой.

Живу в Москве, ценю красу Арбата

и ширь Тверской... без ощущения дара.
Ведь я навеки покорён когда-то
станичным обликом окраин Краснодара.

* * *

Именно через такой буйно цветущий сад, в сопровождении художественного посвистывания и пощёлкивания окрестных скворцов шёл я тогда, в середине кубанской весны, на первую в своей жизни производственную практику. Основательно разогретый воздух был щедро напоен тончайшим ароматом цветущих деревьев и кустарников: вишен, черешен, яблонь, груш и распускающейся сирени. Разве можно сравнить этот воистину божественный период пробуждения южной природы с каким-либо иным временем года? Нет, конечно! Моё весеннее настроение дополнялось буквально засевшей в моей голове песенкой "Весна идёт" из кинофильма, которую утром передавали по радио. Исполняла её народная артистка СССР Любовь Орлова:

Весенний шмель гудит весеннюю тревогу.
Кричат задорные весенние скворцы.
Кричат скворцы во все концы:
"Весна идёт! Весне дорогу!"

На подходе к зданию фабричного клуба, представлявшего собой одноэтажное кирпичное строение, внешне напоминающее скорее складское помещение, чем заведение культуры, моё лирическое настроение стремительно переменялось на деловой лад. Перед входом в клуб под стеклом витрины висела аккуратно нарисованная афиша: "13 апреля с.г. смотрите художественный фильм "Королева бензоколонки". Начало сеанса в 18.30. Цена билетов: для взрослых – 40 коп., для детей – 20 коп."

"Зато для меня сегодня фильм будет бесплатным, – согрела душу приятная мысль. – Вот что значит приобщиться к кинематографу!"

Входная дверь в клуб была открыта. Я вошёл в вестибюль, в котором с одной стороны располагалась касса, а с другой – находилась дверь с табличкой "Заведующий клубом". Ещё одна дверь – широкая, двустворчатая – вела в зрительный зал. Она была приоткрыта. Из глубины зала доносилось женское пение в сопровождении баяна:

Ти ж мене підманула,
Ти ж мене підвела,
Ти ж мене молодого
З ума-разуму звела!

Исполнительниц остановил громкий женский голос:

– Стоп! Стоп! Не торопитесь, слушайте музыку! Иван Петрович, возьмите тональность на октаву ниже.

Узрев невесть откуда возникшего чужака, обладательница командного голоса повернулась в мою сторону и недовольно спросила:

– А вы, юноша, по какому вопросу?

– Я из школы. Мне сказано: прибыть к заведующей клубом для прохождения практики у кинематеханика.

– Ах, да! Мне звонила Нина Васильевна, и Борис Михайлович, физик ваш, приходил по этому вопросу. Прошу продолжать репетицию под руководством Ивана Петровича, – сказала она стоявшим на сцене женщинам, одетым в нарядные украинские платья с расшитыми передниками, – а я пока занимаюсь с молодым человеком.

Иди за мной, – скомандовала заведующая и направилась в сторону своего кабинета, который представлял собой небольшую комнату с рабочим столом, заваленным какими-то книжками, брошюрами, плакатами. Вдоль стен стояли два книжных шкафа и несколько стульев. Заведующая села на своё рабочее место, а мне велела взять стул и присесть поближе к столу.

– Как тебя зовут?

– Виктор. А фамилия – Озеров.

– Понятно. Значит, слушай меня, Виктор, внимательно и запоминай. У нас в клубе существуют жёсткие требования по части пожарной безопасности. Особенно это касается киноаппаратной. Тебя

об этих правилах подробно проинструктирует Николай Александрович, наш киномеханик. Две недели практики – срок небольшой, к тому же ты не являешься нашим штатным работником, поэтому оформлять специальный допуск не будем, но порядок ты должен соблюдать неукоснительно. Понял? – она строго посмотрела на меня и, получив заверение твёрдо соблюдать установленные в клубе правила, сказала: – Тогда идём в киноаппаратную.

Мы вышли из помещения и направились к наружной металлической лестнице, которая располагалась в самом конце здания. По ней поднялись на небольшую площадку с дверью, на которой была прикреплена табличка "Посторонним вход строго запрещён".

Заведующая постучала. Через некоторое время шёлкнула задвижка, и перед нами возник невысокий, слегка седоватый мужчина худощавого телосложения, одетый в клетчатую рубашку с засученными рукавами и в изрядно поношенные армейские штаны. На лице с правой стороны был заметен шрам от уха и почти до подбородка. За спиной киномеханика, в нешироком, но длинном коридоре стоял прислонённый к стене велосипед, а за ним – вешалка для одежды и стол с металлическими коробками, предназначенными для перевозки и хранения кинофильмов. Справа, через открытую дверь просматривалась комната киноаппаратной.

– А вот и наш киномеханик Николай. Для тебя, он, скорее всего, дядя Коля или Николай Александрович. Это уж как тебе понравится. А это, – обратилась она к киномеханику, – твой практикант Виктор из нашей соседней школы, о котором я тебе говорила.

Киномеханик посмотрел на меня изучающим взглядом и, видимо, не обнаружив ничего такого, что могло бы его насторожить, а может, даже расстроить, улыбнулся и протянул руку:

– Приветствую молодую смену! Ну что ж, будем считать, что в нашем полку прибыло! Разные у меня бывали практиканты, но вот чтобы школьник – это в первый раз. Давай тогда, товарищ Виктор, сразу займёмся делом.

Заведующая клубом, пожелав нам успехов, ушла, и я остался один на один с человеком, которого видел впервые в жизни.

– Для начала, как положено, представься, – велел мне дядя Коля. – В каком классе учишься?

– В девятом.

– А лет тебе сколько?

– В январе исполнилось шестнадцать.

– Вполне солидный человек. Я в твоём возрасте тоже учился в девятом классе, да война всё сломала.

Он посмотрел на меня так, словно хотел разглядеть во мне самого себя, шестнадцатилетнего.

– А ты не напрягайся, это я так, к слову. Привычка у меня такая – всех по себе мерить.

И тут же переключился на деловую тему:

– Комплект киноустановки "Украина" тебе, как я понимаю, знаком?

– Да, в школе такой же. Теоретическую часть мы прошли и даже немного попрактиковались на нашем аппарате.

– Такой-то он такой, да не совсем: ваш школьный кинопроектор "Украина-4" рассчитан на демонстрацию фильмов в небольших помещениях вроде классной комнаты, а этот – более мощный, стационарный. Но устройство его и принцип работы, в общем-то, такие же. Ты пока осмотришь, познакомишься с аппаратной, а я достану бобины с киножурналом и художественным фильмом. Будем готовить их к сеансу.

Киноаппаратная представляла собой довольно просторную комнату без окон, а потому – с искусственным освещением, но выглядела она вовсе не тесным закутком, вроде комнатки нашего школьного радиоузла, а очень даже уютным и рационально обустроенным помещением. В стене, смежной со зрительным залом, имелись – как это положено в любом кинотеатре – четыре квадратных окошка: два – для демонстрации фильмов, а ещё два, рядом с ними и чуточку пониже, предназначались, как я понимаю, для контроля качества изображения и его корректировки. Разница лишь в том, что прежде, в кинотеатрах, я видел такие окошки со стороны зрительного зала, а теперь – из киноаппаратной. Вдоль стены – слева от входа – был установлен массивный стол с привинченным к нему перематывающим устройством и приспособлением для склеивания киноплёнки. Здесь же лежали стопкой чистые листы ватмана, стояли баночки с красками, кисточками и карандашами для рисования, графин с водой, пара стаканов и настольная лампа с тканевым абажуром. К столу были придвинуты два стареньких, окрашенных в жёлтый цвет стула, на спинках которых висела мужская одежда: рубашка, брюки и вельветовая куртка. Над столом в большой деревянной рамке красовалась киноафиша с изображением персонажей фильма "Кубанские казаки": казаков в кубанках, военных кителях

и в черкесках с орденами и медалями, а рядом с ними – казачек, одетых в нарядные цветастые блузки с накинутыми поверх праздничными платками. У противоположной стены, во всю её длину, располагался стеллаж с инструментом, какими-то проводами, приборами, запасными частями к киноустановке и прочей технической утварью. К моему удивлению, кинопроектор оказался в единственном экземпляре, а это означало, что процесс демонстрации кинофильма нужно каждый раз прерывать для смены бобины и заправки новой плёнки.

– Ну, и как тебе моё хозяйство? – поинтересовался киномеханик, который между делом внимательно наблюдал за процессом моего ознакомления с его рабочими "апартаментами".

– Очень интересно. Я ведь никогда ещё в киноаппаратных не был.

– Ну и хорошо. Теперь, считай, побывал. Когда-то ведь надо начинать бывать, – пошутил дядя Коля и спросил: – Как говорил на фронте наш замполит, какие у товарищей бойцов имеются вопросы или замечания?

Я немного опешил, даже смутился от такой манеры разговора: кто я такой, чтобы оценивать то, в чём пока мало разбираюсь? Но всё-таки решился:

– Единственное, что мне непонятно, – почему у вас только один кинопроектор? Получается, что в течение сеанса его нужно несколько раз перезапускать.

– Молодец. Заметил, значит, этот недостаток. К сожалению, нашему клубу вторая киноустановка не положена "по штату". А что касается зрителя, так он у нас местный, уже привыкший к манипуляциям со сменой бобин. Ладно, с этим мы разобрались, а теперь давай приступать к работе с киноплёнкой. Я имею привычку всегда её предварительно перематывать и просматривать. Знаешь, в нашем деле всякое случается: запускаешь фильм, а плёнка оказывается повреждённой или плохо склеенной в месте прежнего разрыва. А теперь представь себе, что сеанс ни с того ни с сего прерывается, да не на тридцать секунд, положенных для смены бобины, а на две-три минуты, чтобы склеить киноплёнку и вновь запустить кинопроектор. Что в таком случае делают зрители?

– Свистят, – смущённо, а потому с неуверенностью в голосе отвечаю киномеханику.

– Правильно. Только не свистят, а освистывают. А ещё кричат: "Сапожник! На мыло!". Ты ведь киномехаником хочешь стать, а не сапожником? – шутливо подначил меня дядя Коля и сам же ответил: – Конечно, не хочешь. А потому нужно стремиться овладеть этим ремеслом, как, впрочем, и любым другим, в совершенстве. Глядишь, пригодится в жизни так же, как мне когда-то пригодилось. После окончания войны, когда наш отдельный полк вывели в место постоянной дислокации, и у нас наладилась работа полкового клуба, начальник политотдела отрядил меня в помощь приезжим киномеханикам, чтобы я освоил эту премудрость. А после демобилизации ничего другого выбирать не стал: сразу пошёл на курсы киномехаников, после окончания которых работал в сельском клубе, а теперь здесь, при витаминной фабрике. А потом и кинотехникум заочно окончил. Зарплаты наши, к сожалению, не великие, но я на полставки ещё и художник-оформитель. Да и живу неподалёку отсюда, что меня тоже устраивает. Работа наша заканчивается поздно, и добираться домой из городских кинотеатров мне не с руки.

Дядя Коля взял одну из лежавших на столе бобин – малую 120-метровую с киножурналом, достал со стеллажа такую же пустую и протянул их мне.

– Надеюсь, тебя учили перематывать плёнку? Давай, устанавливай бобины. Теперь закрепляй край пленки вот здесь, на оси пустой бобины. Всегда помни, что плёнка для демонстрации фильма должна быть эмульсией кверху, а потому после проверки, мы её перематываем обратно в начало и заправим в кинопроектор. Начинай вращать ручку перематки, а я буду следить за состоянием плёнки.

Я добросовестно исполнил команду, но, видимо, слишком поторопился, потому что киномеханик потребовал снизить обороты.

– Работай быстро, но не торопясь. За нами никто не гонится. Тем более, что спешить пока некуда – до сеанса ещё целый час.

Когда до начала демонстрации фильма оставалось минут пятнадцать, я посмотрел в смотровое окошко. Сверху, из киноаппаратной, можно было наблюдать, как зрители активно размещаются в зале, постукивая откидными сиденьями прикреплённых к полу деревянных стульев, о чём-то друг с другом разговаривают, некоторые пересаживаются на другие, видимо, более удобные места. Дядя Коля меня окликнул, подозвал к кинопроектору и попросил подать бобину с киножурналом "По Дону и Кубани".

– Я сейчас заправлю плёнку, а ты внимательно наблюдай. Времени на это отвожу не более двадцати секунд.

Он установил бобину на сматывающий кронштейн, отмотал с неё около метра плёнки, стремительным движением пальцев накинуд её на верхние зубчатые барабаны, пропустил через ролики, по-

том, оставив верхнюю петлю, вложил в фильм канал, защёлкнул объективодержатель, сделал нижнюю петлю и, через звуковой барабан, а также другие, обеспечивающие движение киноплёнки барабаны и ролики, вывел оставшуюся часть плёнки на приёмную бобину. И всё это было проделано с такой невероятной скоростью, я бы даже сказал – изящностью циркового фокусника, что у меня, в буквальном смысле слова, челюсть отвисла! И так продолжалось при каждой смене частей фильма.

После завершения киносеанса мы перемотали киноплёнку в начальное положение, подготовив таким образом фильм и киножурнал для сдачи в кинопрокат, выключили аппаратуру, погасили свет и отправились каждый в свою сторону: я – пешим ходом в сторону своего дома, а дядя Коля – на велосипеде, в соседний с витаминной фабрикой пригородный посёлок, где он проживал со своей семьёй. Настроение моё было не просто прекрасным, а, можно сказать, возвысившимся до уровня ярко светившейся в небесах луны. Душу распирало чувство гордости за то, что мне выпало счастье соприкоснуться с неведомым прежде интересным делом и с не менее интересным человеком, который отнёсся ко мне, девятикласснику, вполне по-взрослому, как к своему верному и надёжному помощнику.

Одна лишь встреча, а сколько поводов для осмысления его советов и рекомендаций! Взять хотя бы требование дяди Коли работать быстро, но не торопясь. Как вообще такое возможно, чтобы человек работал быстро, но при этом никуда не торопился? Понять умом смысл этого словосочетания я был не в силах. Допустим, мама мне говорит: "Что тянешь с подготовкой домашнего задания? Смотри сколько уже времени! Делай быстрее!". Или наоборот: "Куда ты вечно торопишься? Сначала подумай, а потом пиши!", – тут всё чётко и понятно. А вот чтобы быстро, но не торопясь... Ладно, подумаю на досуге.

Практику отработал, как и положено, за несколько суббот и воскресений, включая майские праздники. И прошла она с таким интересом и с такой пользой, каких я прежде не испытывал. В очередную после Первомай субботу мы – Борис Григорьевич, я и Коля Соколов – успешно сдали экзамены и получили свидетельства кинодемонстратора. Естественно, первыми, кому я сообщил об этом событии, были мои родители. Выслушав их поздравления и наспех проглотив приготовленный бабушкой обед, я отправился в клуб фабрики, где как раз в этот день в рамках городского кинофестиваля, посвященного празднованию дня Победы, должен был демонстрироваться какой-то фильм на военную тему. Сначала решил доложить об успехах заведующей клубом, но её на месте не оказалось, зато дядя Коля был на посту. Встретились так, будто и не расставались вовсе: лицо киномеханика расцвело в приветливой улыбке, моё – тоже. Дядя Коля приостановил подготовку фильма к сеансу и, поздоровавшись со мной, поинтересовался:

– Что, студент, доложишь? По твоему довольному виду похоже, что экзамен сдал и "корочки" получил?

– Да, дядя Коля, получил. Вот они, "корочки" эти, – протягиваю ему неказистый с виду, но такой драгоценный для меня документ. Он внимательно изучил запись о присвоении мне квалификации кинодемонстратора, подпись руководителя экзаменационной комиссии, печать, дату выдачи и возвратил свидетельство обратно.

– Всё чин-чинарём, – с уважением и даже радостью в голосе оценил он моё достижение. – Не зря мы с тобой потрудились. Главная, конечно, заслуга твоя, но и мне приятно. Поздравляю с победой! Пусть их в твоей жизни будет побольше. Ты сегодня как, – перешёл он на деловой тон, – поработаешь или пойдёшь домой? Казак ты вольный, а помощник – добровольный! Вишь, как складно у меня получилось! Решай сам.

– Спасибо, дядя Коля, за поздравление и за науку. Я сегодня поработаю с вами. Родителей предупредил, что приду поздно.

– Тогда, в честь такого события, давай меняться ролями: ты будешь фильм демонстрировать – "Иваново детство" называется, а я поработаю твоим помощником. Идёт?

Предложение его было неожиданным и очень даже для меня ответственным. Вместе с тем дрожь в коленях оно не вызвало, а, наоборот, вселило уверенность, что я своего киношного учителя не подведу. Пока я исполнял роль киномеханика, дядя Коля, примостившись на стуле у смотрового окошка, целиком погрузился в просмотр фильма и подходил ко мне для подстраховки лишь при очередной смене бобины. Было видно, что кинофильм "Иваново детство" о драматической судьбе подростка, потерявшего на войне родителей и ставшего разведчиком, вызвал у него какие-то особые, мне неведомые внутренние переживания.

После завершения сеанса он, как это часто случается у людей, резко пробудившихся от глубокого сна, окинул отрешённым взглядом аппаратную, с минуту посидел неподвижно, а потом, поднявшись со стула, подошёл ко мне в тот момент, когда я, выключив кинопроектор, снимал приёмную бобину,

чтобы приступить к обратной перемотке плёнки. Дядя Коля забрал её из моих рук, положил на стол и сказал:

– Давай "пять". Спасибо тебе. Молодец! А теперь предлагаю сделать небольшой перерыв и чуток посидеть в тишине и покое.

Он налил из графина полный стакан воды, выпил её залпом, после чего, тяжело вздохнув, вновь опустился на стул. Я тоже был не прочь посидеть десяток минут после более чем двухчасовой работы на ногах и с удовольствием последовал его примеру.

– Страшная эта штука – война, – после небольшой паузы произнёс киномеханик. – Сколько жизней стубила и сколько судеб перековеркала, как у того Ивана из кино. Если разобраться, то детства – в довоенном понимании этого слова – у нашего поколения как будто и не было вовсе. Всё война испоганила. Вы счастливые, что не познали этой беды, и дай-то Бог, чтобы она, проклятая, нас больше никогда не цепляла. Я тебе, кажется, как-то говорил, что в твоём возрасте тоже учился в девятом классе. А вот в десятый идти не пришлось: как раз в канун учебного года – в августе сорок второго, в Краснодар, а значит и в наше село Калинино, пришли немцы. В здании школы – ты её знаешь, она и сейчас действует, и в ней учатся мои дети: сын в шестом классе, а дочка – в четвёртом, немцы развернули штаб, потому ни о какой учёбе и речи быть не могло. Да и учить нас некому было: учителя – кто на фронте, а кто скрылся куда подальше. Всех нас, тогдашних женщин, стариков и детей, понять можно было. В городе свирепствовали гестаповцы: устраивали облавы, множество людей расстреляли и уничтожили в "душегубках", а таких как я – угоняли в Германию. Нам с матерью повезло, что жили на самом краю села, и хата наша была маленькой, перекособоченной, можно сказать – бедняцкой. Потому, видимо, постояльцев к нам – немецких или румынских солдат – не стали размещать. К тому же мама категорически запретила мне выходить в дневное время за пределы двора, говорила: "Хватит, что на отца пришла похоронка (он погиб в боях под Москвой в ноябре 1941 года), так ещё и ты, не дай Бог, сгинешь и вовсе оставишь меня одну-одинёшеньку, а я такого не переживу".

– Я у них один был, – уточнил дядя Коля и продолжил: – В общем, пережили мы кое-как полгода оккупации, а когда пришли наши и в городе заработал военкомат, я, тайком от мамы, пошёл проситься в армию. Меня, как полагается, поставили на учёт и потребовали закончить до января месяца десятый класс – то есть до того, как мне исполнится восемнадцать лет – и тогда, в начале сорок четвёртого, они меня призвут в армию.

Время пролетело быстро. Учиться мы начали в апреле, а учёбу совмещали с работой в местном колхозе. Если честно, больше работали, чем учились. Тогда армия остро нуждалась в продовольствии, а потому работать на полях и фермах приходилось всем, кто мог это делать – и взрослым, и детям. Экзамены сдал экстерном, получил аттестат зрелости, а в феврале сорок четвёртого уже был в Красной армии на ускоренных курсах младшего комсостава войск НКВД в Ростове-на-Дону. Первое боевое крещение принял в июне 1944 года на юге Украины. Этот шрам оттуда, – указал дядя Коля на правую щеку. – Ещё сантиметр и пуля разнесла бы голову на кусочки.

Главная задача нашего полка состояла в зачистке освобождённых территорий от остатков немецких, румынских, венгерских и других германских союзников, а также от бандеровцев. Участвовали и в общеармейских наступательных операциях. После взятия Вены я состоял в личной охране маршала Василевского. К чему всё это рассказываю? Помнишь, ещё вначале, когда ты пришёл на практику, я тебе сказал: "Делай быстро, но не торопясь"?

– Да, я это запомнил. А ещё вы говорили то же самое, когда я заправлял плёнку в кинопроектор.

– Хорошо, что не забыл. И не забывай никогда. Так вот, наш командир курсов – тех, ростовских – немолодой уже полковник, отвоёвавший своё в первую мировую, в гражданскую и эту войну, наставлял: "Сынки, в бою вы всегда должны действовать быстро, но без суеты и ненужной торопливости. Вот допустим, фрицы идут в наступление на твою огневую позицию. Патроны в обойме закончились, а перезаряжать оружие времени нет: враг в считанных метрах от тебя. Как ты должен поступить? Быстро сменить позицию не удастся – убьют наверняка. Значит, выход один – применить гранату, которая в бою всегда должна быть при тебе. Прошу это запомнить раз и навсегда и требовать от командиров, чтобы вас обеспечивали этим эффективным видом оружия. Причём, желательно, чтобы граната при вас была не одна. Итак, ты мгновенно приводишь гранату в боевое состояние и, если ситуация позволяет, бросаешь её в сторону врага, но только не куда попадая, а прицельно, наверняка, так, чтобы часть врагов ты сразил насмерть или ранил, а других – тех, кого осколки не достали, как минимум оторопь взяла. И пока они, враги твои, очухаются, быстро приводи в боевую готовность стрелковое оружие и продолжай бой или успеешь под эту "сурдинку" сменить позицию. Поняли? В бою, как и в

жизни, действовать надо быстро, но без спешки, не торопясь! Повторяю: действовать быстро, но не торопясь!

Приведу пример из мирной жизни. Допустим, ты человек холостой (для женатых – это уже другая тема) и тебе приглянулась симпатичная барышня. Что нужно делать без малейшего промедления? Заинтересовать её своей персоной, расположить к себе так, чтобы она никого иного кроме тебя не наблюдала. Но ты же не поведёшь её сразу под венец? Конечно, нет. Торопиться в этом деле нельзя, потому что ни к чему хорошему поспешность такая не приведёт. К этой барышне ещё нужно присмотреться, изучить её получше, а она – тебя. Да и любовь должна возникнуть обоюдная, а иначе никакая семья не сложится. Что это означает? А вот то и означает, что торопиться в таком деле никак нельзя, потому что, как известно, кто поспешит, тот людей насмешит. И когда всё срастётся, вот тогда и под венец её, голубушку, веди. Но такие манёвры пригодны для мирных времён, когда жизни твоей ничто не угрожает, а в бою, товарищи мои дорогие, промедление, как и суетливая поспешность, могут довести вас до верной гибели".

Дядя Коля рассказывал с таким душевным переживанием, так старался передать интонации и жесты своего командира, что каждое его слово западало в душу, и мне нестерпимо хотелось дальнейшего продолжения рассказа человека, попавшего на фронт в возрасте всего лишь на полтора года больше, чем мой нынешний. Я почувствовал, как исчезли возрастные границы между нами: им – человеком взрослым, годившемся мне в отцы, и мною – шестнадцатилетним подростком, появившимся на свет уже после войны, в семье таких же, как дядя Коля, фронтовиков. Только мой отец был лет на семь его постарше и войну закончил в звании капитана, но это абсолютно ничего не меняло: для меня они оба были великими воинами и победителями.

Дядя Коля будто услышал мои мысли:

– Совету того полковника, начальника наших курсов, я придерживался все три года выпавшей мне войны. Да и в мирной жизни эта его рекомендация не утрачивает своего значения.

Тут во мне мгновенно сработала математическая "школа" Нины Николаевны Михай:

– Дядя Коля, а почему вы говорите, что воевали три года, если на фронт попали в сорок четвёртом? Война ведь закончилась в мае сорок пятого! Получается, что вам ещё целых два года пришлось воевать?

– Здесь всё просто. Я ведь служил в войсках НКВД, и наш полк, вскоре после взятия Вены, перебросили сначала на Западную Украину, на борьбу с недобитыми бандеровцами, а потом – в Латвию, где действовали "лесные братья", – ихнее националистическое подполье. Причём, эта война была несколько не менее жестокой, чем с немцами, а может, и ещё опаснее: на фронте понятно – кто друг, а кто враг, а тут всё гораздо сложнее, потому что днём он мирный советский гражданин, а ночью в составе банды, участвует в налётах на семьи советских активистов, на милиционеров, военнослужащих. Жестокости они все, особенно бандеровцы, были беспредельной! Если, к примеру, нападение совершалось на семью председателя сельсовета, то расстреливали или вырезали всех – и старых и малых. Даже живность ихнюю истребляли: скотину, кошек, собак, птицу. Конечно, основная часть населения бандеровцам и "лесным братьям" не сочувствовала – война всем порядком осточертела – но многие их опасались, помнили, сколько беды они натворили в военные годы. А сброд там был разношёрстный. Если на Украине приходилось иметь дело в основном с недобитыми бандеровцами – ОУНовцами, то в Латвии – с бывшими литовскими эсэсовцами, с теми же примкнувшими к ним "западниками" с Украины и даже с польскими националистами. А управляли ими англичане – мы это точно знали. Так что навоевались мы с ними вволю.

Дядя Коля внимательно посмотрел на меня, словно желал удостовериться, интересны ли мне его воспоминания о военных временах, потом глянул на часы, и, решив видимо, что время ещё терпит, продолжил:

– Не поверишь, но даже в день демобилизации, когда мы, уже вольные люди, сидели в кузове грузовика, чтобы ехать на вокзал, а оттуда – по домам, нам пришлось вступить в бой. В последний мой бой на той войне. Дело было утром. Глядим, бежит к нашей машине начальник штаба, отзывает в сторону полковника Лазарева, командира полка, и о чём-то ему докладывает. Полковник даже в лице изменился, напрягся весь. Что-то сказал начальнику штаба, после чего тот побежал назад, а сам пошёл к нашему грузовику.

– Братцы, вы простите меня: приказывать уже не имею права, а просить по-человечески могу. Разведчики обнаружили место базирования банды пана Левандовского, за которой мы с вами гоняемся уже полгода. Надо срочно выступать. А что я буду делать с необстрелянной молодёжью? Прощу

вас получить оружие, экипировку и подготовиться к переброске в район базирования банды. Кто не хочет, обижаться не буду – вы теперь люди вольные. Добровольцам времени на сбор сорок минут.

Спустя некоторое время мы, все как один, сидели в кузове той же самой машины, но уже с автоматами и лёгкими пулемётами в обнимку. К лесному массиву добирались в темноте, минуя населённые пункты, иначе бандитов могли предупредить о нашем появлении. Брали их рано утром с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы заранее не спугнуть. Часовых сняли наши разведчики, а мне и ещё двум старослужащим комбат приказал ползком добраться до замаскированного в лесной чаще их штабного блиндажа и забросать его гранатами. Старшим назначил меня. "Давай, – говорит, – старшина, возьми эту задачу на себя, а мы вас, в случае чего, подстрахуем. Разведка донесла, что у них тут целая система блиндажей и землянок, связанных между собой подземными ходами. Потому надо сначала уничтожить командирский блиндаж, а с остальными мы разберёмся вслед".

Подползли мы поближе к предполагаемому объекту – он был тщательно замаскирован и походил на небольшой бугорок среди лесной поляны – двоих бойцов я оставил для прикрытия, а сам пополз в том направлении, где в утренних сумерках едва просматривался лёгкий дымок, струившийся из небольшой, выходящей из-под земли трубы. Вот тут и сработал тот самый принцип, о котором я тебе говорил: действуй быстро, но не торопясь. Можно было бы одолеть эти три десятка метров рывком, но вдруг там мины или растяжки какие? Я осторожно подполз к трубе, достал противотанковую гранату – РПГ-6 называлась – привёл её в боевое состояние и, немедля опустил в трубу, а сам вскочил на ноги и – броском назад, как можно дальше от блиндажа. Рвануло так, что разом поднялась крыша вместе с дёрном, а замаскированную входную дверь вообще отбросило в сторону. Дальнейшие наши действия были делом техники: мы прыгнули в образовавшийся проём и выпустили в темень несколько автоматных очередей. С этими всё было покончено, а бандиты, которые укрывались в других землянках, в большинстве своём сдались в плен, а кто попытался сопротивляться, тех уничтожили. Вот так завершилась для меня война в сентябре 1947 года, когда ты, как я понимаю, только на свет родился.

– Я родился в январе сорок седьмого, – не слишком к месту уточнил я дату своего рождения.

– Плюс-минус несколько месяцев никакой роли не играет.

Дядя Коля вновь посмотрел на часы:

– Да, сегодня мы с тобой несколько припозднились. Ты, дружок, давай-ка иди домой, а я выключу аппаратуру, закрою помещение и тоже отправлюсь восвояси. Родители, небось, уже волнуются, что тебя так долго нет. А у меня всё равно завтра дневной сеанс для детей, так что всё, что нужно, сделаю с утра. Заглядывай в гости, когда найдёшь время. Буду рад!

Я ещё раз поблагодарил дядю Колю за полезную науку и, распрощавшись с ним, отправился по ночным кварталам в сторону своего дома. Было тепло, моросил небольшой майский дождик, который, как говорила мне когда-то бабушка, к хорошему урожаю.

Конечно, в силу тогдашнего малолетства я и предположить не мог, что та самая формула "делай быстро, но не торопясь", вложенная дядей Колей в моё, ещё не оперившееся сознание, станет одним из главных принципов моей жизни на всех её этапах и во всех многочисленных ипостасях, которые довелось пройти и одолеть. Сколько раз потом, уже во взрослой жизни, я неизменно требовал от себя и от людей, с которыми меня связывала трудовая и служебная деятельность, никогда не затягивать с принятием решений и с воплощением их в жизнь, исполнять любую задачу быстро, но качественно, без излишней спешки и суеты. А когда встречал непонимание, как это можно действовать быстро, но, при этом, не торопиться, я рассказывал им о своём наставнике, киномеханике фабричного клуба и фронтовике дяде Коле, преподававшем мне, шестнадцатилетнему школьнику, науку эффективного и качественного исполнения любой работы, какая выпадет на протяжении всей отведённой мне жизни.

ОЛЬГА НЕМЫКИНА

Тихорецк

Ольга Владимировна Немкина (1962 г.) – поэт, прозаик, лауреат краевых литературных конкурсов. Родилась в селе Заплавном Волгоградской области. В 1964 году семья переехала в город Тихорецк Краснодарского края. "И город этот давно уже стал для меня родным", – говорит сама поэтесса.

Стихи начала писать в десять лет, перед глазами у девочки был пример мамы Анны Ивановны Савченко, которая писала стихи-посвящения и стихи-поздравления родным и близким. Но Оля пошла дальше своей мамы, хотя реализовалось литературное дарование не сразу.

В 1987 году О.В. Немкина окончила Тихорецкий техникум железнодорожного транспорта по специальности техник-механик. Работала токарем и техником-технологом на заводе "Красный молот". С 2003 по 2012 годы – на заводе им. В.В. Воровского. К тому времени у неё уже была семья, дети и, конечно, писались стихи. В 2006 году родилась её первая книжка. Сборник, набранный на домашнем компьютере, прошитый и проклеенный вручную и разошедшийся по родным и знакомым, автор назвала "Подарок моей души" и вскоре стала членом литературного объединения "Родник", чтобы глубже познать азы и технику стихосложения. "Часы с обратным ходом", второй сборник стихов и рассказов Ольги Немкиной, вышел в Таганрогском издательстве "Нюанс" в 2007 году.

В 2014 году Ольга Владимировна стала членом Союза писателей России. Публиковалась в газетах "Тихорецкие вести" и "Кубанский писатель", в журнале народной поэзии и прозы "Мозаика Юга", в журналах "Дон" и "Кубань", "Невский вестник". Вышли книги "Тонкая грань" (2008), "Талисман" (2009), "Пятый океан" (2011), "Как хочется жить..." (2014), а также отдельно была издана поэма "Таёжный свет". Живёт и работает в Тихорецке, в котором, кажется, сам воздух, зелень и красочность тенистых улиц наполнены поэзией. Живёт стихами, несмотря на то, что в её жизни есть и трудности, проблемы, с которыми приходится справляться. И, возможно, именно поэзия помогает противостоять им и побеждать.

Мы горячо поздравляем Ольгу Владимировну с юбилеем! Желаем долгих творческих лет, новых книг и свершений!

ДВОЙКА

Рассказ

Варенька стояла перед дверью квартиры, в которой жила с родителями, и не решалась нажать кнопку звонка. Наверное, они уже пришли с работы, и отец, как обычно, попросит дневник.

Сегодня ранец казался особенно тяжёлым. Двойка по арифметике пудовой гирей давила на плечи.

Украдкой, так, чтобы соседи не заметили в "глазок", Варя неумело крестилась и тихонько шептала: "Господи, помоги! Аминь". Слова коротенькой молитвы делали её смелее и давали надежду на то, что наказания удастся избежать. Так несколько раз ей везло, и она поверила в то, что Бог есть, и это именно он подсказывает, как себя вести.

О том, что Он существует, Варенька узнала от бабушки, когда всё лето жила у неё в деревне. В её доме, в углу под вышитым полотенцем висела картина в красивой оправе. На ней женщина с ласковым взглядом держала на руках ребёнка. Бабушка объяснила, что это икона, женщина – дева Мария, а ребёнок – сын Божий.

Они помогают, если нужна помощь. Нужно только молитву прочесть. Варя не видела такой картины в городской квартире. И нигде не видела – ни у подруг, ни в школе. Зато в школе она каждый день видела другого маленького мальчика. Недавно всех третьеклассников принимали в октябрята, и теперь с её школьного фартучка сиял задорный взгляд красивого кудрявого мальчугана Володи Ульянова в обрамлении пяти золотистых лучей.

Его соседство с ней, Варей, грело душу и заставляло сердечко трепетать от сознания того, что теперь она принадлежит одной большой семье, называемой октябрятами, и на груди у неё – самый главный октябрёнок страны. А данное октябрятское слово не было пустым звуком, и верили ему больше, чем честному слову.

Ей нравилось быть октябрёнком. Она также знала, что когда подрастёт, станет пионеркой, будет носить пионерский галстук и на клич "Пионер, будь готов!", гордо отвечать: "Всегда готов!". Правда, к чему должен быть готов пионер, Вареньке пока еще было не понятно.

Бога в школе не было. Да и взрослые говорили, что его нет и быть не может. Но бабушка точно знает, что Он есть. Именно поэтому она повела Вареньку в станичную церковь на крещение и объяснила, что у неё теперь будет Божья защита и сильные ангелы-хранители. Варя спросила:

– А какие они, бабуль?

– Они, внученька, лёгкие, невидимые и добрые. У них есть крылья. Они всегда рядом и следят, чтобы ничего плохого с человеком не случилось. Я тебя очень люблю. Я когда-нибудь умру, но всё равно буду рядом. Буду твоим ангелом.

– Значит, его у меня ещё нет?

– Есть, Варюша. Их бывает несколько. Но они слабы, пока человек не крещён.

– Бабулечка, я хочу, чтобы ты жила долго-долго и не умирала. – И она уже точно знала, что идёт с бабушкой в церковь для того, чтобы добыть для своих ангелов-хранителей силу.

В церкви было очень красиво: горели свечи, на стенах – много икон. Само крещение запомнилось ей плохо, наверное, потому, что было непонятным. Но в душе осталось ощущение радости, чего-то необыкновенно светлого и доброго. Нежный женский голос и голос батюшки проникали в самую душу и завораживали так, что хотелось слушать, слушать и... плакать.

Чувство теплоты, счастья и чего-то ещё, чему Варя не знала названия, наполняли все её существо и стремились наружу чистыми слезами. А ещё ей запомнилась грунтовая дорога; жаркая, пыльная, но совсем не скучная. Она вилась лентой между бесконечными полями с весёлыми жёлтыми подсолнухами, над которыми высоко в небе звенели жаворонки.

– Ну вот, внученька, – говорила бабушка на обратном пути, – если будет трудно, вспомни о Боге, он поможет.

"Господи, помоги! Аминь!" – произнесла Варя последний раз и решительно позвонила в квартиру. Тишину за дверью не нарушил ни один звук. Это обрадовало её. Она с облегчением слегка прислонилась плечом к двери и вдруг обнаружила, что та не заперта. Радость смешалась с тревогой: значит, родители всё же дома. Но почему тогда так тихо?

Осторожно, на цыпочках прошла коридор и маленькую прихожую. Заглянула в зал – отец спал на своём любимом диване. Рядом с ним, на полу стояли две пустые бутылки из-под вина "Вермут". Стало ясно, что отец был пьян.

Варенька мышкой прошмыгнула мимо него в свою комнату, успев подумать: "Да, бабушка права, что Бог есть. Папа сегодня будет добрым". Она быстренько переоделась и, уже ничего не страшась, прошла на кухню. Там она продолжала размышлять о том, почему же взрослые все-таки врут, когда говорят, что Бога нет. Она же сама слышала, как мама иногда произносила: "Ну и, слава Богу!" или "Да ради Бога!". Значит, они знают, что Он есть, но почему-то не признаются в этом.

Божьего сына Варя уже видела. А самого Бога представляла стариком огромным и белобородым, с умными, добрыми глазами. Он сидит высоко за облаками и видит весь мир. Наверное, и её, Варю, он тоже видит. Ему нельзя лгать. И при маленьком Володе Ульянове тоже нельзя. А уж если даёшь кому-нибудь обещание, скреплённое октябрятским словом, так и подавно. Правда, родителям такое обещание она боялась давать, потому что не всегда справлялась с двойками, и стыдно было не только перед ними, но и перед звёздным мальчиком на фартуке.

Она размышляла обо всём, даже о том, почему детей нельзя крестить в церкви. Разве им станет от этого хуже? Наверное, нет. Ей же неплохо живётся. После крещения ничего не изменилось. Всё те же люди, та же школа, тот же дом. Да и по телевизору она часто слышит, что страна дала всем детям и ей, Варе, в том числе, счастливое детство. А в школе научили благодарить за него: "За детство счастливое наше, спасибо родная страна", дружно кричали дети на сборах. Но где же оно, это счастье? Сегодня да, она счастлива, что избежала наказания. Вот если бы папа совсем не пил...

Вскоре Варенька совсем запуталась в своих мыслях. Вдруг поняла, что трезвого папу она боится. Вымыв посуду, она спокойно прошла мимо папы в свою комнату. Отец лежал в той же позе и шумно дышал. Он пьян, и ему не до Вариной двойки. Но почему, когда он трезвый, то раздражительный и неразговорчивый? Почему он не обращает на неё внимания, а если и обращает, то всегда находит повод, к чему бы придраться. С плохой отметкой в дневнике ему лучше не попадаться на глаза. Тогда он вспоминает, что давно не занимался воспитанием дочери, что угол без неё заскучал, а её колени давно не пробовали соли, а то и пшена. В ход шёл и ремень. Бил больше для острастки, и плакала Варя от обиды. Доставалось и маме, чтоб не защищала дочь. И ещё летели бранные слова, после которых

мама плакала. В такие минуты Варенька тихо ненавидела папу и мечтала о том времени, когда подрастёт и сможет защитить себя и маму от унижений.

А сегодня, она знала, отец проснётся в благодушном настроении, будет шутить, рассказывать анекдоты и смешные случаи из своей жизни. Потом купит всем мороженое и начнёт делить с ней библиотечные книги, выбирая для себя более интересные из них. В таком настроении он мог запросто взять её с собой по грибы или на рыбалку. Вместе они могли часами бродить по полям, посадкам, берегам рек. Они взбирались на деревья и рассматривали птичьи яйца в гнёздах, а то и вылупившихся уже птенцов, купались во встречаемых водоёмах, а потом, уставшие и довольные, выходили на какую-нибудь железнодорожную платформу и электричкой возвращались в город.

Такого отца она любила, тянулась к нему всей душой, прощала ему заветную бутылочку "Вермута" в рюкзаке и была счастлива от встреч с этим удивительным миром растений и животных. Всё это зерном падало в чистую Варину душу, как в благодатную почву, чтобы затем произрасти многократно. Так и жили в ней любовь и ненависть. Но детское сердечко умеет прощать.

Сегодня Варя спасена, но почему-то не радостно. Какая-то тревога завладела сердцем и гасила её хорошее настроение. Тягостное чувство росло и уже не давало покоя. Оно было связано с папой. Девочка тихо прошла в зал и остановилась перед спящим отцом. В знакомой позе было что-то не так. Но что? Он спал и, в то же время, его сон не был похож на сон. Вдруг она поняла – дыхание, оно было другим, тяжёлым. Обычно во сне отец чуть посапывал. Теперь же, его дыхание напоминало звук засорившегося насоса – он втягивал воздух тяжело и долго. Какое-то внутреннее чувство подсказывало Вале, что это плохой сон, страшный.

Ей показалось, что папа вот-вот перестанет дышать. Она испугалась за него, упала на колени и, заглядывая ему в лицо, схватила его руку в свои ладошки. Он не шевельнулся. На его шее часто пульсировала жилка. Варя не сразу поняла, что так бьётся сердце. А оно уже не просто билось, а казалось, выскакивало из груди, как будто его хозяин очень долго бежал.

– Папа, папочка, просыпайся. Тебе плохо?

В ответ лишь тяжёлый стон вырвался из его с трудом расклеившихся губ. Лицо стало белым, и пот выступил на нём крупными каплями.

Варя выскочила из квартиры и стала что есть мочи стучать кулачками в соседнюю дверь, забыв о звонке.

– Тётя Даша, – кричала она, – вызовите "скорую", папе плохо...

– Фу, шальная, – пробормотала соседка, перепуганная Вариним видом, и кинулась к телефону.

Варя вернулась к отцу, уткнулась лбом и губами в его руку, без конца повторяя, как заклинание:

– Папочка, не умирай! Потерпи немножко.

Её маленькое сердечко тоже трепыхалось. Ему было тесно в груди и страшно. В комнату вошла тетя Даша:

– Вот болезный, – качала она головой. – Кабы удар его не хватил. Молодой, поди, ещё. Мать-то скоро придет? – И не дождавшись ответа, молча забрала пустые бутылки и пошла встречать врача "скорой помощи".

Отца увезли в больницу. Тётя Даша уехала с ним. Варя осталась одна в пустой квартире. В её голове, как в тумане, носились обрывки событий: белые халаты, шприцы, носилки, отец на них, звучали непонятные слова: "госпитализация", "инфаркт". Этот "инфаркт" казался ей злобным существом в теле папы, забравшим его силы.

Позже, немного успокоившись, Варя вспомнила о своей злополучной двойке и о том, как просила Бога спасти её от наказания. Теперь двойка казалась ей событием мелким и незначительным. И ещё она вдруг поняла по-своему, по детски, что помощи такой ценой она не хотела. Не желала она отцу болезни, а просила лишь о том, чтобы папа её не наказывал.

Подумав немного, Варя встала на колени посреди комнаты и повернулась лицом к тому углу, в котором у бабушки в доме, она помнила, висела икона. Закрыв глаза, представила Бога и обратилась к нему с молитвой, в которую вложила свою горячую просьбу, отчаяние, боль и жгучее желание помочь родному человеку. И слова полились свободно из самых глубин её существа, пробиваясь к свету, солнцу, Богу:

– Миленький дядечка Бог! Спасите моего папу. Я очень его люблю. Пусть и у него будут добрые ангелы-хранители. Пусть он никогда не вспоминает про "Вермут" и не болеет. А я обещаю Вам никогда не получать двоек и не обманывать. Вот увидите. Честное октябрятское слово! Аминь! И она, как умела, трижды перекрестилась.

Вот такой и застала её тётя Даша. Вернувшись из больницы, она ругала отца, его друзей-алкашей, дешёвую "бормотуху", хвалила врачей и утешала Варю:

– Ты, дочка, не переживай. Врачи сказали, что отец жить будет. Вон медицина как вперёд скакнула. А ты что ищешь на полу? Потеряла что-то?

– Нет, тётя Даша, – смутилась Варя и украдкой вытерла слезы.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Краснодар

Краснодарский поэт и прозаик Владимир Васильевич Романов родился в 1953 году в посёлке Павловск Очёрского района Пермской области. Юность провёл в городе Моздоке Северной Осетии, закончив там среднюю школу. Выпускник факультета механизации Ставропольского сельскохозяйственного института (1977). Писать начал в детстве, лет в десять, но постоянно – с конца 2004 года, после прихода в Тихорецкое литературное объединение "Родник".

В январе 2006 года на Ставрополье вышла первая книга стихов "Мелодия души". В 2007 году в Таганроге в издательстве "Нюанс" вышла вторая книга "Решает миг, но предрешает час...". Затем были ещё книги стихов: "Ступени к самому себе" (2008), "Возьми мои книги" (2009), "Читая японские танка или поэзия ассоциаций" (2009), "Вся жизнь – торги?" (2010), "Однажды" (2011), "Кто я?" и "Фигляр" (2021).

Изданы книги прозы: "Флэшка" (2012), "Осколки памяти или "Витюшкины истории" (2013), первая книга романа "То, что живёт в нас" (2019) и документальная книга-диалогия "Былое и память. Портреты на фоне эпохи" (2022). В работе находится ещё несколько книг, в том числе "Записки непрофессионала" и "Зарафшанский сериал", а также вторая книга романа под названием "Утрачиваемые иллюзии".

Член Союза писателей России (СПР), член правления Краснодарского регионального отделения СПР.

ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ

Отрывок из документальной повести

Вместо предисловия

В моей юности выпускным был десятый класс, а не одиннадцатый, как сейчас, и математика у нас заканчивалась на биноме Ньютона и факториалах. Физика в третьем томе Пёрышкина А.В. повествовала о правиле буравчика и прочих законах дядюшки Ома, а также выдавала школярам элементарные сведения из радиотехники, некоторые понятия об устройстве атомной бомбы и, кажется, рубинового лазера с наглядным объяснением перехода электронов с одного энергетического уровня на другой, сопровождающегося излучением фотонов.

Грешен – бином Ньютона в жизни так ни разу и не пригодился. А вот как минимум один из законов Ома, согласно которому приложенное к проводнику напряжение есть ток в этом проводнике, умноженный на показатель того, как проводник сопротивляется его протеканию, до сих пор помню. Наверное, потому, что увлёкшись в своё время радиотехникой, рассчитывал и мотал катушки и трансформаторы, паял резисторы и конденсаторы, а там без вышеуказанных законов никак не обойтись. Помню так же, каким образом приблизительно измерить высоту, допустим, сосны, не влезая на неё, а используя элементы теоремы Пифагора и сведения из тригонометрии.

Конечно, в любом правиле есть место исключениям – на общем фоне, скажем так, своеобразного сегодняшнего уровня знаний вырастают отдельные гении. Да только я не о них, а по поводу общей тенденции (пардон, ныне принято говорить "тренда"), которая сложилась в результате нашего безудержного копирования западных стандартов, родившегося в свою очередь по причине тотального запрета всего не нашего времён "железного занавеса", когда то самоё "забугорное" казалось глотком вожделенной свободы. Дождались, хлебнули, а питьё-то оказалось отравленным хмелем чуждых понятий... Слава Богу, после пира приходит время похмелью.

И всё же... Всё же в рассуждениях своих я бы хотел вернуться во времена той, не специализированной, политехнической школы, в которой нам давались знания из всего понемногу: из географии,

астрономии, физики, химии, биологии, истории, иностранных языков. Всем поровну, без изъятия. В нас закладывался минимально необходимый крепкий фундамент знаний, а что строить на этом фундаменте – это уж, дорогие выпускники, выбирайте сами. Это особенно наглядно чувствуется на фоне нынешних образовательных метаний. Только чувствуется эта разница лишь теми, кто прошёл через советскую школу и кому есть с чем сравнить нынешние школьные "экзерсисы".

Читатель может спросить, к чему это я? Да лишь к иллюстрации того, что навсегда запоминаются, как правило, те вещи, которые имеют практическое применение, а невостребованное отмирает. Мы в своё время знали таблицу умножения на зубок – она, в отличие от нынешних цветастых, была напечатана на обратной стороне обложки любой невзрачной зеленоватой двенадцатилистовой тетрадки в клеточку. Сегодня же, в век вездесущей рекламы, под её камуфляжем на тетрадных обложках вкладывают в юные умы отнюдь не отечественные ценности.

Впрочем, я не прав – сегодня всё слишком быстро меняется и уже далеко не всегда в худшую сторону: захожу на днях в супермаркет "Табрис", что на перекрёстке улиц Зиповской и Московской, а там лежат знакомые 12-листовые тетрадки салатного цвета – не за горами 1-е сентября. Беру одну тетрадь – на задней обложке вот она, с детства знакомая таблица умножения; беру другую – а там красуется таблица Пифагора. Ну, слава Богу, думаю!

Наличие калькулятора или компьютера, на мой взгляд, не освобождает от умения умножать в уме или делить на уголок в столбик. Вспоминаю всесторонне развитого литературного янки из Коннектикута, нечаянно попавшего во времена кельтского короля Артура и сумевшего построить на рубеже V и VI веков целую промышленность. Как говорится: "Сказка ложь, да в ней намёк..." И невольно возникает мысль, что попади сегодняшний выпускник школы в те же самые, описанные Марком Твенем условия, боюсь, что он скорее опустится до уровня неандертальца, хотя бы по причине отсутствия там интернета и социальных сетей.

Так вот, с географией, включая её экономическую часть, равно как с историей, литературой и русским языком как учебным предметом, всё более или менее понятно. Сложнее с естественными науками. Если кое-что из неорганической химии на уровне формулы поваренной соли, а также соляной и серной кислот, да разве ещё спирта, что-то с трудом помнится, то смысл наличия в молекуле гидроксильных групп, валентности, а особенно, сплетения бензольных колец, забыты напрочь. Не пригодились теория Менделя, учения Сеченова, Менделеева, Бойля с Мариоттом, Лавуазье – остались только отголоски общих понятий. Почему? Скорее всего потому, что нам давались знания, но не их применение на практике, что, по-моему, гораздо важнее. И хоть учитель математики с высоким лбом Сократа Николай Васильевич Подопригора научил нас лихо расправляться с зубодробильными алгебраическими многочленами, упрощая их до "А и Б сидели на трубе" – за всю жизнь на практике понадобились лишь формулы нахождения двух неизвестных. Прекрасные уроки химии Льва Николаевича Захарова, чем-то напоминавшего своим ликом постаревшего Пьера Безухова в исполнении Сергея Бондарчука, на которых учитель показывал всяческие опыты с окрашиванием жидкостей, горением фосфора и прочими штучками, и где мы запоминали, в какой последовательности находятся элементы в Периодической таблице Менделеева, не нашли применения. Запомнилось разве то, что в царской водке – смеси соляной и серной кислот, растворяется даже золото, да что натрий, весьма агрессивный элемент сам по себе, в соединении с хлором, от которого тоже не следовало ждать ничего хорошего, превращался в поваренную соль, без коей трудно представить не только пищу, но и жизнь человека вообще. Из астрономии остались в памяти очертания созвездий Большой и Малой Медведиц с понятием, как найти там Полярную звезду, указывающую дорогу на север.

Ну, и так далее, хотя следует отметить, что учителя у нас были сплошь подвижниками и оставили о себе только хорошую память. Кроме упомянутых выше преподавателей средней школы № 1 города Моздока, до конца дней своих буду помнить классную руководительницу Зинаиду Васильевну Жулину, учительницу английского языка Светлану Васильевну Еланскую, учительницу физики и астрономии Людмилу Александровну Рахлееву, учительницу русского языка Ольгу Васильевну Чернышёву, учительницу географии Анну Изотовну Понедельник, учительницу литературы Тамару Андреевну Нардюжеву, учителя рисования и черчения Ивана Ивановича Федоренко, ну и, конечно, нашу мудрую директрису Елизавету Аркадьевну Ростованову.

В конечном итоге, грамотным в смысле знания русского языка считается не тот, кто помнит правила орфографии и пунктуации, а тот, кто не коверкает склонения числительных, что наблюдается сейчас повсеместно, обходится при письме без ошибок, не вспоминая, что "жи-ши" пишется с буквой "и", а на интуитивном уровне понимая, что и как писать. Для этого на фундаменте вложенных в школе правил необходимо в течение всей последующей жизни воздвигать здание нашего мышления, то есть реально много читать и иметь хорошую зрительную память, что опять же достигается тренировками, то бишь, привитием с детства любви к чтению хорошей, и только хорошей, литературы.

Урок 1. "Забудьте всё, чему учили в школе..."

Это сегодня, с высоты своего жизненного опыта и прожитых лет, автор так рассудителен, а в те свои юношеские годы я, как и большинство сверстников, мечтал поскорее закончить порядком надоевшую школу с её академическими замашками, нimalo не беспокоясь о качестве закладываемого в голову багажа знаний. Они вливались туда сами собой, кое-что оставалось в "сухом остатке", но основным девизом было скорее бесшабашное пугачёвское "А знаешь, всё ещё будет...". Тогда нас ждали институты и светлое советское будущее. Сам я мечтал либо о Таганрогском радиотехническом – не попал туда, как и в армию, по зрению, либо о радиофизике – не попал по семейным родительским обстоятельствам, либо, на крайний случай, об институте иностранных языков – не пошёл туда потому, что всё-таки был больше "технарём", нежели гуманитарием. В результате такого "плюрализма" в голове, "завалил" устную математику при весьма самонадеянной попытке поступления в Смоленский филиал Московского энергетического института (МЭИ), хотя школу закончил твёрдым "хорошистом". Буквально через неделю после своего бесславного возвращения домой, аки Наполеон после Бородино, по грозному настоянию матери, работавшей в тот период секретарём директора Моздокского горторга, с 18 августа 1970 года вышел на работу в качестве грузчика этого благословенного предприятия. Недолго, правда, на этом месте задержался и буквально через неделю мамиными заботами был переведён экспедитором на фруктово-овощную группу.

И вот тут тётка-жизнь преподавала моей романтической персоне первый урок. Я был послан за арбузами на колхозную бахчу. Благополучно с верхом загрузив трудами тамошних рабочих кузов машины полосатыми ягодами, привёз их в горторговский двор, где мне надлежало сдать груз по накладной разбитной продавщице мадам Соловьёвой – в углу двора справа от въездных ворот был оборудован сетчатый павильон, откуда горожане снабжались дарами природы в обмен на свои кровно заработанные советские рубли. На бахче, как положено, машина была прогнана через весы дважды. Вес тары при въезде и вес брутто при выезде – разница между этими двумя цифрами, сами понимаете, значилась в накладной в качестве веса нетто, который я и должен был подтвердить взвешиванием на находящихся в павильоне напольных 100-килограммовых весах и сдать вышеозначенной продавщице под роспись, как говорил известный персонаж из "Бриллиантовой руки": "Сдал – принял, подпись – протокол". Организовав, как и положено, дежурных грузчиков через заведующего хоздвором, я вместо того, чтобы своим бдительным присутствием исключать всяческие поползновения кого бы то ни было к возможным припискам и хищениям, зачем-то, ничтоже сумняшеся, потащился на второй этаж, где находились горторговские апартаменты, и отсутствовал достаточно продолжительное время, поскольку когда вернулся, машина была уже разгружена, а продавщица, руки в боки, встретила меня злорадным сообщением, что я не довёз ей буквально половину означенного в накладной количества арбузов. Воспитанный школой на примерах жизни замечательных литературных героев, а именно: Овода, Андрея Болконского, Павки Корчагина, шевалье Д'Артаньяна и т. п., но не принимая при этом во внимание гоголевских персонажей, начиная хотя бы с Павла Ивановича Чичикова, молодой человек и мысли не допускал, что хитромудрая продавщица походя надругалась над его верой в светлое, доброе и вечное, иначе просто заставил бы её перевесить арбузы по новой. Вместо этих вполне закономерных действий я, вспомнив о надёжных тылах в втором этаже, двинул к родительнице за советом. Та, имея уже достаточный опыт работы среди хищников торговли, выслушав меня, зашла в кабинет директора и доложила ему мою версию сложившихся обстоятельств. Директор, Георгий Арсентьевич Саркисов (царство ему небесное – в 1991 году во время мутных событий в Чечне, а попутно и в Моздоке, был зверски убит бандитами), тут же вызвал нахальную продавщицу и за закрытыми дверями "вставил" ей что надо и куда надо, после чего принял истинно Соломоново решение: недостачу покрыть обоим "fifty-fifty", то бишь, пополам. Матери моей при этом объяснил, что отпрыску её впредь наука будет, чтобы знал, что такое есть незамысловатая отечественная торговля. Ну, и в качестве моральной компенсации меня тут же перевели на должность экспедитора общепита на пивзавод с зарплатой в семьдесят рублей, которую я несколько месяцев видел лишь частично, отрабатывая нечаянно свалившийся на юную голову долг. И стал я возить по городским общепитовским точкам пиво и лимонад, составляя по вечерам часов до одиннадцати отчёты, в которых нужно было до копейки сводить приход с расходом. Тогда и научился лихо щёлкать на конторских счётах. И не нужна была мне алгебра – на этом поприще вполне достаточно было знания четырёх действий арифметики. И физика нужна была в весьма ограниченных пределах, не говоря уже о географии, биологии, литературе и прочих школьных науках.

Приобретённый за годы ученичества багаж знаний, являющийся, как-никак, признаком общей культуры, был если и востребован, то в мизерной доле, поскольку в мои задачи входило, в числе прочих обязанностей, следить за тем, чтобы подчинённые мне грузчики не напились в течение рабочего дня и не попадали с деревянного заднего борта кузова грузовика ГАЗ-51, ведомого крепкими руками опытного шофера – рыжего осетина Юры Букреева, в который загружалось сто двадцать стандартных или обрамлённых металлическими уголками "московских" ящиков, в каждом из которых громыхало по двадцать пол-литровых бутылок со сладким или слабоалкогольным содержимым. Оставалось лишь чуть более полуметра кузовного пространства для двух архаровцев, придерживавших сзади

громыхавшие на ухабах ящики. А на бой допускалась одна бутылка на тысячу, и то нужно было в этом случае в подтверждение отсутствия злого умысла сдать горлышко разбитой бутылки с уцелевшей не снятой кронен-пробкой.

Бывало, вестибулярный аппарат грузчиков становился, мягко выражаясь, малоуправляемым после принятия "на грудь" и занюханной рукавом половины пивного бокала на брата семидесятидвухградусной лимонной эссенции, которой заводчане рассчитывались с ними за "шабашку" – погрузку полного КаМАЗовского трала бочек с пивом для отправки в Орджоникидзе. Мне тогда приходилось во избежание греха отправлять их домой, а самому, пересев с начальственного места в кабине в кузов, развозить заключённую в стеклянную посуду продукцию по заказчикам до конца рабочего дня. А что оставалось делать, если эти подчинённые в отцы годились мне, семнадцатилетнему пацану? И как ко всему этому применить "милльон терзаний" Чацкого и размышления о смысле жизни того же Пьера Безухова в его спорах с Андреем Болконским? Тут разве что подошли бы идеи Раскольникова относительно старухи-процентщицы!

Проходя торгово-жизненные университеты, я познавал, как ушлая буфетчица какого-нибудь кафе "Юность" при зарплате в 80 рублей могла поиметь в летнюю пору с полученной через меня по её заявке и проданной за смену 96-литровой бочке пива лакированные сапоги-чулки стоимостью 35 рублей за пару, а колоритно-вальжный усатый хозяин гостиничной пивнушки Феликс подтрунивал над моим максимализмом, говоря, что при случае научит меня делать деньги из простой воды, которой он самым бессовестным образом разбавлял привозимое мною бочковое пиво. А ещё говорили, что ушедший благополучно на пенсию мой предшественник на экспедиторском поприще на двенадцатикопеечных пустых бутылках себе дом построил. Я же на свою первую зарплату ещё грузчика купил в родительскую хату полированную тумбочку под телевизор, чем был весьма горд...

Где-то через полгода, когда с долгом я уже рассчитался, меня повысили по торговой службе, накинув к моей зарплате червончик и переведя опять же экспедитором на культтоварную группу, где я занимался уже не извозом пива с лимонадом, а доставлял на горторговские склады с оптовых баз Орджоникидзе и Грозного парфюмерию, ковры, бытовую технику, посуду и прочие ценности. Здесь уже действовал другой распорядок дня: в шесть утра за мной заезжал пожилой водитель дядя Петя Шашлов, а я, ещё не совсем проснувшийся, нырял в кабину и тут же пытался заснуть, уткнувшись затылком в угол, за что получал выговор от водилы: "Кончай ночевать! Ты же меня соблазняешь – мне ведь тоже спать хочется! Лучше поговори со мной". И всю дорогу, по крайней мере, до Чермена – там мы завтракали в придорожной забегаловке, приходилось молотить всякую чепуху. Поначалу я обижался на старика, а потом привык, и с тех пор ранний подъём и жизнь по пословице "Кто рано встал, тому Бог дал" вошли в привычку.

Припоминаются два случая. Как-то привёз из Орджоникидзе полную машину холодильников "Орск-3" – семнадцать штук, кажется. Приехали рано, минут за двадцать до обеда, когда базовские грузчики уже собрались захваченные из дому "тормозки" разворачивать. Я попросил их разгрузить машину, чтобы не задерживать водителя и отпустить домой в автоколонну – горторг платил почасовую арендную плату. Работы-то было максимум на полчаса, но грузчики, мягко выражаясь, послали меня подальше и уселись трапезничать. Я плюнул, молча открыл задний борт и начал выгружать холодильники один, аккуратно кладя изделие в деревянной обрешётке на бок, а затем перетаскивал его себе на спину и, согнувшись пополам, тащил холодильник метров за двадцать на склад. Злость придавала силы. Перетащил пару штук, а вот третий холодильник при разгрузке сполз с кузова и вырвал мне ребром обрешётки на левом запястье кусок шкуры с мясом, да так, что в глубине раны виднелась голубоватая кость. Кровь хлынула ручьём. Грузчики перепугались, перетянули мне руку жгутом, сделали кое-как перевязку, а затем, матерясь на тему того, что откуда им на голову свалился этот упрямый зас...нец, в пятнадцать минут разгрузили машину. Рана у молодого зажила как на собаке – только шрам остался на всю жизнь. Ну да как говорится, мужчину шрамы украшают.

В другой раз, наоборот, я приехал поздно, часов в шесть вечера, на машине с будкой, доверху нагруженной всяческой душистой парфюмерией. Горторговская база была уже закрыта. Что делать? Машину надо было отпускать, но не с товаром же! Недолго думая, пригнал её домой, где часов до семи вечера разгружали всей семьёй содержимое будки в летнюю кухню, забив небольшое помещение всяческими пахучими коробочками до самого потолка. Ну, и женская половина семьи ещё пару часов после разгрузки разглядывала и перебирала флаконы с духами, коробочки с пудрой, тюбики помады...

Утром, когда я был в очередном рейсе, приехал старший товаровед с грузчиками, которые часа полтора перегружали содержимое кухни в машину, а товаровед, возя пальцем по накладным, ставил карандашные крыжички и брюзжал, мол, вот опять этот... плям-плям-плям, придумал проблему на его голову, а вдруг недостача, что тогда делать? Правда, впоследствии вышестоящие товарищи его поправили в том смысле, что молодой-то сообразил, как выйти из положения и не обременить родное предприятие на дополнительную оплату машины, а вот что сообразил бы в этой ситуации он? В летней же кухне долго ещё стоял приятный запах парфюмерно-туалетных принадлежностей.

Прокантовавшись на ниве торговли без нескольких дней год (ну, не моё это дело!), в августе 1971 года я перевёлся в Архонскую геологоразведочную экспедицию по протекции работавшего там буровым мастером друга моих родителей дяди Лёши помбуром 2-го разряда. Они бурили артезианские

скважины в Моздокском районе где-то между кумыкским селом Кизляром (не путать с его дагестанским городом-тёзкой) и селом Киевским. Зарплату мне положили аж сто семьдесят рублей, сумасшедшие по тем временам деньги – инженеры столько не получали! Работать надо было неделю через неделю, то есть мы уезжали на неделю в поле, а потом неделю отдыхали.

"В суету городов, и в потоки машин
возвращаются все – просто некуда деться.
И спускаемся мы с покорённых вершин,
оставляя в горах, оставляя в горах своё сердце..."

Строки песни Высоцкого из кинофильма "Вертикаль" всплывали в памяти каждый раз, когда ехал в попутном автобусе с буровой после вахты. Плечи уже не оттягивали ремни полупустого рюкзака – не то что неделю назад, когда рюкзак был полон продуктов.

В первый же рабочий день попытались научить меня пользоваться тяжеленным, как показалось с непривычки, трубным ключом, которым закручивались и откручивались буровые штанги при опускании и подъёме инструмента. Глядя, как в руках коллег-мужиков накинута на штангу ключ сам по себе защёлкивался, попробовал повторить фокус, но ничего не получилось – ключ только клацнул по ней своими звеньями и повис в моих моментально обессилевших руках. Так первые дни и пользовался им, обнимая трубу и вручную замыкая непослушный инструмент, чем вызывал перемежаемые матюгами беззлобные насмешки мастера. Но уже к концу первой недели ключ начал кое-как защёлкиваться сам по себе. Точно так же быстро научился при подъёме хватать нижний конец открученной двадцатикилограммовой штанги на 2 и 7/8 дюйма, оттягивая его на себя, кидать на левое плечо и – бегом по покатым мосткам, пока крюк лебёдки опускает верхний конец, чтобы с грохотом сбросить штангу в невысокий штабель её близнецов тут же, сбоку помоста.

Артезианские скважины бурились на глубину от 300 до 500 метров. Установка под названием УРБ-ЗАМ была смонтирована на шасси автомобиля МА3-500. Буровую колонну, приводимую во вращение ротором, похожим на большой горизонтально расположенный токарный патрон, с зажатым в нём "квадратом" – этакой семиметровой штангой квадратного сечения из особо прочной стали, весившей 700 килограммов, по мере проходки нужно было постоянно наращивать, для чего "квадрат" откручивался и ставился внутри вышки в специальное гнездо, а сверху крепился цепочкой. В мои обязанности входила в том числе и эта операция, для чего нужно было установить буровую колонну на роторе в мощную упорную вилку, отсоединить "квадрат" и поместить его в гнездо. Затем, поднявшись по туннельной лестнице на макушку вышки, накинуть на "квадрат" цепочку и закрепить его сбоку, отцепить гак, спуститься вниз, прицепить к гаку специальный захват для буровой штанги, зацепить им её, поднять, нарастить ею буровую колонну, отцепить гак, подняться наверх, прицепить его к "квадрату", снять цепочку, спуститься вниз, вывести "квадрат" из гнезда, накрутить его конус с резьбой на буровую колонну, снять колонну с вилки. И вот тогда мастер, приопустив "квадрат" и зажав его кулачками ротора, начинал проходку, а помбур мог чуть-чуть передохнуть – и так до наращивания следующей штанги. Проходка шла достаточно быстро и стоила, помнится, около 40 копеек за погонный метр скважины. А вот на скальных породах в горах она стоила уже 10 рублей за метр, и метр этот бурили, говорят, порой всю смену – двенадцать часов.

Кроме всего прочего, пока мастер бурил, помощник должен был проверить состояние насоса, закачивавшего промывочный глинистый раствор в скважину, а при возникновении течи раствора по валу сменить сальниковую набивку из пропитанного графитом витого шнура. Кроме этого, ещё нужно было проверить уровень масла в картере дизеля и доливать ведрами в бак солянку по мере её расходования. Одним словом, первое время после вахты еле добирался до вагончика и падал как подкошенный на спальное место. При этом 170 рублей зарплаты уже не казались великими деньгами – всё в мире относительно.

Как-то, поднявшись в очередной раз для переустановки "квадрата", привычно накинута цепочку и, спустившись уже до половины лестницы, случайно глянул наверх. О, ужас! Цепочка висела не застёгнутой, а "квадрат" стоял себе, ничем не закреплённый и уже, как мне показалось, начал наклоняться. Пулей, не чуя под ногами стальных перекладин, взлетев назад, обхватил пытавшуюся выйти из равновесия семисоткилограммовую бандуру одной рукой, второй пытаюсь втиснуть в звено цепочки крючок. Успел. Уже позже, спустившись вниз, облился холодным потом, представив разрушения от падения "квадрата", хотя позже сообразил, что тот не мог выпасть за пределы вышки, однако всё равно пришлось бы приложить немало усилий, чтобы вернуть его на место.

Бригада состояла из четырёх человек: два мастера и два помбура, которые поочередно выходили на вахту по два человека. Вахты продолжались по 12 часов, затем следовали 12 часов отдыха и снова – в смену. Я работал, естественно, в паре с дядей Лёшей. Особенно тяжело было в ночные часы, и для того, чтобы меньше хотелось спать, курил самые крепкие сигареты "Охотничьи", обжигавшие лёгкие при затяжках, что твой горький перец.

Однажды ночью, а было это, кажется, в конце сентября, и дожди с осенними холодами ещё не наступили, при наращивании буровой колонны я не смог открутить штангу. Что только ни делал: и бил

по ней по совету дяди Лёши кувалдой, и наращивал ключ двухметровым отрезком трубы подходящего диаметра – ничего не получалось ни у меня, ни у мастера, только ручка трубного ключа гнулась. Намучавшись, мы оба сели на инструментальный ящик под навесом и закурили. Ночь была тёплая, только комары донимали, кружась облачком в тусклом свете лампы под крышей навеса и периодически пикируя на нас с надоедливым писком. Дизель, практически никогда не глушившийся, молотил вхолостую, и задняя стенка будки за нашими прислонёнными к ней усталыми спинами подрагивала в такт его тарахтенью.

Задремали. Через какое-то время я проснулся. Вдалеке над покатыми невысокими Вознесенскими горами небо уже начало краснеть, наливаясь утренней зарёй. Я глянул на сиротливо висевший на буровой штанге замкнутый трубный ключ. Вздохнув, поднялся и решил ещё раз попытаться открутить это чёртово коническое соединение. Привычным уже движением натянул ключ и, о чудо! – штанга сдвинулась с места и начала откручиваться. Так и не поняв, что это было, мы с дядей Лёшей облегчённо вздохнули и продолжили работу – до конца вахты было ещё час-полтора.

Зима 1971/1972 года выдалась в Осетии на редкость морозной и снежной – температура в декабре опускалась порой ниже минус 30 градусов. Начались проблемы с соляжкой, которая была, конечно же, летней, превращавшейся на таком морозе в желтоватую кашу, хоть ложкой черпай. Обычно в таких случаях дизтопливо разбавляют керосином, но кто ж его предусматривает на юге-то, где зима обычно – слякоть с редкими заморозками? Одним словом, пользуйся тем, что есть и применяй неотразимое оружие – жизненный опыт и смекалку, если таковые найдутся. Мы выходили на работу из обогреваемого котлом КЧМ на угле тёплого вагончика в подшлемниках, напоминаящих, выражаясь современным языком, утеплённые "балаклавы" с круглым вырезом для лица. Пока мастер бурил, помощник бегал с факелом и отогревал то топливный бак, то медные трубки-топливопроводы, стараясь, чтоб ничего при этом не загорелось. Слава Богу, бензина на буровой не было. Невдалеке от помоста был разведён костёр, вокруг которого в ведрах грелась соляжка – не будешь же в бак кашу перекладывать. Одним словом, после вахтовой маяты в этой копотии моё лицо при возвращении в вагончик было похоже на лицо Феди из "Операции "Ы" после гонки за Шуриком вокруг чана с разогретым битумом – из зеркала на вагонной переборке на меня смотрела чёрная рожа, на которой так же блестели только глаза и зубы.

Однажды, решив облегчить свою жизнь "факеломосца", водрузил на положенный плашмя пустой диск из-под МАЗовского колеса столитровую бочку со срезанным верхом и, натаскав её полную дизельной кашицы, развёл вокруг этого сооружения костёр, решив, что таким образом у меня будет хороший запас горячей соляжки. Но как-то в беготне и смене инструмента на буровой зазевался, и разогретая в бочке соляжка вспыхнула. Собственно, ничего страшного не произошло – ёмкость открытая, да и это ж не бензин! Я же, по неопытности изрядно испугавшись, вместо того, чтобы просто потушить костёр, а потом уже взяться за бочку, накинул на неё брезентовую робу. Но к тому моменту бочка уже достаточно разогрелась и её острые края попросту прожгли брезент. Не додумавшись ни до чего более оригинального, я с разбегу столкнул тяжёлую бочку с постамента. Представляете горящую столитровую лужу соляжки, разлившуюся по всей территории? Хорошо, что огнетушители на пожарном щите оказались исправными и ящик был полон песка – буровую не спалил, но взбучку от мастера получил вполне заслуженную.

Всякое случалось на буровой. То, пытаюсь высвободить застрявшую УБТ – самую первую мощную буровую трубу, непосредственно на которой крепился режущий инструмент-шарошка, начали вращать её в обратную сторону и упустили, скрутив с резьбы. После напрасных попыток уловить и поднять эту тяжеленную штуковину, пробуренную наполовину скважину пришлось вместе с потерянной УБТ бросить и начать рядом бурить новую. То напоролись на глубине около ста метров на плывун – слой обводнённого песка, в который моментально ушёл весь промывочный раствор. Пришлось довольно долго заниматься тампонажем, то есть лепили всей бригадой из глины шарики и тупо кидали их в скважину, стараясь забить то место, куда ушёл раствор. Дело достаточно бесполезное, но, говорят, иногда помогало. Нам, хвала Всевышнему, повезло – скважину спасли. Пришлось наблюдать и работу геофизиков по расчёту места установки в обсадной колонне фильтров и определении дебета скважины, и участвовать в установке после окончания бурения обсадных труб – одним словом, за довольно короткое время хлебнул я из несладкой чаши буровика полной мерой...

За месяцы, проведённые в полевых условиях, научился готовить еду – не разносолы, конечно, но супчик какой-никакой, борщ, глазунью, картошку жареную, кашку сварить – тут проблем никаких не было. Это уметь ох как пригодилось в студенческие годы, которые были уже не за горами...

ИГОРЬ КОРНИЕНКО

Ангарск

Корниенко Игорь Николаевич – прозаик, драматург, художник. Член Союза писателей России. Родился в 1978 году в Баку. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии В.П. Астафьева (2006), драматургического конкурса "Премьера 2010", литературного конкурса им. Игнатия Рождественского (2016), Шукшинской литературной премии (2019).

ЗЕМЛЯ ПУХОМ

Рассказ

"Мёртвых больше, чем живых. Кладбище – последняя остановка. Все на выход. Не задерживаемся..."

Девушка в чёрном поёжилась, не столько от холода – было не по-мартовски тепло, – сколько от возникших мыслей.

А ещё, слышали новость, Харон, паромщик с реки Стикс, теперь ездит на катафалке. Перевозчик душ образца двухтысячного года. С помятым лицом, вечным перегаром, в замусоленной фуражке и стоптанных кирзачах, под ногтями свежая грязь – тавот, голос пропито-прокуранный, не живой:

– Гроб-то кто будет выгружать, моя бабушка?! – кричит новоявленный Харон. – У меня через полчаса ещё похороны, – и тише, почти про себя: – и чё им не живётся?.. Дохнут как мухи, забодай меня комар...

Катерина, та самая девушка в чёрном, спрятала улыбку в утробе кожаной перчатки. Это были её юбилейные, десятые, похороны.

Когда все разойдутся, она подойдёт к свежей могиле и срежет пластмассовый цветок из первого попавшегося венка, а пока она стоит в стороне от похоронной процессии и наблюдает за тем, как пятеро мужчин выгружают на приготовленные заранее табуреты гроб из катафалка. "Харон" докуривает папиросу, сплевывает и, не говоря ни слова, забирается в кабину (читай на палубу) своего "парома".

Привычка не прощаться – хорошая привычка. Он никогда не ждёт, когда гроб закопают. Он никогда не интересуется, кто лежит в деревянном ящике. Ни имени, ни фамилии... Ни жалости. Он всего лишь паромщик...

Кряхтит, ревёт двигатель, разбивая кладбищенскую тишину. Миссия выполнена.

Сегодня никто не плачет, и вороны, на удивление, притихли.

Она мельком слышала в автобусе по дороге на кладбище, что покойник был не самым хорошим человеком. И смерть его для близких как избавление. Награда.

– Всю жизнь – тиран из тиранов, – шептались в автобусе две старушки, – сначала жену Галю, наидобрее была женщина, довёл до психушки, потом детей одного за другим в могилы загнал. Всех пережил, и вот, наконец, того... Всё ведь с собой в могилу унёс старый. Ни детей, ни плетей... Застучали молотки – последняя песнь прощания. Барабан смерти. Memento more.

Сердце Катерины забило в такт с ударами молотков. Бум-бум-бум...

Она ждала этого момента, тогда ей казалось, что она познаёт смерть, проникает в тайну загробной жизни, с каждым ударом удаляясь всё дальше и дальше, и, быть может, когда-нибудь она увидит тот свет, впитает его, станет им и... Будет жить вечно.

Мёртвые не умирают.

Последний удар. Лишь эхо повторило его и растворило в нигде. В пустоте. Что остаётся после смерти? Ответ – ничего. Ответ – пустота. А если вся жизнь проходит впустую, мимо, то и смерть не страшна...

– Заполнить пустоту, – всё так же в перчатку шепчет Катя, – заполнить пустоту, – и уже, как приказ самой себе, убирая перчатку от лица: – Ты должна жить!

Искусственные цветы с кладбища после похорон она приносила в свою съёмную квартиру на первом этаже старого деревянного дома по улице с символичным для Кати названием: "Крестовая".

Цветы девушка ставила в вазу с водой, воду меняла каждое утро, ваза стояла на рабочем столе рядом с ноутбуком.

На этот раз она принесла кроваво-красную розу.

Катя когда-то давно, уже не помнит, когда это было, увлекалась хромотерапией и знала, как работает красный цвет.

Помимо известного всем влияния на сексуальность, красный положительно влияет на систему кровообращения и, самое главное, заживляет раны.

Для Катерины это было важным. В свои тридцать лет она считала себя одной сплошной открытой раной. Кровоточащей. И кусочка, не тронутого болью, нет на теле и в душе...

– Вот так, – сказала девушка.

Говорить самой с собой тоже было любимым занятием:

– Красненький. Наверное, лучше было взять мак. Вон уже три розы. Белая. Желтая. Розовая. Теперь... Вот дура. Вечная дура. Вечный жид тебе в друзья-товарищи. Вам с ним по пути. Топай вприпрыжку за Агасфером и не вздумай останавливаться. И оборачиваться назад – ни-ни. Без тебя солёных столбов хватает. Взгляни в окно. На улицу выйди... Все хотят остаться в прошлом. Все боятся нового. Будущего. Все кругом жёны Лота. Ты же бежишь от него... От прошлого... Прямоком, не замечая настоящего, в новое. Твоё. Девушка аккуратно просунула красную розу между жёлто-голубым нарциссом и сочно-зелёным листом лопуха. Сняла с плеч чёрный платок с золотыми кистями. Бабушкин.

– Почему всему живому суждено умереть? – села в компьютерное, неизвестно когда купленное кресло, смотрела на коллекцию своих цветов. – А неживому, уже мертвому, – жить вечно? Зачем тогда стремиться к жизни, если мёртвое вечно?..

Усмехнулась отражению в вазе.

– Прочитать два раза Библию и так ничего не понять. Бабушка окрестить хотела в такой крохотной, миниатюрной старой церквушке. Не успела. Да. Не успела. Может, в этом всё дело?..

Вздохнула болезненно тяжело, протяжно Катерина. Покрутилась легонько, пол-оборота влево, пол-оборота вправо на кресле, потом устала в чёрный потухший экран ноутбука.

– За чернотой – жизнь. Не пустота. За тьмой всегда что-то скрывается. Прячется. Как тать, приходит в ночи...

Смотрела, не моргая, и вдруг чёрный цвет стал расти. Обволакивать. Проникать. В какой-то момент. Миг. Вспышке подобный, перед глазами пронёсся Млечный путь. Звёзды. Она увидела миллионы, триллионы... звёзд. От яркости разноцветья обожгло глаза. Катя моргнула. Перед ней потухший экран, а на щеках горячие слезы. Доказательство того, что за чернотой есть жизнь.

– Моя жизнь...

У дверей салона ритуальных услуг "Последний путь" народ – Катерина это давно заметила – всегда собирается в кучки. Стайки по три-пять человек. Редко увидишь кого-то одинокого, пришедшего проводить покойного в известный всем путь. И поэтому боялась, всё время боялась, что на неё могут обратить внимание.

"И что тогда? Прогонят? Подойдут и скажут, уходите с наших похорон. Мертвец наш? Нет. Это не по-христиански. Не по-человечески. Такого, наверно, прецедента за всю жизнь или смерть на планете не было! Нет, не прогонят! Наоборот, ещё пригласят в столовую на поминки".

Такие мысли успокаивали, но волнение приходило вновь и вновь, и всё сильнее, катастрофичней, с каждым её новыми похоронами. Слегка моросило, но зонт никто не спешил открывать.

– В закрытом будут хоронить, – услышала Катя женский голос за спиной, но не обернулась.

– На ней живого места нет, – тот же голос.

– И это у нас в городе, – мужской голос, – уму непостижимо.

– Из-за любви, говорят. Она бросила его, а он её без ума любил. Она его первой женщиной, говорят, была.

– И последней, – выдохнул мужчина, – и так изрезать любимого человека?.. Не понимаю я этого.

– Так он ведь и себя, тем же самым тесаком... Сердце себе вырезал, представляете, какая любовь?!

– Ну, вы даёте, какая любовь?!

– До гроба. Как какая?! Его самого завтра хоронят.

– Дела, – пробасил мужчина.

– Любовь, – всхлипнула женщина.

Катя впервые не поехала на кладбище. Из-за прогноза погоды. Обещали ливневые дожди, вот и решила, чтобы не отставать от так называемого графика – похороны в день – сходить к салону ритуальных услуг.

И не прогадала.

"Любовь до гроба". Ей до дрожи в коленях захотелось взглянуть в лицо счастливицы.

"Какая прекрасная должна быть смерть – от руки любящего тебя человека". – Катарсис – вырвалось у неё.

В небе грозно пробарабанил гром.

"Барабан смерти".

Лицо покойницы на фотографии показалось Катерине до вскрика знакомым. Эти завитые рыжего цвета кудри, нерусский разрез глаз, родинка под левым глазом...

"Может, учились с ней?"

И воротник воланом она уже видела...

Убитую любовью звали Светлана.

Катя прочла имя на венках, которых здесь было не меньше сотни: "Светлане, любимой и единственной дочери от родителей. От дяди Василия и тётки Зарины, от подруг и друзей, от бабушки Дуни, от соседей Шитько..."

"... Светлане, Свете, Светику, Светусе, Светочу очей наших..."

Глаза заслезились от "пожара" тысяч свечей. "Не помню. Прошлое умерло вместе с бабушкой. Не помню. Не помню. Не помню! Прошлое не существует!"

Нежно-голубой цветок, похожий на тюльпан, лежал в луже, рядом с мусорным баком, далеко от салона "Последний путь". Почти у дороги. "Наверняка выпал, бедняга, из чьего-то венка, и ветром унесло". Голубой цвет помогает при неврозах, если полагаться на хромотерапию, оказывает обезболивающее действие.

– Иди ко мне, мой хороший.

Катя подняла цветок.

"Как живой", – вздрогнула девушка и чуть не выбросила находку. Остановила выпирающая из центра бутона медная проволока.

"Мой". Прижала мёртвый цветок к груди.

– Мой.

Дождь полил сильнее.

Работать, когда за окном дождь, удовольствие. Только не сегодня. Катерина никак не могла сосредоточиться.

– Похороны любви, – говорила она и никак не могла заставить себя сесть за стол. Ходила от окна к двери, на кухню и снова к окну...

Работала Катя на дому, переводила тексты с английского для всевозможных издательств. Получала очень даже неплохо. Её такое положение вещей устраивало.

– Бабушка умерла, и вместе с ней умерла любовь. Нет больше в мире любви. И нелюбви нет. Сплошное безразличие.

Прошла на кухню, к плите.

– Никто никому не нужен – не секрет. Только мёртвое можно удержать, оставить с собой рядом. Мёртвое. Живое же всегда изменчиво, непостоянно. Живому свойственно уходить. Оставлять. Бросать... Обещать и не возвращаться...

Подошла к окну.

– Всё построено на лжи и недосказанности. Все верим. Уже и сами верим в ложь и не в силах определить, где что. Что есть ложь? А что правда?..

В молчании правда. В неживом.

Провела ладонью по букету мёртвых цветов.

– Вот где истина.

Прошлое возвращалось только в снах. Катя боялась таких снов. Кошмаров. В них снова и снова были ссорящиеся родители, непонимающие учителя, скобы на зубах, жестокие одноклассники, невзаимная любовь, попытка изнасилования, забитый ломом пёс Лохматый...

Спасала бабушка. Её появления. Тёплые объятия, пахнущие свежим тестом и мятой, щекотный поцелуй в нос, нежное "люблю" переворачивали сон вверх дном. Становилось уютно и солнечно, в таком сне хотелось остаться навсегда. Хотелось спать и не просыпаться.

Но Катя просыпалась. И жалела об этом.

"Ведь во сне бабушка жива и живёт в снах вечно".

Добиралась до кладбища на автобусе. Маршрут №7.

"Божье число".

Двадцать минут – и добро пожаловать в обитель тишины и вечного покоя. Всегда кто-нибудь да едет вместе с ней до конечной остановки. Не было ни дня, чтобы Катерина выходила одна. Выйти одной равносильно самоубийству, считала она. "Вдруг водитель что заподозрит?.." Ей везло – паратройка людей с каменными лицами всегда составляла компанию.

На этот раз это была пожилая чета ярко выраженных интеллигентов и две молодые девушки с искусственными букетиками. У ворот кладбища девушки резко остановились, и Катя услышала:

– Нет, ты лучше спроси, у тебя всегда получалось, – произнесла рыженькая.

– Чё я-то сразу?! – был ответ блондинки. – Вместе подойдем и спросим. Как договаривались.

Из кладбищенской сторожки в это время вышел дряхлый старик в солдатском бушлате на голое худое тело. В валенках и с черенковой лопатой. – Опять, поди, к маньяку чёртовому пришли?! – прокричал он, обращаясь к девушкам. – Радуйтесь, что вас не изрезал.

Они переглянулись:

– Мы учились вместе, – начали они в один голос, – вот цветов...

– Цветов... Выкопать бы его, убить и снова закопать. Любовь у него, видите ли. Девуцу так.

Тьфу, чтоб его...

И через долгую паузу:

– 28 улица, слева могила, 105, что ли... Не помню. Найдёте по фотке, с вас не убудет, – старик снова сплюнул.

Девушки поспешили прочь, стараясь не смотреть в сторону сторожа.

– Проститутки, – тише бросил вслед старик, – одни мужики на уме. Как таких не прибить, коль сами вешаются. Даже на мёртвого кидаются. Тьфу... Катерина пошла следом.

– Я возьму землю с его могилы, – сказала блондинка, уверенно загребая горсть земли и высыпая её в сумку, – говорила, два пакета возьми. Дурёха. – Тогда я тоже земли возьму, – и рыжая вытряхнула из целлофанового пакета кучу камней.

– Чё вот ты вечно за мной всё повторяешь?..

Как эта...

– Чё повторяю-то?.. Подруги мы или насрано?..

– Ой, ладно, бери землю и пошли скорей, сейчас ещё хмырь старый припрётся, сумки вздумает проверять, его мать...

Рыжая загребла пакетом свежую землю.

– Ты ещё весь песок перетаскай, всю могилу. Придурочная. Горсточку всего надо. А так покойника к себе приведёшь, будешь потом знать. Или из родных кто умрет, или сама коньки отбросишь.

Рыжая отсыпала большую половину земли назад.

– Чё орать сразу?!

– Пошли давай.

Катя долго смотрела девушкам вслед, тщетно пытаясь проникнуть в их секрет.

"Зачем им земля?"

– Любовь? – произнесла вслух и испугалась своего голоса.

"Неживой голос". Кашлянула.

– Живые не дают покоя мёртвым. Нигде нет покоя от живых...

Зашла в ограду, где несколько минут назад творили своё таинство две девчушки. На мраморном сером памятнике овал с фотографией.

Соколов Вадим Леонидович.

Родился 1.05.1983 г. Умер 24.03.2010 г.

Катерина наклонилась, взглянула в глянцевые черты молодого человека.

В глазах, она такие глаза называла собачьими, бездонная печаль. Причёска ёжиком, нос с горбинкой.

– Явно в жизни тебе не везло. А ведь ты добрый. Про таких говорят: "хороший". Неужели любовь на такое способна?.. Или это не любовь тебя сгубила?.. Кто знает?.. Остались лишь слёзы, жалость и боль...

Куча вопросов и ни одного ответа. За исключением слова...

Она не глядя выдернула из земли воткнутый цветок

– У тебя глаза зелёного цвета. Это цвет хорошего настроения. Спрятала цветок в сумку. – Зелёным лечат головную боль, он помогает при бессоннице...

Присела у памятника, взяла горсть земли, смотрела на неё – рыхлую, влажную, чёрную. "Чёрное на белом". Потом медленно высыпала назад, пропуская между пальцев.

– Земля пухом.

А подымаясь, машинально, неожиданно для себя взяла ещё одну горсть земли и спрятала руку в карман куртки.

Дома. На кухне долго искала, куда деть землю с могилы убийцы.

Нашла пустую банку из-под кофе, высыпала туда. Поставила возле вазы. Отошла, посмотрела, как смотрится композиция со стороны в целом.

– Нет.

"Мёртвая земля даёт жизнь".

– Хотя какая она мёртвая? Земля не может умереть. Таков Божий замысел. Только рожать – удел земли. Давать жизнь.

И тут её осенило.

Катя трясущимися руками открыла банку из-под кофе и осторожно (как бы не просыпать) высыпала землю в вазу.

Вода вмиг почернела.

Она забыла про цветок в сумке. Его Катерина найдёт утром на следующий день. В её голове созрел план. План на уровне ощущений, чувств, ментальности... Здесь правит не разум и расчёт. Это за границей понимания. За границей жизни.

Больше воду в вазе она не меняла.

Это были её сорок четвёртые похороны. В вазочке с мёртвыми цветами вместо воды чёрная жижа. Хоронили местечковую звезду, поэтессу, творившую всю свою поэтическую жизнь под псевдонимом "Коко де Бис". Наконец настал час, когда все узнали настоящее имя "Коко" – Эльвира Хабалкова.

"Понятно, почему вся сознательная жизнь под де Бис прошла".

Катя не могла дождаться окончания панихиды. Поэты же наперегонки читали у гроба поэтессы посвящённые ей строки.

"И не было им конца".

Спасибо, ускорил процесс всё тот же "Харон" на катафалке. Он вежливо, перед ним богема всё ж, попросил закругляться и добавил: "Расчирикались не на шутку. Не накаркали бы чего". И завёл свой "паром".

Она выбрала ирис оранжевого цвета. Оранжевый – возбуждает аппетит и способствует восстановлению гормонов в организме. А Катерина последние две недели, как никогда, чувствовала себя живой. Существующей в окружении несуществующего. Неживого...

Улыбалась по утрам мёртвым цветам, слушала на полную громкость радио, здоровалась с кондуктором в автобусе. Со сторожем познакомилась. Теперь у неё на кладбище свой блат, свой человек. Такой же мертвец... Катя присела на корточки у свежесакопанной могилы, легонько погладила холодную землю. Взяла в ладонь...

Что-то коснулось её бедра. Девушка замерла, не выдохнуть. Проснулось и затарабанило барабаном смерти сердце.

"Вот и всамделишный Харон по твою душу пожаловал. Прошу любить и жаловать".

Ещё прикосновение – настойчивее, осязательнее.

И ещё...

Катерина выдохнула и с опаской посмотрела вниз.

У ног ластился, мурлыкая, большой, грязный, ободранный серый кот с отрезанными ушами и хвостом.

Катя вскрикнула, вскочила.

– Ух, ты, Боже мой!

Кот жалобно мяукнул. Левый глаз заплаыл катарактой, порванные ноздри...

– Кто тебя так?..

В области души кольнуло. Больно. Щемяще...

"Как что-то родное промелькнуло – что-то из детства".

– Похоже, тебя прошлое тоже не жалело?! Вон, искромсало как. Живого места нет.

Кот замыкал громче.

– Да, от прошлого нам достались только раны. Бедняжка, за что тебя-то?.. Даже животных не жалует...

Девушка вернула оранжевый ирис могиле.

Кот тёрся о ноги, не переставая мурлыкать.

– Сколько тебе лет, кошара?..

Животное продолжало свой ритуал.

– Ты, наверное, давно здесь живёшь? Серый? Среди мёртвых свой дом нашёл.

"Как и я. Как и я".

Серый приподнялся на двух лапах, опёрся на колено Кати и потянулся правой лапой к девушке.

– На руки?! Не-е-е... Вдруг блохастый ты?! Лишайный?!

Кот не отступал. Он цеплялся за тонкую ткань джинсов, словно пытаюсь ухватиться и забраться.

В области души у Кати снова сдавило, сердце резко перестало барабанить. Захотелось заплакать.

"Как на похоронах бабушки".

Серый мяукнул.

Девушка расплакалась.

"Никого у нас с тобой нет. Потрёпанных".

Взяла кота на руки и сказала сквозь слезы:

– Ну и тяжёлый ты, засранчик.

Из ворот кладбища она вынесла только кота. Тот, удобно устроившись на её руках, сразу уснул.

"Колыбель для кошки".

Кивнула на прощание сторожу:

– Руки заняты.

– Домой, что ли бича этого повезёшь?! – закричал в ответ сторож. – Больной никак?! И страшный какой, как моя жизнь, мать-перемать!

Катя промолчала.

"Оставайся со своими мертвецами".

Кот спал до самого дома. Съёмной однокомнатной квартиры по улице Крестовая.

– Просыпайся, – хлопнула по спинке животного Катя, – я ключ из сумки не могу достать.

Серый широко зевнул, потянулся на руках девушки и послушно слез на пол. – Смышлёный.

Прошное нас многому научило. Особенно умению забывать. Всё плохое забывать, – сказала, а сама подумала: "Теперь будет хоть с кем разговаривать".

– Заходи, – распахнула перед котом дверь.

Кот деловито задрал обрубок хвоста, медленно прошёл в коридор и сразу – на кухню.

– Ну, даёшь ты, Серый. Разборчивый, – Катя закрыла дверь.

Наливая в миску молока, она говорила: – Надеюсь, кладбищенская еда не сделала тебя гурманом?

От молока не откажешься? Сейчас колбаски отрежу, а завтра за кошачьей едой схожу.

Серый от молока с колбасой не отказался.

– Искупать тебя немедленно надо, воняешь ты...

Кот, соглашаясь, вертел мордочкой, не прекращая есть и мурлыкать одновременно.

Серый – Катя решила так и продолжать называть кота. После ванной, которую он принимал стойко и смиренно, ни разу не мяукнув, Серый стал ещё серее. Стали видны новые раны. На спине, боках. Глубокие порезы, болячки.

– Убежать от прошлого к мёртвым – это ты правильно сделал. Мы с тобой этим похожи. Мы вообще многим с тобой схожи.

Кот по кличке Серый во всем соглашался, перекатываясь из стороны в сторону на коленях хозяйки.

Ночью раздался взрыв.

Катерина буквально подлетела на кровати. Включила свет. И всё, что вырвалось из её губ, было:

– Бо-о-ж...

По всему полу, на линолеуме, были разбросаны искусственные цветы. В грязно-чёрной жиже сверкали осколки разбитой вазы и радужные пятнышки: красная роза, белый нарцисс, жёлтый тюльпан... А посреди всей этой катастрофы выкупанный девять часов назад Серый.

"Счастливый, как песня".

– Мяу.

– Не "мяу", а будешь помогать мне убирать. Разбойник.

Мёртвые цветы выбросила в мусорный контейнер утром, когда пошла за кошачьей едой.

Всю дорогу до магазина не могла поверить, что всё кончено. Поездки на кладбище, коллекционирование цветов, земли, ран...

Захотелось праздника.

– Праздника, – сказала себе.

Что-то, что осталось за спиной, ещё напоминало о себе слабыми уколами в сердце. Это что-то назойливо требовало остановиться. Обернуться. Остаться. Катя шла. Вперёд.

"Надо купить новую вазу и цветов. Живых", – твёрдо решила.

Так и сделала.

Серый любил наблюдать за бегущей по экрану ноутбука стрелкой курсора, когда Катерина работала. Он сидел рядом и следил, изредка делая попытки поймать скачущую стрелку. Но больше всего он любил смотреть на фотографию умершей Катериной бабушки. Бабы Вали. Усядется на полу перед фоткой на стене (здесь бабушка ещё молодая) и смотрит, не шелохнувшись, не моргнув, не пискнув. Девушке иногда казалось, что в это время кот перестаёт дышать. И так несколько часов подряд.

"Словно он вступает в контакт с бабушкой".

– Что ты там видишь, серый котяра? Бабуля говорит с тобой? Бабуля бережёт нас? Охраняет? Ведь так?..

Кот мурлыкал в ответ, шевелил остатком хвоста.

Вечером, несколько дней спустя, Катя готовила ужин и вдруг громко сказала:

– Знаешь, Серый, я решила уехать. Вернуться в родной город. Там, где жила с бабушкой. Где её дом, её могилка. Место людей там, где могилы их любимых... Ты со мной?!

Взяла кота на руки, потрепала:

– Со мной, засранчик... Завтра же поедем. Соберём самые необходимые вещи, закроем квартиру и поедем. Я надена жёлтый костюм – жёлтый цвет тонизирует, и к тому же это цвет радостного настроения, и синий берет, он действует на меня умиротворяюще, синий успокаивает. Ну, а ты у нас Серый, одним словом. Не красить ведь тебя зелёнкой? Или как?..

Этой ночью она снова не видела снов из прошлого.

"Страж снов", так она звала Серого, теперь спал у неё в ногах. И, как и бабушка, сторожил. Защищал. В это верила Катерина.

Проснулась с безумным порывом действовать. Поднялась. Кота в ногах не было.

– Серый?.. Нам надо собираться. Сегодня великий день для нас двоих!

"Где же он?"

– Серый?..

В зале его не было. Заглянула под кровать – нет.

Встала, в одной ночной рубашке прошла в коридор.

– Ксс, Серж, ты где?.. Кс-кс...

"Счастье не бывает долгим. Хватит с тебя и двух недель. Оставайся со своими мертвецами".

– Господи, Серый! – закричала.

В голове, в области души забарабанил барабан, тот самый...

– Нет! – заплакала. Слезы просто текли сами по себе, обжигая лицо, шею, капали на грудь и на пол. Её слезы прожигали. Выжигали глаза, щёки, линолеум на полу, жизнь...

– Серж.

В ванной кота не было. И в туалете.

– Котик мой, Серый, кис-кис...

"Моя вина, Господи. Моя. Верни его, одну родную живую душу. Никого ведь у меня. Верни. Обещаю..."

– Серый!.. – Крик ударил о стены кухни, и стены рухнули.

Яркий солнечный свет ослепил. Она стояла посреди кухни среди обломков разрушенных стен, а когда привыкли глаза, Катя увидела его.

– Нашла, – всхлипнула, – Серый...

Кот сидел на форточке прямо перед солнцем и смотрел непонимающим взглядом на хозяйку: "Что за шум, а драки нет?"

Девушка протянула к коту руки:

– Ну и напугал ты меня, засранчик. Думала, на кладбище, к мертвецам вернулся. Чуть с ума не сошла. Давай, спускайся, нам пора собираться. Сегодня первый день нашей новой жизни. Давай...

Серый поднялся, потянулся. Солнечные лучи отразились от вымытой несколько дней назад шерсти кота, от каждой волосинки.

И Серый стал золотым.

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

РЕКА ВРЕМЁНИсторический роман
(Окончание)*Глава 13. Бог*

Случилось так, что как раз в ту пору на Державина вдруг снизошло вдохновение, и, позабыв о служебных неурядицах, поэт очертя голову бросился в его объятия.

Эта тема волновала его всегда. Как появился мир – земля, звезды, люди? Кто их творец? Благообразный старец на облаке или некий непостижимый высший разум? И для чего рожден человек?

Однажды, в канун Христова Воскресенья, он стоял всю ночь в храме и вдруг почувствовал в глазах блики света. Кто-то неведомый, добрый и великий посылал ему знак... Державин разомкнул уста и, как когда-то в младенчестве, произнёс только одно слово: "Бог!". Вернувшись домой, долго не мог успокоиться. Слова теснились в голове, и он, движимый внезапным порывом, написал на листе бумаги:

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц в Трёх Лицах Божества...

Но после нескольких строк работа застопорилась. Не хватало ему идеи, без которой ода не жила своей жизнью, а была лишь повторением славословий Создателю, многократно расточаемых в стихах других поэтов.

Державин думал, думал непрестанно... и через несколько дней почувствовал, что нашёл то, что искал. Сам ли понял или кто-то нашептал ему, но с той поры он потерял покой и сон. Сочинял то легко, с наслаждением, то с тяжким трудом пробивался сквозь тернии мыслей, то душою уходил ввысь, то падал в бездну. Житейская суета мешала ему, и в один прекрасный день он вдруг собрал бумаги и объявил жене, что едет в Белоруссию, поглядеть на свои деревеньки, выкупленные из-под залога.

– Я с тобой! – воскликнула Катя, с тревогой заметив лихорадочный блеск в его глазах.

Он ласково провёл рукой по её упругой щеке. Поцеловал свежие вишнёвые губы, чувствуя, как нежность волной подкатывает к сердцу. Но сдержался.

– Нет, Пленира... Мне надобно ехать одному. Не скучай, я скоро.

Весна ещё не вполне вступила в свои права, дороги едва подсохли. Державин доскакал до окраины Нарвы и, не въезжая в город, попросился на постой к старухе-немке. Та поначалу колебалась, с тревогой глядя на незнакомца. Но его обаятельная улыбка и безупречный немецкий смягчили сердце старой фрау. Она лишь растерянно сказала, что может сдать только одну комнату, и то небольшую.

– Не беда, – кивнул Державин, – лишь бы меня никто не беспокоил.

По лицу старухи снова пробежал испуг.

– Вы не алхимик?

– Что-то в этом роде, – пошутил он. – Я – поэт... Пытаюсь добывать золото из слов.

Она усмехнулась и пригласила его в дом.

Фрау Луиза Бергер, бывшая гувернантка, жила одна на крошечное пособие, которое присылал ей из Петербурга сын, чиновник средней руки. Бедный, но чистый её домишко пришёлся Державину по душе, и он прожил в нём почти три недели. Старушка стряпала ему нехитрую еду и старалась не отвлекать разговорами. Да и квартирант оказался на редкость тихим. Целыми днями сидел, согнувшись за столом, лишь изредка до ушей фрау Бергер доносились его мерные шаги и взволнованный голос, читавший нараспев русские стихи.

Иногда он уезжал к Финскому заливу и подолгу бродил по пустынному берегу, глядя на холодные волны.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?

Мысль, пришедшая к нему и погнавшая в дорогу, состояла в том, что сотворивший вселенную Бог, в которого он истово верил, каким-то непостижимым образом связан с ним самим. Он вдруг понял, что и в нём, и в каждом человеке живёт малая капелька Бога. И как бы ни был велик Бог, а он "перед ним – ничто", но вместе они – единое целое.

Ничто! – Но ты во мне сияешь,
Величеством твоих доброт,
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.

Теперь он не сомневался в том, что Бог, создав человека, передал ему часть своей божественной сути. Слишком уж человек отличается от других созданий природы. Во всём мире только он один осознает свое "я", во всё пытается вникнуть, исследовать, познать. Его руками преобразуется природа. Человек задуман Творцом, как связующее звено между Ним и остальным миром.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!

Державин встал и прошелся по комнате из угла в угол. Смерть... Нет ничего страшнее её! Поэту припомнился дикий, животный страх, охвативший его, когда увидел он в гробу несчастного князя Мещерского. Бренность бытия и трагическая хрупкость человеческой жизни в тот момент сотрясли всё его существо: "Зачем Бог дал нам жизнь, если конечная цель всякой жизни – смерть?". Но сейчас словно раскрылись его глаза! Словно кто-то неведомый подсказал ответ. Он вернулся к столу, взял перо и снова обратился к Богу:

Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Моё бессмертно бытиё;
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твоё!

Написав эти строки, Державин почувствовал полное изнеможение. Он погасил свечи и упал на кровать. В том, что он создал лучшее своё сочинение, сомнений не было. Ощущение абсолютного счастья переполняло его душу... Вскоре он заснул. Под утро привиделось ему, будто в глазах его снова блистает лучезарный свет. Он тотчас проснулся и увидел, что по стенам действительно бегают яркие блики света. Сомнений не было: Бог подавал ему знак!

Державин поднялся с кровати, сел за стол и задумался, подперев подбородок руками. Слезы умиления текли из его глаз. Теперь он точно знал, что его сочинение оказалось угодно Богу, и горел желанием вознести Ему благодарность за те понятия, которые Он ему внушил. Практически без помарок и исправлений Державин дописал заключительную строфу:

Неизъяснимый! Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слёзы лить.

На следующее утро Державин, щедро расплатившись с фрау Бергер, нанял в Нарве экипаж и пустился в обратный путь.

Свою оду он отнес княгине Дашковой в журнал "Собеседник любителей русского слова". Екатерина Романовна встретила Державина с искренней радостью. Благодаря его "Фелице", тиражи журнала подскочили вдвое. Она ожидала, что и новые его стихи будут написаны в том же духе: легко, изящно, остроумно. Но с первых же строк княгиня поняла, что это серьезная философская ода, без скидок на вкусы и умственные способности читателей. Склонившись над рукописью, она читала медленно и сосредоточенно, вся погрузившись в непростой смысл произведения. А Державин стоял поодаль и глядел на неё, замирая от нетерпеливого ожидания. Наконец Дашкова подняла голову, и он увидел её большие умные глаза, светящиеся неподдельным восторгом. Но пауза длилась слишком долго, казалось, княгиня не находила слов, и он не выдержал:

– Так что же, ваше сиятельство? Подойдут ли мои стихи для журнала?

– Друг мой... – промолвила наконец Дашкова. – Какая глубина! Какая мощь и страстность! Никогда не встречала ничего подобного! Вы написали оду Богу, но возвысили человека! И всё же... кое-что мне непонятно. Например, ваше толкование Троицы...

– То, что церковь называет триединством, я понимаю, как три единства метафизические, которые Бог совмещает в себе: бесконечность пространства, непрерывное течение времени и бессмертная жизнь.

Дашкова взглянула на него пристально, чуть сдвинув брови. Спросила осторожно:

– А вы случайно не пантеист?

Поэт отрицательно покачал головой и пошутил:

– "Един есть бог, един Державин"!

Но Дашкова озабоченно потерла ладонью высокий лоб.

– Ваше признание многих живых миров во Вселенной, прямое уравнивание человека и Бога... Всё это необычно и сопряжено с некоторым риском для нашего журнала. Как бы не вышло у нас разногласий с церковью...

Державин понял это, как отказ. Молча взял со стола свою рукопись и свернул в трубку. Но Дашкова, опомнившись, остановила его:

– Нет-нет, оставьте! Ваша ода будет напечатана в моём журнале! Если у кого-то возникнут вопросы, я найду, как ответить... И вот ещё что... Приглашаю вас, Гаврила Романыч, принять участие в издании первого Словаря Академии Российской... Слыхали о таком?

– Ваша светлость! Но... у меня нет профессорского звания! – вспыхнул от неожиданности Державин.

– Профессоров у нас достаточно, – улыбнулась княгиня. – Уже набрана редакция из сорока семи учёных мужей. А вот талантливые поэты – бесценная редкость. Не смущайтесь! Мы будем обращаться к вам за советом по мере надобности. Согласны?

– Это великая честь!

* * *

Ода "Бог" вышла в следующем номере "Собеседника" и имела оглушительный успех. Таким искренним, чистым и страстным было это произведение, и так напоминало оно из глубины души идущую молитву, что церковь простила Державину некоторые вольные теологические толкования. А что касается читателей, то они буквально взорвались восторгом! Среди сотен хвалебных писем он нашёл краткую поздравительную записку: "Рад за вас! Николай Звонарёв". Гавриил Романович радостно улыбнулся, вспомнив разговор в трактире с едва знакомым молодым чиновником, предсказавшим ему большое будущее...

Отныне за Державиным прочно закрепилась слава первого поэта России. Многие стихотворцы, подражая ему, стали писать о Боге. Но в сравнении с его творением их вирши казались жалкой поделкой. Императрица тоже весьма благосклонно отозвалась о его новой оде, хотя золотой табакерки на этот раз он не получил.

В те дни государыне было не до него: 8 апреля 1783 года Крым стал частью Российской империи! Основная заслуга в этом принадлежала её фавориту, Григорию Потёмкину, и последнему крымскому хану, Шахин-Гирею, который видел в союзе с Россией благо для своей страны. Ещё никто не знал, как трагично сложится судьба хана. Через четыре года Шахин-Гирей опрометчиво отправится к своим единоверцам в Османскую империю, где его казнят по приказу султана.

Но это будет потом... А ныне Россия ликовала! В честь присоединения Крыма, Тамани и Кубани Екатерина Алексеевна велела выбить памятную медаль, выкатить на площади бочки с вином и веселиться всем миром!

* * *

Державины тоже устроили пикник в тенистых рощах Царского Села. Среди гостей были супруги Капнисты и Львовы, "мармазетка" Даша Дьякова и неуклюжий баснописец Ваня Хемницер, всё ещё тайно влюблённый в жену Львова, Марию. В последнее время Иван выглядел усталым и сильно исхудал – вероятно, от любви.

Искрилось в бокалах золотистое вино, и звучали стихи; играли в фанты и в пятнашки. Державину завязали глаза и назначили "водить". После нескольких попыток ему удалось поймать одну из дам. Он держал её за талию и делал вид, что пытается угадать, кто это. На самом деле по знакомому запаху цветочных духов он сразу понял, что это Катя. Решив пошутить, он нагнулся и поцеловал её прямо в губы. Все охнули. Повязка была сброшена, и он в замешательстве увидел перед собой младшую из сестёр Дьяковых – Дашу. Хитрая девчонка надушилась теми же духами, что и его жена.

– Виноват, барышня, – пробормотал Державин.

– Просите прощения у своей Пленеры! – хихикнула она и ускакала на одной ножке, шурша накрахмаленными кружевами белых панталончиков, кокетливо выглядывающих из-под платья.

Обескураженный Державин оглянулся на Катю, но та, как ни в чем не бывало, смеялась вместе со всеми и, казалось, не придавала значения его маленькой оплошности.

Пикник продолжался, но теперь Державин не отпускал от себя жену, крепко держа её за руку. Роща оглашалась песней:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло...

В самый разгар веселья, когда они уже готовы были стремглав пуститься "в горелки", из Петербурга прискакал верховой – слуга Державина.

– Что случилось, Петруша? – голос поэта почему-то дрогнул. Тягостное предчувствие сжало сердце ледяным обручем.

– Вам письмо, ваша милость.

– Откуда?

– Из Казани.

Лицо Державина смертельно побледнело.

– Ганя! Что с тобой?! – кинулась к нему жена.

– Вскрой сама... Я не могу...

Он молча передал ей письмо. Предчувствие не обмануло его. В учтивых выражениях казанский градоначальник извещал о кончине его матушки, Фёклы Андреевны Державиной...

* * *

На другой день он отправился с женой в Казань, чтобы оплакать мать на её могиле. Чувство вины не отпускало его. Почему не поехал раньше? Ведь знал, что мать болеет... Но работа над одой захватила его настолько, что он забыл обо всём...

Смерть словно ходила за ним по пятам. Ещё одно горе постигло его в те дни. Умер Ваня Хемницер, самый молодой и скромный из их литературного кружка. Романтичный, смешной рыцарь Маши Дьяковой – жены Николая Львова... "Он был лучшим из нас! – с горечью говорил Державин Кате. – А мы шутили над ним, над его чувствами. Никто не принимал его всерьёз...". Вернувшись в Петербург, Гавриил Романович тут же стал готовиться к отъезду в Карелию.

Олонецкая и Архангельская губернии в то время составляли наместничество генерал-губернатора Тимофея Ивановича Тутолмина. Державину была доверена Олонецкая губерния, а Архангельскую возглавлял отставной полковник Ливен. Губернаторы подчинялись генерал-губернатору, а тот в свою очередь – петербургскому Сенату. Казалось, всё просто и понятно. Но, прибыв к месту назначения в город Петрозаводск с женой и домашним скарбом, Державин понял, что служить под началом Тутолмина ему будет нелегко. Дело было не только в непомерном гоноре начальника, окружившего себя безмерной роскошью, но в диком беззаконии, царившем в Петрозаводске и его окрестностях. Губерния была истощена беспрестанным взяточничеством и воровством, и наш "мурза" с татарским напором ринулся исправлять местные нравы. Он и до этого был прямолинеен и горяч, а на новой службе и вовсе перестал себя сдерживать, грубил и ругался с чиновниками и даже с самим Тутолминым. Неудивительно, что все его начинания заканчивались скандалами. Олонецкие казнокрады и их высокие начальники ненавидели нового губернатора и писали на него доносы в Петербург. А он не отставал и тоже посылал в Сенат рапорт за рапортом. Многим чиновникам приходилось увольняться с насиженных мест.

– Послушайте, Гаврила Романыч, – выговаривал ему Тутолмин, – этак вы распугаете всех моих подчинённых! С кем же мне прикажите служить, коли все разбегутся?

– Со мной, ваше превосходительство! – разводил руками Державин. – Я-то никуда не денусь, куда не наведу тут порядок.

– Нет уж, милостивый государь! Впредь извольте обо всех неурядицах докладывать лично мне и делать то, что я прикажу.

Выполнять приказы самодура Тутолмина было непросто из-за их полной бессмысленности. Однажды Державин решил замостить в Петрозаводске дороги, но наместник запретил ему самоуправство и велел озеленять город, и без того утопающий в зелени.

Дивная карельская природа – единственное, что спасало Державина от хандры. Когда он объезжал свою губернию, сердце его наполнялось восторгом. Порой, захватив с собой одного из верных ему чиновников, Александра Грибовского, Державин на лодке путешествовал по прозрачным рекам и озёрам. Катя занималась домашним хозяйством, наводила порядок в мрачноватом приземистом губернаторском доме, затеяла цветочные клумбы во дворе...

Однажды Грибовский пришёл в гости к Державиным, да не один...

– Ой, кто это?! – с умилением воскликнула Катя.

Чиновник вытащил из шапки крошечного медвежонка, не больше месяца от роду. Глазки у него ещё не вполне открылись, шёрстка была редкой и нежной.

– Мать бросила, – объяснил Грибовский. – Видно, молоко пропало, пошла еду добывать, да где-то сгинула. Там в берлоге ещё один был, да сдох, бедняга...

– И этому не выжить, – с сожалением сказал Державин. – Уж больно мал. Ему мать нужна.

Катя осторожно взяла зверёныша на руки.

– Как это – "не выжить"?! А мы-то на что? Козьим молоком попробуем выкормить! Давай возьмём его, а, Ганечка?

Она ласково гладила дрожащее тельце, прижимала к груди, пытаясь согреть, и умоляюще глядела на мужа.

– Ладно, возьмём, если хочешь, – сдался Державин. – Только хлопот с ним не оберёшься...

– Я справлюсь, – благодарно улыбнулась Катя, а из глаз почему-то скатились две крупные слезы.

И начались хлопоты! Бутылочки для молока и для воды, соски, одеяльца, грелки, "каки-писи", купания в корытце... Наверное, и медведица не смогла бы так заботиться о своём детёныше, как ухаживала за ним Катерина.

На любой писк медвежонка она вскакивала ночью и трепетно спешила к его коробке-лежанке, выстланной тёплым шерстяным одеяльцем. Назвала она его просто, без затей – Мишутка. И вскоре зверёк стал бегать по комнате, играть, ластиться к людям и отзываться на своё имя.

Прошло несколько месяцев. Мишутка подрос, бурая шерсть стала густой, когти острыми. Стало трудно держать его в доме: он погрыз всю мебель и, вообще, шалил не по-детски. Грибовский устроил ему просторный вольер в саду с лесенками и игрушками, сколотил уютный домик. Там Мишутка и жил.

Однажды мимо губернаторского дома проходил заседатель Земского суда Молчин, которому не раз доставалось от Державина за пьянство и разгильдяйство. Он увидел Мишутку, который мирно разгуливал возле дома. У зверёныша, как оказалось, имелся секретный лаз на улицу, который он подкопал под забором.

– Что, Миша? Не сладко тебе живётся? – посочувствовал Молчин. – Калачика хочешь?

Отломив кусок свежего хлеба, Молчин стал приманивать медвежонка, приговаривая:

– Пойдём со мной!

И ручной Мишутка доверчиво пошёл за человеком. Через час, хватившись своего любимца, Катя заголосила, подняв на ноги всю улицу. Кто-то видел, как Молчин повёл зверя прямо в здание Земского суда. Она побежала в суд, стала спрашивать Молчина, но тот отнекивался, и никто из чиновников не смог или не захотел рассказать ей, что произошло. Напрасно Катя требовала председателя, коим являлся старший сын Тутолмина. Всё семейство генерал-губернатора пребывало в Петербурге.

Трудно передать горе Кати, ведь Мишутка был для неё больше, чем домашний питомец. Сама того не сознавая, она изливала на него всю нежность и любовь несостоявшегося материнства.

Узнав о происшествии, Державин энергично принялся за расследование. Он выяснил, что судебные заседатели сначала забавлялись с медвежонком, но вскоре он им надоел, и они прогнали его палкой. А потом мальчишки с гиканьем и свистом гнали его по улице до самого леса.

Державин, как мог, утешал жену. Носил на руках, целовал, пытался чем-то отвлечь. Ничего не помогало. К вечеру у неё начался жар. Державин не отходил от неё, обещал купить нового медвежонка, но она тяжело вздыхала и говорила: "Другого не надо"...

Через месяц в Петрозаводск вернулось семейство Тутолминых, и Державин был вызван в резиденцию генерал-губернатора.

– Что же вы творите, Гаврила Романыч? – еле сдерживая гнев, вопрошал Тутолмин. – Медведя хотели определить председателем суда вместо моего сына? Почитайте, что о вас пишут чиновники!

Весь его стол был завален жалобами. Державин взял одну из бумаг, прочёл и невольно рассмеялся. В рапорте говорилось, что в отсутствие Тутолминых губернатор назначил председателем Земского суда бурого медведя, посадил его в председательское кресло и дал пачку деловых бумаг на подпись. Медведь макал свою когтистую лапу в чернильницу и подписывал бумаги.

– Чему вы смеётесь? Издеваться вздумали?! – бушевал генерал-губернатор. – Намекаете, что мой сын не способен разобраться в делах?! Или считаете, что медведь более него в грамоте силен?!

Державину с трудом удалось сдержать смех: Тутолмин-младший и впрямь делал в документах чудовищные ошибки. Происшествие он воспринимал, как забавный анекдот, и удивлялся, до какой нелепости могут дойти люди в своей лжи и клевете. Но всё оказалось не так уж смешно. Генерал-губернатор написал в Петербург жалобу, изобразив в мрачных красках случай с медведем и добавил от себя характеристику Державина, как неуживчивого и не способного к делам чиновника.

В Сенате над письмом посмеялись. Всем было известно, что за год службы Державин открыл в Петрозаводске больницу, замостил дороги, установил таможенную на границе с Лапландией, искоренил дикий обычай самосожжения среди раскольников, навёл порядок в казне... И это была лишь малая толика того, что он собирался, но не успел сделать. Его благие начинания захлебнулись в бесконечных тяжбах и ссорах с чиновниками.

Сенаторы всё отлично понимали, но, видя категорическое нежелание влиятельного заместителя Тутолмина терпеть возле себя строптивного губернатора, были вынуждены известить императрицу о неподобающем поведении Державина. Та, недолго думая, предложила ему подать прошение об отставке.

Через месяц супруги выехали в Петербург. Стояла ранняя осень, было тепло, они ехали в открытом экипаже, меж хвойных лесов и голубых озер, красотой своей навеки покоривших сердце поэта.

– Ганя, гляди! – вдруг воскликнула Катя, оторвав его от невесёлых мыслей.

Он вздрогнул. Неподдалёку от дороги, на берегу озера среди молодых стройных елей стоял не большой бурый медведь и пристально глядел на их коляску. Привстав с сидения, Катя стала махать ему рукой:

– Мишутка! Мишутка!

– Ну, что ты... Это не он, – возразил Державин. – Откуда ему взяться? Мы не меньше тридцати вёрст проехали!

– Это он! Я знаю, чувствую... Ох, Ганя, вели кучеру остановиться!

Но лошади, почуяв зверя, понеслись еще быстрее. Державин обнял плачущую жену.

– Сядь, Пленира, и успокойся. Пойми, мы не можем взять Мишутку в Петербург. Куда мы его денем? А здесь его дом... В лесу он сам – губернатор!

Отведя его руки, Катя вновь обернулась и молча, безнадежно, в последний раз глядела на Мишутку. А тот, словно прощаясь, поднялся на задние лапы и стоял так, пока их экипаж не скрылся из виду.

* * *

Прибыв в Петербург, Державин явился в Сенат и узнал, что ему надлежит тотчас ехать в Царское Село к императрице.

Через несколько часов, усталый, не зная, чего ждать – милости или опалы, он шёл мимо зеркальных прудов и античных скульптур, по аллее Екатерининского парка. Государыня приняла его в Китайском павильоне, и разговор шёл под щебетание восточных птиц, свободно порхающих с ветки на ветку.

– Ну, что, Гаврила Романыч? Не получился из вас дрессировщик? – усмехнулась Екатерина, протягивая ему руку для поцелуя.

– Не получился, ваше императорское величество, – вздохнул Державин.

– Не беда, подберу для вас новую должность.

Поэт отважился на просьбу:

– Государыня, я слышал, что в Казани ещё не утверждён губернатор. На этой земле я родился, вырос, освобождал её от Пугачева...

Он замолчал, увидев, как легкое облачко пробежало по лицу Екатерины Алексеевны.

– Друг мой, губернаторские должности – не игральные карты, чтобы их тасовать, как вам вздумается. В Казань мы найдём, кого поставить. А вас, Гаврила Романыч, назначаю тамбовским губернатором. Коль покажете себя с лучшей стороны – тогда и поговорим. Ступайте служить, голубчик, да между делом не забывайте о стихах!

Державин молча поклонился.

* * *

В Тамбове до Державина сменились пять губернаторов. Да и он там долго не задержался, хотя поначалу дела его пошли весьма успешно. Наместник Тамбовской и Рязанской губерний, генерал-губернатор Иван Васильевич Гудович, жил в Рязани и давал ему полную свободу. Державин переманил из Петербурга нескольких знакомых толковых чиновников и с их помощью стал рьяно благоустраивать грязный, утопающий в болотах город. За два года он со своей командой буквально преобразил Тамбов и другие уездные города и сёла. При нём открывались народные училища, сиротские дома и больницы, весьма улучшилось положение заключённых в местном остроге, стала работать типография, где печаталась первая в России провинциальная газета "Тамбовские ведомости". Он лично руководил составлением новой карты Тамбова – страсть к составлению географических карт сохранилась в нём с гимназических времён.

Свой губернаторский дом Державины привели в порядок. Кресла и диваны обтянули сафьяном, вместо клавесина для Кати выписали из Петербурга новый музыкальный инструмент – фортепиано, которое поэт в шутку называл "тихогромом". И зажили они на широкую ногу! Приёмы, балы, застолья, домашние спектакли... Державин делал всё, чтобы его Пленира не скучала и радовалась жизни.

– Ты ещё молода, – говорил он ей, – не то, что я... руин!

Кате недавно исполнилось 28 лет, Державину – 45. Теперь разница в возрасте была не столь заметна, как раньше. Он со своей гвардейской выправкой совсем не был похож на "руина" (старика), а Катя, хоть и сохранила свою красоту, выглядела усталой. Какая-то глубинная тоска потихоньку снедала её, оставляя след в выражении глаз. Порой на балу, в самый разгар веселья, она вдруг незаметно выходила из зала и шла в свою комнату, прилечь на минутку.

– Что с тобой? – тревожился Державин.

– Ничего... Отдохну немного, – успокаивала его она. – Иди к гостям, я – сейчас!

И действительно, она вскоре появлялась в зале, весёлая, остроумная, пленительная... Настоящая Пленира!

* * *

Державин был доволен службой, и всё у него получалось, потому что наместник Гудович его не тревожил, полностью свалив на него все дела. И жизнь им обоим, начальнику и подчинённому, была в радость... Но до поры до времени.

В ту пору жил в Тамбове купец Бородин, известный мошенник и плут, а посему Державина не любил. Впрочем, многие тамбовские купцы губернатора не жаловали. Началась эта неприязнь с того, что Державин приказал не только дворянам, но и купцам отдавать детей в основанные им училища. Чуть ли не силой он насаждал учение в тамбовском обществе, которое называл "диким тёмным лесом". Даже у себя дома он стал, вместо балов, проводить для молодых людей учёбу по математике и грамматике. Купцы учиться не любили и жаловались на него наместнику. Особенно злился Бородин. "Наш губернатор, – цедил он сквозь зубы, – строит из себя учёного, а сам едва гимназию окончил!". Это был богатейший человек в Тамбове и ближайший друг Гудовича. Державин давно подозревал его в крупных коммерческих махинациях, да всё не мог поймать с личным.

Непомерное рвение тамбовского губернатора стало Гудовича утомлять. Наместник был воином до мозга костей и в гражданские дела вникать не любил. Да и некогда ему было: благоволившая к нему императрица часто желала видеть его при дворе, к тому же он ещё инспектировал в армии кавалерию и инфантерию. И когда Державину, наконец, удалось вывести Бородина на чистую воду, Гудович неожиданно принял сторону купца. Отчитав неугомонного губернатора, он потребовал оставить в покое честного человека. Но Державин не сдавался:

– Этот "честный человек" разорил наш кирпичный завод, представив фальшивые бумаги, по которым купленная им глина значилась втрое дороже её настоящей цены!

Наместник вперил в него испепеляющий взгляд.

– Как вы смеете мне перечить! Забыли "Табель о рангах"? Или до сих пор считаете себя офицером Следственной комиссии, которому позволено совать нос в чужие дела?

Обычно сдержанный, Гудович всё сильнее распалялся. Как раз в то время у его кузины были серьёзные денежные затруднения, а купец Бородин щедро поделился с ней своей выручкой от продажи глины. "Нет, – думал Гудович, – подпускать Державина к Бородину никак нельзя: говорят, у него особый талант к расследованию подобных дел".

И он решил остановить ретивого губернатора-правдолюбца проверенным способом: завести на него судебное дело. Державиных стали травить и предавать бывшие приятели, которые недавно охотно посещали их балы и творческие вечера. Однажды на светском приёме у Гудовича, его кузина, мадам Чичерина, громко, с ехидной улыбкой спросила Катю:

– Сколько лет вы замужем, милочка?

– Скоро будет одиннадцать.

– Немалый срок! А почему у вас до сих пор нет детей?

Кате не раз приходилось отвечать на подобные вопросы. Раньше она отшучивалась тем, что ещё молода и успеет родить мужу наследника. Но сейчас такое объяснение вызвало бы смех: Чичерина моложе её на два года, а у неё трое малышей. Не найдя слов, Катя беспомощно оглянулась, ища мужа. У нее вдруг закружилась голова, лица гостей поплыли перед глазами, она неловко взмахнула рукой, ища опору, и нечаянно задела мадам Чичерину. Та стала кричать, что её ударили, и призвала всех засвидетельствовать "избиение". Подбежавший Державин подхватил Катю под руку, и они вышли из зала под глухой ропот и осуждающие взгляды.

Вскоре посыпались новые неприятности. В Тамбов нагрянули ревизоры, которые обнаружили "финансовые нарушения и самоуправство". Во всех преступлениях, совершаемых чиновниками, был

обвинён губернатор. На него составили судебный иск, который послали в Сенат, прямиком в руки князю Вяземскому. До окончания разбирательства губернатора отстранили от дел, и тамбовское общество окончательно от него отвернулось.

Державин ждал решения Сената, но началась осенняя распутица, и почта из Петербурга перестала приходить. Было тоскливо, холодно, пасмурно.

– Милый... – прижимаясь к мужу, шептала Катя. – Кто мог подумать, что люди, которым ты сделал столько добра, будут подло клеветать на тебя! Мне страшно, Ганя... Боюсь, что ты сорвёшься, всплывишь и ещё больше навредишь себе. Твои враги как будто ждут этого...

Он нежно поцеловал жену и заботливо поправил спустившуюся с её плеча пуховую шаль. Потом, глядя в окно на затяжной дождь, тихо сказал:

– Никто мне навредить не сможет. Я злобу твердостью сотру. Моих врагов червь кости сглохнет... А я пиит – и не умру.

* * *

Как только мороз сковал дороги, прибыла почта. Державин нетерпеливо перебрал пачку писем и, найдя послание из Петербурга, стал в волнении ломать печати. В нём ещё жила надежда, что милостивая Екатерина Алексеевна разберётся в его деле и не даст в обиду создателя "Фелицы". Но ничего подобного не случилось. В пакете были две бумаги: приказ императрицы об увольнении его с поста тамбовского губернатора и предписание Сената выехать в Петербург для дачи показаний по поступившим на него донесениям.

Обида хлестнула по сердцу, но он ни словом, ни жестом не выдал своего отчаяния.

* * *

Как у всякого честного человека, у Державина было много врагов. Но и друзей было немало! Весть о том, что над известным поэтом сгустились тучи, быстро облетела обе столицы. С одной стороны зашевелились недруги: вяземские, тутолмины, гудовичи, с другой – встали на защиту известные почитатели его таланта: молодые литераторы Дмитриев, Карамзин и Жуковский, герой русско-турецкой войны князь Голицын, статс-секретарь императрицы Храповицкий, набирающий силу молодой министр коллегии иностранных дел Безбородко – преемник Никиты Панина... Неожиданно за Державина вступился светлейший князь Григорий Потёмкин. Оказалось, что он совсем не обиделся на сатирические стихи в "Фелице" и часто со смехом читал их друзьям. Сильные люди умеют посмеяться над собой.

Государыня в судебный процесс по делу Державина демонстративно не вмешивалась. Не царское это дело.

Заседание состоялось 16 апреля 1789 года. После пяти часов жарких прений Державину по всем статьям был вынесен оправдательный приговор! Поэт был счастлив, но так обессилен и нервно истощён, что у него не хватило сил радоваться. Вернувшись домой, он откупорил бутылку, плеснул вина в стакан... и, не выпив, заснул за столом. Лакей Петруша заботливо доставил барина на кровать, стащил с него сапоги и укрыл одеялом.

А счастливая Катя всю ночь не могла заснуть, любуясь своим ненаглядным Ганечкой...

Глава 14. Статс-секретарь

Несмотря на то, что мудрая Фелица ничем не помогла Державину, а Потёмкин помог, отношение поэта к государыне не изменилось. Он по-прежнему обожал её, считая самой справедливой и просвещённой монархиней в истории России, и даже думал, что, наверное, это она тайно велела Потёмкину повлиять на решение суда.

Вскоре поэт был приглашён в Царскосельский дворец. В присутствии генералов, министров и вельмож Екатерина Алексеевна пожаловала Державину руку для поцелуя, а потом объявила громко, так, чтобы все слышали:

– Это мой собственный автор, которого притесняли!

И пригласила его отобедать. За столом Державин искал глазами Потёмкина, но тот уже отбыл в Молдавию, к армии. Слева от государыни сидел незнакомый молодой офицер, не старше двадцати пяти лет, с прекрасными лучистыми глазами. Вёл себя скромно, в умные беседы не вступал, но ис-

правно выполнял обязанности кавалера: то подливал Екатерине Алексеевне вино в бокал, то подвигал блюда с закусками, то подавал салфетку.

– Кто это? – тихо спросил Державин императорского статс-секретаря Храповицкого.

– Новый фаворит государыни, Платон Зубов. Редкий дуралеюшка... но славный малый!

Дворцовые интриги мало интересовали Державина. У него вдруг мелькнула мысль о том, как изменилась его жизнь. Неужели это он когда-то стоял под ветром и дождём в бесконечных караулах? А теперь он обедает за одним столом с государыней, запросто разговаривает с её придворными.

Вечером, придя домой, он написал Капнистам, живущим теперь в Малороссии, весёлое письмо, которое начиналось словами: "Дело мое закончено. Гудович – дурак, а я умен!"...

И всё-таки победа Державина казалась несколько странной. Враги не понесли никакого наказания и остались на своих местах, а он был отстранён от должности, хотя и с сохранением жалования. Лишь через несколько месяцев, вняв его многочисленным прошениям, государыня, наконец, согласилась на аудиенцию.

– С чем пожаловал, Гаврила Романыч? Чем опять недоволен?

– Ваше императорское величество! Мне ли быть недовольным, ежели я ровно ничего не делаю, а мне за это деньги платят. Не гневайтесь, государыня, да только не привык я даром есть казённый хлеб. И поэтому пришёл спросить: что я теперь такое? Виноват или не виноват? В службе или не в службе?

От таких слов Екатерина Алексеевна было нахмурилась, но передумала, смягчилась и взглянула на него с некоторым сочувствием. Белоснежной рукой указала на мягкое низкое кресло:

– Присядь, друг мой мурза... Снова пришёл о службе просить? А ну-ка, расскажи своей Фелице, с каким вердиктом ты был уволен из армии?

Державин смешался. В приказе о его отставке значилось: "По причине неспособности к военной службе".

– Ладно, не отвечай, коль не хочешь, – усмехнулась императрица. – Скажи тогда, почему повздорил с Вяземским?

– Ему не понравилась "Фелица"! – нашёлся Державин.

Екатерина Алексеевна кивнула, оценив ответ, и снова спросила:

– Зачем не поладил с Тутолминым?

– Он издавал свои законы, а я считал своим долгом исполнять ваши!

– А чем тебе не угодил Гудович?

– Ваше величество, я был несправедливо им оклеветан, и суд меня оправдал. Ежели вам угодно, я тотчас доставлю вам три тома моих исследований по злоупотреблениям самого генерал-губернатора!

– Нет-нет, – замахала руками Екатерина. – Недосуг мне копаться в твоих бумагах. Может, ты и прав, Гаврила Романыч, да только и меня пойми... В трёх местах не смог ужиться! Какую же ещё службу тебе придумать? Ступай-ка, голубчик, домой, да пиши стихи. Это у тебя лучше получается.

* * *

Целых два года Державин по его собственному выражению "болтался без службы". Но жалование получал исправно, был обласкан государыней и двором, вхож в лучшие дома и литературные салоны. Жену Державина императрица недолюбливала из-за её матери, бывшей кормилицы цесаревича Павла. А после смерти Марии Бастидон ревновала Катю к сыну, который был искренне привязан к молочной сестре...

Но не это тревожило Державина, а то, что Пленира стала часто простуживаться, особенно в осенние холода. Вызванный на дом известный эскулап не нашёл у неё никакой серьёзной болезни, советовал теплее одеваться и пребывать в полном покое. Екатерина Яковлевна стала уговаривать мужа посещать светские рауты без неё.

– Ты ведь знаешь, Ганюшка, что я не люблю дворцовые балы. Устаю от них... Мне милее наши семейные посиделки со старыми друзьями.

– В таком случае, я тоже не буду ходить во дворец.

– Что ты! Нельзя забывать о своём положении, ведь ты – известный поэт, к тому же, мой муж и кормилец!

Он смеялся, подхватывал её на руки и кружил по комнате.

За два года "творческого отпуска" он написал не слишком много стихотворений. Видно, вдохновение не зависит от свободного времени, а приходит, когда захочет. Потёмкину он посвятил оду "Победитель".

Кем твердь Очаковска взята?
Чья вера, чьи уста зывали
Нам Бога в помощь и Христа?
Чей дух, чья грудь несла монарший лик?
Потёмкин ты! С тобой, знать, Бог велик!

Стихи Державина были доставлены светлейшему князю в Бендеры. Он прочёл, улыбнулся мимоходом. В ту пору ему было не до стихов. Заканчивалась русско-турецкая война, где он одерживал победу за победой, а вот на личном фронте дела его шли из рук вон плохо. Верные друзья и тайные "доброжелатели" не раз сообщали ему о новом фаворите Екатерины. Он долго отмахивался, дескать, пустое: кто он и кто я! Но терпенье, наконец, лопнуло, и Потёмкин засобирился в Петербург: "Зуб стал беспокоить, – мрачно объяснил он своим генералам. – Поеду дергать!".

Однако, "зуб" сидел крепко и покидать своё место не торопился. Зубов обитал в лучших покоях Царскосельского и Зимнего дворцов, был осыпан милостями и подарками, любые его прихоти исполнялись мгновенно. Кроме приятной внешности, никаких других достоинств за ним не водилось. А впрочем, нет – было ещё одно: он по-звериному тонко чувствовал малейшие перемены в настроении Екатерины, знал, чем ей угодить, на каких струнах сыграть. Зубов подружился с Державиным и как-то намекнул ему, что государыня ждёт продолжения "Фелицы". Ждёт? Да пожалуйста! Державин передал фавориту красиво переплетённую рукопись стихов "Изображение Фелицы" и вскоре получил ещё одну золотую табакерку с бриллиантами. Первую он был вынужден заложить в тяжёлые дни своего губернаторства и до сих пор еще не выкупил.

А вот с одой "На взятие Измаила" вышла неувязка. Во время работы над произведением к Державину явился с гостинцами Зубов и, пустив в ход природное обаяние, уговорил поэта не упоминать в сочинении имени Потёмкина. Так, мол, будет справедливо: ведь неприступная турецкая крепость была взята под командованием Александра Васильевича Суворова! Державин опрометчиво согласился, но вскоре понял, что совершил оплошность. Прославлять одного Суворова было не совсем удобно: Потёмкин мог обидеться. И Державин, поразмыслив, не стал называть имён полководцев, а сделал героем своей оды русского солдата, "росса", сокрушившего турецкую твердыню – крепость Измаил.

В феврале 1791 года светлейший князь Потёмкин-Таврический прибыл в Петербург и предстал перед Екатериной – усталый исполин, самый талантливый и могущественный из всех её приближённых. Последнее время министры не раз нашёптывали государыне, что князь возымел силу непомерную, и что его армия, победив турок, может повернуть штыки против неё самой. По их совету, чтобы ослабить бывшего фаворита, она отослала Александра Суворова в Финляндию. Объяснила это тем, что-де надобно строить укрепления на случай войны со Швецией. А на самом деле – спровадила его подальше от Потёмкина.

– Чем обязана, друг мой? – вместо приветствия холодно спросила она, протягивая руку.

Потёмкин склонился в почтительном поцелуе.

– Тебя повидать приехал, Катишь!

Фамильярный ответ не понравился государыне.

– А на кого армию оставил? Суворов-то далече!

– На Михаила Кутузова, матушка. Храбрый воин! Про него Суворов сказал: "Командовал он левым крылом, но был моей правой рукой".

Екатерина милостиво кивнула. Она помнила Кутузова еще по началу русско-турецкой войны. Молодой полковник в бою под Алуштой получил тяжёлое ранение. Пуля, пробив левый висок, вышла у правого глаза. От таких ранений обычно умирают, но его жизнь и даже зрение спас французский врач Жан Массо. Читая донесение об этом случае, Екатерина не могла сдержать слёз и распорядилась щедро наградить врача, а раненного Кутузова отправить в Австрию на отдых и дальнейшее лечение.

В другое время такие воспоминания смягчили бы её душу. Но сейчас она безучастно слушала Потёмкина, и когда тот, расхваливая Кутузова, попросил для него орден Георгия третьей степени, ответила с усмешкой:

– Да уж как отказать, когда одноглазый за кривого просит!

* * *

В ту пору князь Потёмкин построил в Петербурге грандиозный дворец, который назвал Таврическим. Тысячи людей обставляли залы и покои: развешивали хрустальные люстры, картины, дорогие гобелены... Светлейший задумал устроить небывалый праздник в честь взятия Измаила. И в то же время решил показать бывшей возлюбленной, как он велик и могуч. Пусть увидит, на кого она его променяла. Кто завоевал Крым? Кто одержал верх над турками? Зубов? То-то же!

О генерал-аншефе Суворове он старался не вспоминать. Прославленный полководец, любимец армии не был даже приглашён на торжественный приём. За два дня до праздника он получил предписание осмотреть шведскую границу. Ничего не поделаешь... В день великого праздника должна сиять лишь одна звезда, царить один герой – светлейший князь Потёмкин!

Князь пребывал в делах, бодро и энергично отдавал последние поручения по убранству дворца, а по вечерам устраивал дружеские пирушки. Но весел не был... Какая-то неведомая тоска оставила на нём свою печать.

– Пора к армии ехать, – говорил он друзьям. – Да вот решил погулять напоследок. Устрою бал, порадою Катишь и себя.

Празднование состоялось 28 апреля 1791 года. Возле Таврического дворца с утра царило оживление. На площади были выставлены для народа столы с угощением, к общему восторгу выкатили сорокаведёрные бочки с мёдом и вином...

Вечером стали съезжаться гости – министры, боевые генералы, знатнейшие вельможи России. Прибыли цесаревич Павел с женой и их дети: четырнадцатилетний Александр и двенадцатилетний Константин. За ними подкатила карета Екатерины Алексеевны. Императрица сделала всё возможное, чтобы не привлекать к себе внимание, но народ, увидев её, стал кричать "Виват!", толпиться, и без давки всё равно не обошлось.

Не в силах унять волнение, Потёмкин ждал государыню на ступенях дворца, сверкая бриллиантами в свете масляных фонарей. Малиновый бархатный фрак как влитой сидел на его чуть погрузневшей, но ещё статной фигуре. Орлиный нос, пламенный взгляд, чарующая улыбка... При виде бывшего фаворита Екатерина безотчетно вздрогнула, но тут же успокоилась, сердце снова застучало ровно. А он, увидев, что императрица приехала одна, без Платона Зубова, возрадовался непомерно и, сбегав по ступеням, помог ей выйти из кареты. Сам оправил воланы её золотого платья, благоговейно поцеловал руку...

Таврический дворец сверкал тысячами огней. Нарядные гости расположились в ложах вокруг парадной залы, ожидая начала праздника. Екатерина, Потёмкин, Павел Петрович с супругой поднялись на подиум, увитый гирляндами оранжерейных цветов.

В этот момент громко, торжественно ударили литавры! Запели трубы! Взмыли вверх смычки!

И грянул с балкона многоголосый хор:

Гром победы раздавайся!

Веселися, храбрый Росс!

Звучала величественная патриотическая песнь на слова Гавриила Державина, написанная всего лишь несколько дней назад по заказу светлейшего князя Потёмкина. Музыка сочинили композиторы Дмитрий Бортнянский и Осип Козловский в форме торжественного полонеза, любимого танца Державина.

Поэт сидел с женой в почётной ложе, среди знатных гостей. Не замечая катившихся по щекам слёз радости, он смотрел, как в зал под звуки полонеза выходят строем двенадцать трогательно юных танцевальных пар: девочки в одинаковых небесно-голубых платьях и мальчики в синих фраках. Колонну вёл старший сын цесаревича Павла – белокурый красавец Александр. Он уверенно и элегантно двигался по паркету со своей дамой – немецкой принцессой Луизой Баденской, ставшей впоследствии Елизаветой Алексеевной, его женой. А навстречу им по диагонали выплывала розовая колонна отпрысков петербургской знати: барышни в платьях цвета утренней зари и кавалеры в вишнёвых фраках. В первой паре важно выступал младший брат Александра – курносый, похожий на отца, Константин.

Хор пел:

Воды быстрые Дуная.
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость Россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ!

Державин беззвучно подпевал, чуть шевеля губами. Тогда он ещё не знал, что полонез "Гром победы" на целых четверть века станет неофициальным гимном России. Лишь в 1816 году по желанию Александра I его сменит заунывная "Молитва русских" – калька британского гимна...

В тот день Потёмкин превзошёл себя. В каждом зале его волшебного дворца гостей ждали сюрпризы и развлечения: театральные постановки, живые картины, крепостной балет... А те, кто пожелал выйти в сад или на площадь перед дворцом, мог наслаждаться фейерверками, лицезреть потешную флотилию в искусственных озёрах, играть в народные игры... Праздник венчал ужин на тысячу персон и грандиозный бал, который длился до утра.

Екатерине удалось уйти "по-английски", не прощаясь и не привлекая к себе общего внимания. Но Потёмкин, зорко следивший за каждым её движением, проскользнул за ней в заднюю дверь и остановил у самой кареты.

– Довольна ли моя государыня? – трепетно шепнул он ей на ушко.

Та чуть отодвинулась и ответила с улыбкой:

– Спасибо, голубчик, утешил!

– Позволишь остаться подле тебя?

– Рада бы... Дела не позволяют! – и осторожно вынула руку из его тёплых ладоней.

Он печально кивнул, развёл руками:

– Ну, что ж... Поделом мне, дураку. Прощай, Катишь...

– Прощай, мой друг! И поторопись: войну кончать надобно!

После разгрома адмиралом Ушаковым турецкого флота у мыса Калиакрия исход военных действий был предопределён. 29 декабря 1791 года в Яссах был заключён мирный договор, который окончательно закрепил за Россией Крым и северные берега Чёрного моря, усилил её на Кубани, Кавказе и Балканах.

Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин скоростижно скончался на пути в Яссы, не дожив двух месяцев до подписания мира.

* * *

Когда-то, ещё в бытность олонеким губернатором, Державин, путешествуя по Карелии, увидел водопад Кивач, расположенный на реке Суне. Грандиозное зрелище! Четыре мощных потока одновременно низвергались в бездну, а из неё снизу вверх поднимался сизый туман мельчайших брызг. Державину очень хотелось написать стихотворение об этом дивном природном явлении, но бесконечные стычки с Тутолминым и его чиновниками отвлекали от творчества.

Теперь, думая о Потёмкине, он вновь вспомнил о водопаде Кивач. Чем-то они были сродни друг другу – возможно, стоической волей, бесшабашным напором. К истоку водопада часто подходили различные животные и пили кристально-чистую воду. Так и Потёмкин: будучи сам всесилен, щедро оказывал помощь множеству людей. Он был, казалось, несокрушим, но тоже познал горечь падения. Жизнь Потёмкина, подобно жизни исполинского водопада, была прекрасна, но быстротечна. Как и водопад, он мог существовать только в полёте.

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами.
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьёт вверх буграми,
От брызгов синий холм стоит
Далече рёв в лесу гремит...

Ни над одним своим произведением Державин не трудился так долго и упорно, как над одой "Водопад", добиваясь совершенства. Чтобы легче было исправлять своё сочинение, он писал, словно школьник, мелом на аспидной доске, переписывая потом на бумагу. А на другой день читал и рвал то,

что сочинил вчера. "Водопад" стал не только достойным памятником великому государственному деятелю, но и апофеозом уходящей екатерининской эпохе.

Не шёл ты средь путей известных,
Но пролагал их сам...

Это не только о Потёмкине, но и о его веке. Ода звенела музыкой времени. Властители приходили и уходили, а Россия шла своим неизведанным путём, обретала новые земли, крепла...

* * *

В ту пору Державин достиг вершины своей поэтической славы. Его стихи печатались в Петербурге и в Москве, их знала вся читающая Россия. Молодой писатель Николай Карамзин, только что вернувшийся из путешествия по Европе, открывая свой "Московский журнал", писал: "Первый наш поэт – нужно ли именовать его? – обещал украшать листы мои плодами вдохновенной своей Музы. Кто не знает певца мудрой Фелицы!".

Знакомства с "первым поэтом" искали не только литераторы, но и важные сановники, генералы, государственные мужи... Как-то на светском рауте новый канцлер Александр Безбородко оживлённо рассказывал:

– Вчера на ужине у государыни сидел рядом с Державиным. Острога ума поэт! Спрашиваю его: "Почему вы, Гаврила Романыч, не носите орденов? Смотрите: все вокруг блещут наградами!". Гости и впрямь сияли, как иконостасы. А тот, ничуть не смутившись, отвечает:

Осёл останется ослом,
Хотя осыпь его звездами:
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

Безбородко ожидал услышать смех, но вельможи только переглянулись. Кто-то спросил с вызовом:

– Неужто, Александр Андреевич, сии дерзкие вирши вы сочли проявлением высокого ума?

В великосветских кругах Безбородко называли неуклюжим увальнем и безродным хохлом, а государыня ценила его сметливый ум, талант дипломата и незаурядную память. Однажды он явился к императрице и принялся читать длинный доклад с множеством цифр, дат и фамилий.

– Оставь мне бумаги, голубчик! Сама ознакомлюсь на досуге, – остановила его Екатерина Алексеевна.

Тот, смешавшись, медлил. Императрица, почуввав неладное, подошла, взяла из рук министра доклад и принялась читать вслух:

– "Графу Остерману – 5350 рублей, барону де Корберону – 3500 рублей, мадам Перекусихиной – 4245 рублей...", – Екатерина в недоумении оторвала глаза от бумаги. – Что сие значит?!

Оказалось, это был список карточных долгов Безбородко. Краснея и запинаясь, он признался, что впопыхах не нашёл доклад и взял со стола первую попавшуюся бумагу.

Ревнивые аристократы не любили Безбородко, хотя не решались открыто идти против него, и канцлер дорожил немногими друзьями, среди которых самими верными были Державин и Зубов. Вот и сейчас молодой фаворит поспешил ему на помощь.

– А мне понравились стихи про осла! – весело заявил он. – Её императорское величество, услышав экспромт Державина, изволили усмехнуться и сблизить ладони. Тотчас и все гости стали смеяться и аплодировать, будто это их не касается! Никто не хотел признать себя ослом! Ха-ха-ха!

Слушая его, вельможи сдержанно улыбнулись. Перечить Зубову никто не стал.

* * *

С каждым днём Екатерина всё сильнее привязывалась к своему Платоше, во всём потакала и исполняла все его желания. Новый дворец? Пожалуйста! Золотую ванну, такую как в Таврическом дворце? Ради Бога! Но Зубов всё равно скучал, и она это видела и страдала. Нельзя было не признать самой себе, что прежние возлюбленные испытывали к ней, если не страсть, то хотя бы искреннюю приязнь, благодарность и преданность. А новый фаворит лишь позволял себя любить и порою вел

себя, как капризный ребёнок. Пускал бумажных змеев с колоколен, дрессировал подаренную Екатериной обезьянку...

Неторопливо прохаживаясь по анфиладе из комнаты в комнату, Екатерина Алексеевна предавалась грустным размышлениям. Неужели она так изменилась, что уже не может стать любимой и желанной? Мимолётный взгляд в зеркало подтвердил её опасения. Погрузневшая 62-летняя женщина с дряблой кожей и усталым взглядом ничем не напоминала цветущую, энергичную монархиню, что двадцать пять лет назад без ума влюбилась в молодого поручика конной гвардии Григория Потёмкина. А кажется, что всё это было вчера...

Неожиданно сзади раздались шаги. Она вздрогнула и обернулась:

– Платоша!

– Я искал тебя, Катенька...

Императрица вспыхнула и бросилась к нему в объятия. Искал! За одно это слово она готова положить к его ногам все богатства мира. Но – спокойствие! Надо держать себя в руках, Платон не любит бурных проявлений чувства.

– Что хотел, дружочек?

– Вот так сразу – "что хотел"! – рассмеялся он, сверкнув белыми зубами. – Соскучился!

У Екатерины зануло в груди от сладкого томления: "Ну и улыбка! Недаром досталась такая фамилия!", – мелькнуло в голове.

– Знаю, что скучаешь... Не сердчай, мой ангел: дела! Сходи к Храповицкому, поиграй в карты.

Или к Безбородко – поговори о политике.

– Не хочу! Надоели эти хохлы! Вот ежели бы...

– Что?

Зубов не ответил. Екатерина внезапно похолодела. Сердце ёкнуло: "Чего ещё ему в голову взбрело? Неужто, юную фрейлину себе присмотрел?". Схватила его за руку, едва не порвав кружевной манжет:

– Говори, Платон!

– Отпусти, Катерина, больно! Подружился я тут кое с кем, хотел порадеть о местечке при дворе...

– Кому?!

– Поэту нашему, Гавриилу Романовичу.

Екатерина отпустила руку Зубова и облегчённо перевела дух. Так это Державин! Слава Богу...

– Ну, что же, Катенька? – настаивал фаворит, устремив на неё голубые глаза. – Возьмёшь его или нет?

Она улыбалась и млела под его взглядом:

– Почему нет, дружочек? Возьму кабинетным статс-секретарём! Храповицкий один не справляется...

* * *

Екатерина и сама подумывала о том, чтобы приблизить к себе Державина. Устав от внутренних и внешних политических бурь, она мечтала обрести умного, преданного, но независимого в суждениях друга, с которым можно на досуге поговорить о литературе и жизни. А Платон Зубов, сблизившись с Державиным, надеялся, что поэт напишет о нём хвалебную оду, возвеличив его имя в истории.

Увы... И государыня, и её фаворит просчитались. Получив должность императорского статс-секретаря по принятию прошений, истосковавшийся по службе Державин с головой окунулся в работу и усердно исполнял свои обязанности, не отвлекаясь на посторонние дела. Теперь он писал не стихи, а резолюции на сотни жалоб и прошений, поступающих императрице, сортировал письма по важности, по частоте проблем, по сословным группам...

Ни одна мелочь не ускользала от его цепкого взора, ни одна просьба не оставалась незамеченной, какой бы пустяковой она ни казалась. Его напарник, статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий, чей стол всегда был аккуратен и девственно чист, поначалу удивился непомерному рвению коллеги, а потом стал втихомолку подбрасывать ему свои наиболее запутанные и трудоёмкие дела, чего увлечённый работой Державин даже не замечал. Он был счастлив: наконец-то ему дали дело по плечу. И в то же время дело нужное, важное... Сколько людей годами ищут справедливости в чиновничьих кабинетах! Разве он забыл, как они с матерью когда-то томились в очереди у дверей городской

управы с жалобами на самодуров-соседей? Теперь все дела можно решить за считанные минуты! А в особых случаях – напрямую обратиться к императрице, кратко объяснив ей суть дела.

И стал Гаврила Романович носить по утрам мудрой Фелице кипы бумаг... а она ждала от него стихов!

– Постой, постой, голубчик, – сетовала Екатерина Алексеевна, просматривая очередное прошение, – остынь, не всё сразу. Поумерь пыл!

– Дела мною изучены, ваше величество! Вам остается лишь начертать высочайшую подпись.

– Под этим? Да тут замешаны мои первые министры!

– Государыня, с них-то самый большой спрос! – горячился Державин. – Они ведь – столпы России! А коль они с гнильцой?

Екатерина, вздыхая, подписывала бумаги. Она еще не потеряла надежду сделать из поэта доверительного друга и приятного собеседника. Как-то раз, окончив работу, она усадила Державина в низкое креслице (любила такие) и, присев рядом, завела душевный разговор:

– Вот ты, Гаврила Романыч, всё о справедливости печешься, вельмож ругаешь, а сам-то тоже не прочь возвыситься да хорошо пожить, так ведь?

– Именно так, государыня. Но что значит – хорошая жизнь? По мне, так это не богатство, не знатность и даже не царская милость... А честная служба Отечеству!

– Ишь какой! Однако, должность кабинетного секретаря ты принял с радостью?

– Высокая должность, коей вы меня удостоили, даёт возможность принести больше пользы. А знать, что труды твои не напрасны – это ли не счастье?

Екатерина усмешливо сощурилась и проговорила, дразня:

– Сии слова не раз доводилось мне слушать! Но скажи честно: сам-то, небось, завидуешь князьям-рюриковичам? Фамилия твоя, хоть и благозвучная, да не родовитая.

Державин сдвинул угловатые брови и ответил стихами:

Я – князь, коль мой сияет дух,
Владелец – коль страстьми владею,
Болярин, коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг!

Екатерина Алексеевна выслушала молча и жестом отпустила секретаря. Задушевной беседы не получилось...

* * *

Прошло почти два года, прежде чем Державин полностью разочаровался в своей государыне. Богоподобная царица, которая в его воображении воплощала совершенную добродетель, оказывается, осыпала милостями тех, кого он бичевал в стихах! Она умело пользовалась пороками своих министров, сановников, генералов. Сознательно прощала им многие проступки и даже преступления, чтобы потом полностью подчинить себе их волю и сделать послушным орудием в управлении государством. Правдолюбец Державин был ей совершенно не нужен. Она взяла его к себе вовсе не для того, чтобы вывести на чистую воду "властителей и судей", а чтобы отдохнуть душой в лоне его поэзии. Кто мог подумать, что он так ревностно примется за дело?

Всё это Державин понял не сразу. Трудился на износ, не обращая внимания на колкости придворных, давно заметивших, что государыня не в восторге от его бурной деятельности. Безбородко уже остерегался читать вслух стихи Державина, а Зубов, так и не дождавшись от поэта хвалебной оды в свою честь, стал угрюмо сторониться его.

Меж тем жизнь Екатерины Алексеевны тоже была далеко не безмятежной. Если молодой фаворит еще терпел её, делая вид, что любит, то отношения с сыном перешли в открытую вражду. Однажды она узнала, что Павел укрепляет свой Гатчинский дворец артиллерийскими батареями, и в смятении поделилась с Державиным:

– Вот до чего дожила, Гавриил Романович... Сын от матери войсками обороняется! Что ж мне теперь делать? Ставить пушки в Царском Селе?

Он потупил глаза, перебирая бумаги.

– Чего молчишь?! – вдруг взорвалась она. – С тобой государыня разговаривает!

– Потому и молчу ваше величество, что не пристало мне, простому дворянину, судить наследника с императрицей.

Её водянистые глаза превратились в льдинки. Несколько мгновений она холодно глядела на Державина, словно хотела заморозить его своим взглядом. Потом сказала негромко, но отчетливо:

– Geh weg!*

* * *

В 1793 году Державина перевели на службу в Сенат. Чтобы слегка подсластить пилюлю, Екатерина Алексеевна пожаловала ему чин тайного советника, что по табели о рангах соответствовало генеральскому чину, и наградила орденом Святого Владимира 2-й степени. Но всё-таки он понимал, что это была почетная опала.

– Доволен, Гавриил Романович? – как-то мимоходом спросил его Зубов, одарив очаровательной улыбкой.

– Отчего же мне не быть довольным? Я начинал простым солдатом, а дослужился до генерала.

– Да уж лучше бы стихи писал! Больше бы имел и от Катерины, и от меня.

Державин усмехнулся и продекламировал:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка, вместо свисту,
А ей твердят: "Пой, птичка, пой!"

* Geh weg! – Пошёл вон! (нем.).

Глава 15. "Пленира... Где ты?"

Никто из придворных не пожалел об его уходе, кроме статс-секретаря Храповицкого, который при Державине два года бил баклуши, сваливая на него все самые сложные дела.

В Сенате Державин завоевал известность, как самый педантичный блюститель закона. Князь Александр Вяземский, с которым он когда-то враждовал и ломал копыя, к тому времени умер, и служба не доставляла никаких неприятностей. Доходы его выросли, и вскоре он построил собственный дом на Фонтанке: красивое, трёхэтажное здание, нарядное снаружи и уютное внутри. В нём часто собирались желанные гости. Именно о таком доме – весёлом, полном друзей, всегда мечтала его Пленира.

Здесь Державин решил справить свои именины – ему исполнилось пятьдесят лет. Глядя, как легко порхает по просторным комнатам его обворожительная молодая жена, украшая стены цветочными гирляндами, он тихо улыбался, неслышно шепча про себя какие-то стихи.

Вечером стали собираться гости. Пришли Львовы и Капнисты с кучей детишек, писатели Карамзин и Дмитриев, а также сенатор Пётр Лазарев, друг и сослуживец Державина, большой поклонник его творчества. Лазарев недавно овдовел и один воспитывал троих сыновей, будущих моряков...

Николаю Карамзину в ту пору было 27 лет. Его красивое умное лицо с тонкими аристократическими чертами, европейские манеры, а главное, живая, свободная речь, пересыпанная необычными новомодными словечками, представляющими собой кальку с иностранных слов, делали его неотразимым в глазах молодых людей, особенно дам. Они заслушивались его рассказами о путешествиях по Европе, называли "русским Стерном" и охотно повторяли придуманные им слова: "впечатление", "влияние", "трогательный", "влюблённость"...

В начале праздника, когда гости расселись за столом, Капнист, Львов и их жёны-сёстры, Александра и Мария, поднявшись, громко, в лад, запели: "Гром победы, раздава-а-йся!..". И все присутствующие дружно подхватили: "Веселися, храбрый россе!". Уже вся Россия, от мала до велика, знала эту патриотическую песню. Она победно звучала по городам и весям, на парадах и народных торжествах.

Пленира, сидя за фортепиано, аккомпанировала хору. И вдруг под звуки полонеза с разных сторон зала стали выходить детские танцевальные пары в розовых и голубых нарядах – точно так же, как три года назад, на открытии Таврического дворца.

Этот милый сюрприз друзья втайне подготовили к юбилею Державина. Долго репетировали с детьми, шили костюмы... И танец удался на славу! Поэт был растроган до слёз и сказал с волнением:

– О таком подарке я не мог и мечтать! Не знаю, что чувствовал светлейший, но вряд ли он был так счастлив, как я!

А потом было застолье, танцы, чтение стихов, игры в фанты и живые картины... Но сюрпризы не кончились. В разгар праздника в зале неожиданно появилась незнакомая гостья. Это была высокая красивая шатенка лет двадцати пяти с огромным букетом алых роз. Державин растерянно принял цветы, пытаясь вспомнить, кто эта дама.

– Не узнаете меня, Гаврила Романович?

Он в замешательстве покачал головой. Ему на помощь поспешили Капнист и Львов:

– Господин Державин, позвольте вам представить нашу свояченицу, Дарью Александровну Дьякову!

– Боже мой... Мармазетка?! – вырвалось у него.

Все рассмеялись.

– Именно так, – смущённо подтвердила Даша. – Та самая вредная обезьянка, которая постоянно мешала взрослым...

Державин в изумлении глядел на неё, не веря своим глазам. Потом, опомнившись, позвал жену.

– Погляди, Пленира, кто к нам пожаловал!

Екатерина Яковлевна тепло поздоровалась с гостьей и, обменявшись любезностями, спросила, не желает ли она пройтись по дому.

– Право не знаю... – неуверенно промолвила Дарья.

– Пойдёмте, пойдёмте, милочка! – Катя, смеясь, взяла красавицу за руку и решительно увела её подальше от Державина, в другую комнату.

Под конец праздника все снова собрались в большом зале, и Гавриил Романович стал читать гостям новое стихотворение, посвящённое жене:

О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поёшь.
Крылышками движешь, трепещешь
Колокольчиком в горлышке бьёшь...

Он начал бодро, но по мере чтения его охватывала странная нежданная грусть. Какое-то неосознанное предчувствие вдруг подкралось к нему, омрачив безоблачно-счастливый день именин. В горле запершило. Он закашлялся, смешался и стал просить прощения.

– Да чего уж там! – весело отозвался Лазарев. – От такой красоты и у меня бы слова застряли в глотке. Господа! Предлагаю тост за здоровье хозяйки дома – прекрасной Пленеры!

Все дружно подняли бокалы.

* * *

Через год, 15 июля 1794 года, Екатерина Яковлевна тихо и кротко скончалась в своём новом доме на Фонтанке.

Какой-то скрытый недуг давно подтачивал её здоровье... Врачи не могли поставить диагноз, терялись в догадках и предупреждали Державина, что надо готовиться к худшему. Но когда это случилось, поэт был настолько сражён горем, что друзья всерьёз опасались за его рассудок.

После похорон он велел наглухо закрыть все окна, запереть входные двери и никого не впускать... Он никого не хотел видеть и полностью погрузился в кромешный мрак отчаяния. Его тяготило чувство вины. Улетела душа, которая жила только им, только для него... А что он дал ей? Неустроенную жизнь в провинциальных городах, судебные тяжбы и вражду с начальством... И вот теперь, когда жизнь стала налаживаться, когда в доме появился достаток, а неприятности по службе остались позади, когда его дом стал местом встреч лучших людей Петербурга, она навеки ушла от него. Разум отказывался постичь случившееся. Пленира... где ты?

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной,
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной...

Шли дни, недели, а Державин не мог смириться с потерей и не понимал, зачем ещё живёт. Он почти ничего не ел, исхудал так, что стал похож на мумию, и целыми днями, пугая слуг, неслышно бродил по тёмным комнатам осиротевшего дома.

– Вы бы прилегли да поспали, барин, – однажды осмелился обратиться к нему лакей Петруша. – Глядишь, и полегчает... Не дело это – так себя изводить!

Державин послушался, опустился на диван, закрыл глаза и провалился в тяжёлый сон, словно в могильную яму... А проснувшись, увидел, что из-под дверей столовой течёт к нему белый туман и словно укутывает его. И почувствовал он, будто некий неизъяснимый дух ласкает его возле сердца. Он знал, что не спит и видит всё это наяву, однако не мог пошевелиться. А нежность, изливавшаяся на него, смягчала боль, успокаивала мысли и душу... И он, расслабленный, снова забылся сном, на этот раз спокойным, целительным...

Около полудня он окончательно проснулся. Свежий ветерок, струящийся в распахнутые окна, шевелил раздвинутые шторы, солнечные блики бегали по стенам, щекотали глаза.

– Кто открыл окна?! – хмуро спросил он и услышал знакомый голос:

– Я, мой друг! Не серчай, здесь дышать нечем и темно, хоть глаз выколи...

Это был Василий Капнист, приехавший к нему из своего имения Обуховки, где жил последнее время с семьёй.

– Да как ты ко мне попал?

– Очень просто: через дверь. Твой лакей возвращался из булочной и впустил меня.

Державин промолчал. Он вдруг ощутил голод и сам удивился, что обычные человеческие желания вернулись к нему. Словно угадав его мысли, Капнист мечтательно протянул:

– Свежие калачи Петруша принёс... Между прочим, время обедать!

– Ты пришёл напомнить мне об этом?

– И об этом тоже.

– А о чём ещё? – насторожился Державин.

– Что отпуск твой кончается, я узнавал. Не забудь, завтра на службу! – Капнист присел рядом с ним на диван и положил руку на его плечо. Помедлив, спросил: – Ты-то как? Хочешь, завтра заеду за тобой, поедем вместе в Сенат.

Державин провёл рукой по лицу и ответил тихо:

– Спасибо, сам доеду. Мне уже легче, Васенька. Ты ведь не знаешь: ко мне давеча жена приходила, утешала... И я понял, что нужно жить дальше, такова её воля... – он взглянул на испуганное лицо Капниста. – Ну, чего глаза тарачишь? Радоваться надо! Говорю тебе, Пленира навестила меня. Простила, приласкала... и отпустила.

– Гаврила Романович, ты устал, приляг...

– Молчи! Я знаю, что мы с ней ТАМ встретимся. Помнишь, стихи про ласточку? Я тогда конец не досказал:

Душа моя! Гостя ты мира:
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, –
Восстану, – и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

Слезы вдруг потоком хлынули из глаз. Он приник к плечу Капниста и горько зарыдал, впервые после кончины жены.

* * *

Державин медленно возвращался к жизни. Перестал запирать окна и двери, начал читать журналы, ходить на службу. Но на его лице лежала постоянная тень страдания. Он сделался нелюдимым, ел,

что попало, путал время суток, часто отвечал невпопад. Друзья понимали, что ему срочно нужна перемена в жизни, некая встряска, которая могла отвлечь его от тяжёлых мыслей.

Через несколько месяцев Василий Капнист и Николай Львов наперебой стали уговаривать его жениться на их молодой свояченице Даше Дьяковой: "Ведь пропадёшь, Романыч, без женской заботы!". Он и сам понимал, что не сможет жить бобылём. Но... всё-таки это невыносимо! Ему за пятьдесят, а ей...

– А ей, слава богу, двадцать седьмой годок пошёл! – словно прочитав его мысли, сообщил Львов.

– Старая дева! Но хороша... тут уж ничего не скажешь!

– Отчего же сия красавица до сих пор не замужем?

– Тебя ждёт!

Как ни сопротивлялся Державин, но верно говорят: капля камень точит. В один прекрасный день, друзья уговорили его отправиться в дом покойного обер-прокурора Алексея Афанасьевича Дьякова, в котором жила его младшая дочь Дарья. Капнист и Львов явились со своими семьями – жёнами и детьми. Нежно расцеловав младшую сестру, Александра и Мария принялись хлопотать в столовой, отдавая распоряжения слугам, а мужа увели детей в биллиардную, оставив Державина наедине с Дашей.

Высокая, тоненькая Дарья Алексеевна совсем не была похожа на маленькую уютную Плениру. Ничем она не напоминала и ту озорную девчонку-мармозетку, что когда-то путалась под ногами у взрослых. Перед ним стояла миловидная дама с большими серыми глазами и аристократическими чертами лица, строгость которых смягчал нежный округлый подбородок. Шелковистые русые волосы были зачёсаны назад и скреплены шпильками на затылке в тяжёлый узел. Державин глядел на неё и боялся заговорить, потому что она ждала от него каких-то важных слов, а он не был готов их произнести.

Дарья пришла ему на помощь:

– Рада видеть вас, Гавриил Романович. Сочувствую вашему неутешному горю... Но, поверьте, жизнь продолжается! Ваши стихи нужны Отечеству...

Он жестом прервал её:

– Вы уж простите меня, Дарья Алексеевна, но будем говорить без предисловий. Так легче... Сёстры, наверное, вам сказали, что я пришёл просить вашей руки?

– А разве это не так? – растерялась она.

– Именно так. Я прошу вас стать моей женой! Но прежде, чем вы дадите ответ, мне надо предупредить вас...

Она вдруг сделала шаг навстречу и поднесла ладонь к его губам.

– Молчите! Я понимаю, что не любовь, а величайшее несчастье привело вас ко мне. Вы – один из тех, кто любит только раз в жизни! И я никогда не смогу заменить вам Плениру. Именно это вы хотели сказать, не так ли?

Растроганный Державин обнял её тонкий стан, привлёк к себе.

– Дашенька... Пленира – на небесах, а мой земной путь ещё не окончен. И его остаток я прошу тебя пройти вместе со мной.

Слёзы переполнили глаза Даши и покатались по щекам. Всхлипнув, она спрятала мокрое лицо на его груди.

– Что же ты плачешь? – тихо спросил Державин. – Ответь, согласна или... нет?

– Конечно, да! – воскликнула она. – Тысячу раз – да! Гаврила Романович... Вы – лучший человек на земле... Клянусь, я буду вам хорошей женой!

* * *

Гавриил Державин и Дарья Дьякова обвенчались 31 января 1795 года. Пышной свадьбы не было. В глубине души Державин чувствовал вину, что так быстро нарушил траур по Кате, но жить один больше не мог: чувствовал себя камнем, брошенным в омут. С новой женой он не только обрёл душевный покой, заботу и ласку, но и породнился с друзьями. Теперь три друга-поэта были женаты на трёх сестрах. Завистники втихомолку осуждали его за скоропалительный брак, но почитатели радовались, что, наконец, кончилось его добровольное затворничество, что стал он появляться в свете, писать стихи.

К Дарье он был внимателен, баловал подарками, даже поэтическое имя ей придумал: Милена! Но так и не смог полюбить её той пылкой, всепоглощающей любовью, какой любил свою первую жену. То ли постарел и с годами стал слишком холоден, а может, и впрямь был прирождённым однолюбом? Поначалу он надеялся, что Милена подарит ему детей, но и второй его брак тоже оказался бесплодным...

* * *

Между тем, государыня вспомнила, наконец, о своём великом полководце. Ранее она не жаловала Александра Васильевича Суворова, считая его строптивым чудаком, который этим и обрёл чрезвычайную популярность в войсках. Но после польского похода, в котором Суворов одержал важную для неё победу над восставшей армией Костюшко, отношение Екатерины к опальному генералу переменилось. Пусть Европа возмущается жестокими методами "русского варвара"... Победителей не судят! Суворова нужно поскорее приблизить к себе, пока на него не обратил внимания цесаревич Павел...

Разгромив польское восстание, генерал-аншеф Суворов отправил Екатерине депешу, в которой значились только три слова: "Ура! Варшава наша!". Государыня ответила столь же лаконично: "Ура! Фельдмаршал Суворов!".

* * *

На гребне славы, в новом воинском чине, Александр Васильевич триумфально возвращается в Петербург, где его ждут слава, награды и ордена. Словно стараясь загладить обиду, нанесённую полководцу после взятия Измаила, Екатерина жалуёт ему алмазный бант к треуголке, именные Кобринский Ключ в Белоруссии, осыпает милостями и сажает подле себя на званных обедах, не обращая внимания на кислую физиономию Зубова. Как признание заслуг нового фельдмаршала, следует распоряжение императрицы поселить его в Таврическом дворце – том самом, куда его "забыли" пригласить на празднование победы над Турцией...

Поздно вечером, войдя во дворец, усталый Суворов попросил отвести его в спальню. Увидев огромную кровать с пуховыми перинами, под балдахин из фламандских кружев, он поморщился и велел постелить в углу соломенный тюфяк.

– Так мне привычнее, братцы, – пояснил он ошарашенным лакеям. – И сюда же письменный стол принесите. Люблю, когда всё под рукой...

Суворов не обольщался милостями государыни. В ту пору ему стукнуло шестьдесят пять, и жизнь научила его надеяться только на себя и господу Бога. Придворные не любили его за острый язык и "шутовство". Но с друзьями он был другим – простым и нежным. Вскоре после приезда в Петербург он осведомился о Державине и прислал ему приглашение на завтрак. Хотя Суворов читал в основном по-французски и по-немецки, слава первого поэта России докатилась и до великого полководца. Он невольно думал: "Неужели это тот самый молодой поручик, что когда-то носился по киргиз-кайсацким степям во время пугачёвской войны?".

Прошло около двадцати лет с их последней встречи, но Суворов сразу узнал гвардейца. А тот, войдя в его комнату, вытянулся и замер перед ним, как перед старшим по званию и возрасту. Фельдмаршал раскрыл объятия и бросился к нему, не в силах сдержать неожиданно навернувшихся слез.

– Помилуй Бог! Гвардии Державин! Не чаял, что доведётся встретиться!

Державин и сам был растроган. Он чувствовал вину, что в своих стихах не прославил по достоинству военный гений Суворова, и сейчас боялся холодности и неудобных вопросов... Но фельдмаршал ни единым словом не упрекнул поэта, велел принести завтрак и бутылку бургундского, а потом, смахнув бумаги со стола, усадил дорогого гостя подле себя. Они сдвинули бокалы за Отчизну, поэзию и боевое братство. Как водится, беседа оживилась, Державин стал расспрашивать про Измаил.

– Риск был велик, – признался Суворов. – До меня крепость пытались взять Николай Репнин, Иван Гудович, Павел Потёмкин... И отступали бесславно. Когда Григорий Александрович поручил мне сию баталию, я велел построить деревянные макеты укреплений Измаила и шесть дней лично учил солдат засыпать рвы, ставить лестницы, карабкаться на стены, колоть и рубить чучела противника. На седьмой день отправил письмо коменданту крепости Мехмет-паше: "Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление – и воля. Первый мой выстрел – уже неволя. Штурм – смерть".

– И что же комендант?

– Ответил так, как должно отвечать воину: "Скорее Дунай потечёт вспять, и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил!".

– Турецкий паша оказался чрезмерно хвастлив... – усмехнулся Державин.

– После штурма многие так и говорили. Но до штурма то же самое можно было сказать обо мне. Ведь в крепости не было ни одного изъяна, ни одного слабого места. Представляю, как мои дерзкие слова удивили пашу. Но на войне всегда так: кто удивил, тот и победил!

Ясность и точность речи Суворова поражали Державина. Вот чего не хватало поэтам, в том числе и ему, чьи стихи грешили многословием и велеречивостью. А Суворов выражал свои мысли кратко и незатейливо, в них был спрессован многолетний боевой опыт, знание человеческой природы и солдатской жизни: "Дело мастера боится". "Стоянием города не берут". "Тяжело в учении – легко в походе". "Пуля – дура, штык – молодец". "Сам погибай, а товарища выручай". "В кабинете – врут, а в поле – бьют"...

Державин попросил позволения записать некоторые из афоризмов Суворова, но в это время вошёл лакей и доложил, что карета вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана прибыла к парадному подъезду. Граф просит принять его.

Суворов выглянул в окно.

– Как же не принять такого важного человека! – воскликнул он и, подмигнув Державину, выбежал без плаща, в одном мундире на заснеженное крыльцо.

Слуги Остермана поспешили открыть карету, но не успел гость привстать, как Суворов покошачьи легко запрыгнул на сидение и, устроившись рядом, изо всех сил затряс руку растерянного вице-канцлера.

– Весьма рад! Искренне польщён, ваша светлость! Благодарю за посещение! Вы торопитесь? Ну что же... Счастливого пути! – и, не дав растерянному графу опомниться, выскочил из кареты на снег. Помахал рукой и, ёжась от холода, побежал во дворец.

Ошарашенному Остерману ничего не оставалось, как тронуться в обратный путь.

– Этот контрвизит – самый скорый и взаимно неотяготительный! – весело сообщил румяный с мороза Суворов, наливая Державину и себе ароматное французское вино. – Прежде граф не удостаивал меня и взглядом. А теперь опомнился! Ладно, Бог с ним. Так что вы, Гаврила Романыч, хотели записать?

– Ваши меткие изречения. И, кроме того, я бы хотел собрать воедино ваши взгляды на войну, новые методы ведения боя. Это было бы неоценимым пособием для всех, кто занят военным делом...

Он замолчал, потому что Суворов жестом остановил его.

– Ничего не нужно записывать, друг мой... Должен признаться, что заканчиваю рукопись книги, где собран мой опыт ведения баталий, который хотел бы передать потомкам. Там мои инструкции молодым офицерам, моё понимание русского солдата...

– Вот так новость! Какой бесценный подарок для России! – радостно воскликнул Державин. – Обещайте, что подарите мне вашу книгу! Как она будет называться?

– "Наука побеждать".

– Превосходно!

Суворов был явно польщён:

– Вы находите? Я долго мучился, как назвать... Верно ли, что для писателя самое трудное – придумать название для своей книги?

– И ещё – эпитафию на своем надгробии, – пошутил Державин.

Весёлые глаза Суворова вдруг затуманились, он задумчиво откинулся на спинку кресла и спросил серьёзно:

– А что бы вы написали на моей могиле, Гаврила Романыч?

Державин смешался, но понял, что отшучиваться нельзя. Он открыто взглянул в лицо старого полководца и сказал:

– "Здесь лежит Суворов".

Полководец всплеснул руками, придя в восторг:

– Помилуй Бог, как хорошо! Так и укажу в завещании!

* * *

Войдя в дом Державина молодой хозяйкой, Милена, то бишь, Дарья Алексеевна, старалась сделать всё, чтобы муж забыл о покойной жене. Сменила обои, по-иному расставила мебель, даже вышитые Катей подушки заменила на новые, итальянские. Гавриил Романович не перечил, понимая, что

Даша заслуживает своего женского счастья, но всё-таки призрак Пленеры постоянно витал между ними. Бывало, забывшись, Державин машинально чертил мелом на аспидной доске вензель покойной жены или в рассеянии называл Милену Пленерой...

Даша понимала, что их образ жизни необходимо как можно скорей изменить. Решительно и немедленно! Она напряженно размышляла, что бы такое предпринять, и, наконец, придумала...

С согласия сестёр заложила отцовский дом и купила деревеньку в Белоруссии с мелодичным именем Званка. Там с помощью свояка, Николая Львова, талантливого архитектора, был возведён двухэтажный особняк с бельведером, портиками и колоннами, а вокруг разбит парк с фонтаном, беседками, прудами и скульптурами античных героев... Старшая сестра Даши, Александра, обставила дом модной мебелью, которую Капнисты купили в качестве свадебного подарка "молодым".

Державин ничего об этом не знал и удивился, когда в годовщину свадьбы Даша предложила ему совершить путешествие в Белоруссию. Лишних вопросов поэт задавать не стал: он был лёгок на подъём, любил перемену мест, и к тому же ему хотелось угодить жене. Отправились в путь целым обозом: Державины, Львовы, Капнисты, с чадами и домочадцами...

Три тройки лихо неслись по укатанному снегу зимней дороги мимо верстовых столбов, заиндевелвших сосен и берёз... Стояла звенящая тишина, нарушаемая только лёгким треньканьем колокольчиков на дуге коренной лошади. Неподалеку от Новгорода, на берегу Волхова затерялась небольшая деревня, утопающая в сугробах, а на холме, посреди заснеженного парка, в лучах зимнего солнца красовался высокий барский дом, словно сошедший с полотна неведомого живописца.

– Что это за местечко, Дашенька? – спросил Державин, когда тройки свернули на еловую аллею, ведущую к парадному подъезду. Но Даша только загадочно улыбнулась.

Когда санный поезд остановился, все три семейства вышли на площадку перед домом и направились к portalу, любуясь изящной архитектурой.

– Может быть, кто-нибудь объяснит мне, где мы находимся? – обратился к друзьям Державин. – Чей это дом? Твой, Николай? Или Васи?

Тянуть далее было нельзя. Обняв мужа, Дарья Алексеевна вручила ему серебряные ключи, перевязанные алой лентой.

– Добро пожаловать в Званку, мой дорогой супруг! Это наше имение!

И тут все кинулись обнимать и поздравлять ошарашенного Державина, кричать "ура", откупорили шампанское, привезённое по этому случаю из Петербурга, слуги суетились, распаковывая коробки и подавая бокалы... А дети совали Державину в руки рыжего котёнка, который по традиции должен был первым войти в дом.

Слёзы благодарности навернулись на глаза поэта. Усталое сердце радостно затрепетало. Он стоял на пороге своего нового дома, окружённый любящими людьми, и впервые после долгих месяцев скорби почувствовал, что ещё хочет жить.

* * *

Вернувшись в Петербург, умиротворённый, полный радостных впечатлений и надежд, Державин неожиданно для самого себя написал одно из лучших своих стихотворений.

Однажды, роясь в книгах, он наткнулся на оду Горация "К Мельпомене" в переводе Ломоносова:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди...

Державину захотелось узнать, как звучат эти стихи в подлиннике, он разыскал томик Горация и снова погрузился в чтение. Латинским языком он сносно владел ещё со времён Казанской гимназии и в последнее время постоянно совершенствовал свои познания.

Его поразило, с каким достоинством римский поэт заявлял о своём предназначении. Перевод Ломоносова был очень близок к оригиналу, но Державину он почему-то не понравился. Стихи были насыщены античными словами, непривычными для русского уха, и кроме того, главная идея оды Горация показалась ему мелкой. По мнению Державина, не красота песнопений являлась мерилем ценности поэта, а польза, которую он принёс Отечеству своими стихами.

И, повинувшись некой высшей силе, которая в минуты вдохновения водила его пером, Державин написал не перевод, и даже не парафраз, а собственное стихотворение, лишь отдалённо перекликающееся с античной одой.

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид...
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! – весь я не умру, но часть моя большая
От тлена убежав, по смерти будет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить...

Гораций ставил себе в заслугу высокое мастерство, а для Державина превыше всего был гражданский долг: то, что мог он "в сердечной простоте беседовать о Боге и истину царям с улыбкой говорить".

Он назвал свое стихотворение "Памятник". Большинство литераторов посчитали его нескромным, и лишь немногие поняли, что Державин имел в виду не лично себя, а образ поэта. Нападки критиков не на шутку расстроили Державина. Конечно, он не мог знать, что через несколько десятков лет идею его "Памятника" поддержит и разовьёт в своём стихотворении солнечный гений русской поэзии, ещё не родившийся в ту пору...

Возраст и усталость всё чаще напоминали о себе. Державин объявил Даше, что собирается выйти в отставку и остаток дней провести в Званке. Довольно отдано сил государственной службе! В тиши благословенной природы он будет писать стихи, заниматься хозяйством, принимать дорогих гостей. Даша горячо одобрила его решение... Но судьба распорядилась иначе.

* * *

Утром 6 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина Алексеевна, и на трон сел её сын Павел. Наступил иной век, а с ним иная жизнь. Поэзия и просвещение вышли из моды, повсюду загремели шпоры, ботфорты, замельтешили мундиры... Всё изменилось, даже одежда: было запрещено носить круглые шляпы, фраки, жилеты. С непокорных их попросту срывала полиция. Через месяц после похорон государыни Державин был призван во дворец. На лестнице и в коридорах он встретил знакомых вельмож, которые при жизни государыни вели себя гордо и заносчиво, а теперь у них были одинаково потерянные лица: Павел удалял от себя всех, кого жаловала покойная императрица. В числе первых был изгнан Платон Зубов.

Поэт ещё хранил в душе тёплые воспоминания о том, как он с Пленирой и её матерью однажды посетили цесаревича в Гатчинском дворце. Но нынче в Зимнем его принял, казалось, совсем другой человек. Поначалу беседа шла непринуждённо. Павел предложил Державину место правителя Верховного Совета министров. Потом оказалось, что он имел в виду всего лишь должность начальника канцелярии при Верховном Совете. Скрыв разочарование, Державин попросил государя выдать ему служебные инструкции.

– Какие ещё тебе инструкции?! – вспыхнул Павел Петрович. – Будешь делать то, что и генерал Самойлов при маман.

– Ваше императорское величество, – спокойно ответил Державин, – помнится, когда я служил кабинетным секретарем вашей матушки, Самойлов ровно ничего не делал. Так что вы правы: никакие инструкции мне не нужны.

Бесцветные глаза Павла налились кровью от гнева. Он подбежал к двери и, раскрыв её нараспашку, крикнул Державину:

– Не желаешь служить – отправляйся обратно в Сенат! И сиди там смирно! Не то я тебя проучу!

Стоявшие возле двери генералы и высокие сановники замерли от ужаса. А Державин, окинув взором их трясущиеся физиономии, громко произнёс, указав на государя:

– Ждите! Будет от этого... толк!

После чего решительно покинул дворец.

Даша не на шутку перепугалась, когда муж рассказал ей о том, что случилось во дворце. Несколько дней прошло в ожидании царского возмездия. К счастью, никаких неприятностей не последовало: Державин был слишком заметной фигурой, и не только в России. Его ода "Бог" была переведена

на многие языки мира. Сказывали, что китайский император велел вышить её шёлком и повесить над своей кроватью.

* * *

Уходил XVIII век... В 1800 году, совершив великие швейцарские походы, умер генералиссимус Александр Васильевич Суворов. На его могильной плите была выбита краткая эпитафия, которую ему когда-то сочинил Державин: "Здесь лежит Суворов".

Потрясённый поэт наконец отдал долг, многие годы лежавший камнем на его совести: написал оду, посвящённую памяти военного гения. Назвал он её просто – "Снегирь". Почему снегирь, а не орёл или, скажем, Марс? Державин долго искал образ, который передал бы неповторимые черты полководца. Однажды после прогулки он зашёл в свой кабинет, где его встретил ручной снегирь, которого выучили насвистывать первое колено военного марша. "Бог мой, как они похожи! – вдруг выстрелило в голове. – Такой же независимый и шустрый! Высокий голос, красный мундир! Храбрая маленькая птичка, не боящаяся ни морозов, ни снежных бурь – за это её и любит народ". И Суворов тоже был неприхотлив и отважен, делил с солдатами все тяготы военной жизни...

Кто теперь вождь наш, кто богатырь?
Сильный где храбрый, быстрый Суворов?

Когда был найден образ, нашлись и слова, те, единственные, которые он мог и хотел сказать своему старшему другу...

* * *

Император Павел Петрович ненадолго задержался на троне. В 1801 году, повторив судьбу своего отца, он погиб в собственной опочивальне от рук заговорщиков. Государь получил удар в висок золотой табакеркой, а потом его задушили офицерским шарфом. Причиной смерти был объявлен апоплексический удар, и тут же появилась мрачная шутка: "Павел Петрович скончался от апоплексического удара в висок!".

В кулуарах шептались, что нити заговора тянутся в Англию, и что к убийству также причастен сын императора, Александр Павлович. Доказать это было невозможно, но вид дрожащего от страха наследника говорил сам за себя. Никто из придворных не пролил ни одной слезы, напротив, все поздравляли друг друга. По такому случаю был даже устроен фейерверк, на который петербуржцы явились во фраках, жилетах и прочих запрещённых нарядах. Тирана больше нет!

Даже обычно сдержанный во всем, что касалось смерти, Державин написал о почившем царе отнюдь не скорбные строки:

Умолк рёв Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взгляд.

Князь Норд (Север) – это был псевдоним цесаревича, под которым он в молодости инкогнито путешествовал по Европе. Спустя два столетия историки изменят мнение о Павле I и назовут его самым оболганным императором России, но в то время насильственная смерть Павла не вызвала сочувствия ни при дворе, ни в народе.

Один лишь Александр Павлович непрерывно рыдал и молился, пока, наконец, потерявший терпение царевича граф Пален не потрянул его бесцеремонно за плечо:

– Довольно ребячиться! Ступайте царствовать!

Молодой государь вытер слезы и вышел на балкон к ликующему народу. Все смолкли. "Ваше величество, – шептал ему Пален, – скажете им что-нибудь... Не молчите! Ну, хоть рукой помашите, чёрт... простите, сорвалось!" Александр послушно поднял вялую руку и произнёс самую короткую в истории инаугурационную речь:

– Всё будет, как при бабушке!

* * *

Но прошлое не возвращается... И жизнь, "как при бабушке", не получилась. Поначалу Державину казалось, что новый монарх, наконец, оценил его многолетний опыт государственной деятельности: его назначили министром юстиции – так высоко он ещё не взлетал! Гаврила Романович тут же

ринулся на борьбу с беззаконием, перессорился с чиновниками своего министерства и замучил императора рапортами и предложениями по реформированию российской юриспруденции. Государь был вынужден спросить, не пора ли великому поэту отдохнуть от тяжких трудов? Быть может, занимаясь стихотворчеством, он мог бы принести Отечеству больше пользы?

– Ваше величество, в чём я провинился? – напрямую спросил Державин и услышал холодный ответ:

– Слишком ревностно ты служишь!

Не сказав ни слова в оправдание, Гавриил Романович уехал в Званку и стал жить там с женой почти безвыездно.

Сбылась его мечта: уютный просторный дом наполнили детские голоса. После смерти своего сослуживца, Петра Лазарева, Державин воспитывал троих его сыновей, юных гардемарин, один из которых, Михаил, впоследствии стал открывателем Антарктиды. Когда неожиданно во цвете лет ушли из жизни Мария и Николай Львовы, Державин оформил попечительство над своими осиротевшими племянницами – Лизой, Верой и Прасковьей. Московский кузен Иван Блудов, снова попавшись на шулерстве, не избежал острога. А с Митей Неклюдовым и его женой Ниной Державину так и не довелось встретиться...

Званка ласково приняла стареющего поэта. Здесь, среди зелёных дубрав, на берегу реки Волхов, окружённый любящими людьми, он весь отдался любимому делу – сочинению стихов.

– Дядя, – взбираясь к нему на колени с книжкой, щебетала его любимица, маленькая Прасковья, – у вас тут слово непонятное...

– Какое, Пашенька?

– Да, вот! – её крошечный пальчик уперся в строчку, и она прочитала по складам: "ро-ди-на".

Державин тоже взглянул и улыбнулся. Это было стихотворение "Арфа", которое он написал года три назад, слушая игру Милены. Арфа неожиданно навеяла ему воспоминания о детстве, о родной Казани, и появились стихи:

Как весело внимать, когда с тобой она

Поёт про родину, отечество драгое...

– Родина – это родная страна. То же, что и отчизна, отечество...

– Очень хорошее слово, – серьёзно сказала Паша.

Державин поцеловал её душистую макушку. Он, конечно, не мог знать, что придуманное им слово "родина" станет для русского языка таким необходимым и привычным, словно оно существовало всегда. Его будут произносить чаще, чем "отечество", и никому даже в голову не придёт, что до Державина его не было.

Между тем, над его Родиной нависла опасность: 12 июня 1812 года полчища Наполеона двинулись на Россию...

Легко покоривший полмира "маленький капрал", как его любовно называла французская Старая гвардия, предвкушал скорую победу над "колоссом на глиняных ногах". Но, к его неподдельному изумлению, презираемая им страна снегов и рабов, грязных лапотников и мягкотелых либералов, воров и взяточников, тупых генералов и жирных вельмож, – вдруг разом объединилась в патриотическом порыве и грудью встала на свою защиту! Страна, армия которой состояла из неграмотных крепостных крестьян, мечтавших, как он полагал, только об одном – поскорее сдаться и вернуться домой к сохе, неожиданно стала вести изнуряющую затяжную войну: выматывала его легионы, заманивая в глубь необозримых просторов, искусно маневрировала, уходя от генерального сражения. Да, всё непонятно, тревожно... Что будет дальше?

Узнав о начале войны, Державин достал свой старый, слегка потраченный молью военный мундир и, натянув, с удовлетворением увидел, что он ему как раз впору. Кликнув кучера, велел закладывать лошадей и тотчас отправился к новгородскому губернатору Павлу Сумарокову – родному племяннику покойного поэта Александра Сумарокова. В отличие от знаменитого дяди, губернатор стихов не писал, но перед стихотворцами всегда испытывал неподдельный пиетет. Увидев Державина, он вскочил, всплеснул руками, стал суетиться, искать глазами приличное кресло, и, не найдя достойного, попытался усадить в свое собственное.

– Нет, уж увольте, Павел Петрович! Губернаторским креслом вы меня не соблазните. Натерпелся! – усмехнулся Державин. – Я к вам по делу, как отставной гвардейский офицер. Чем могу быть поле-

зен? Возможно, вам понадобится моя помощь в фортификации, в организации ополчения, в заготовках продовольствия и фуража?

– Ваше превосходительство! Искренне ценю ваш военный опыт, но разве я посмею отягощать вас поручениями? И хотя вам без сомнения пристал военный мундир, вы давно не гвардейский поручик, а действительный тайный советник и великий поэт! К тому же, простите, тяжеленько вам будет разбегать по деревням в поисках фуража. Вам, поди, уж семьдесят?

– Шестьдесят девять, – возразил Державин. – Но дело не в этом. Говорите прямо, в чём нуждаетесь?

Сумароков долго тянул паузу, потом признался, что получил предписание от военного министра выполнить всё, о чем говорил Державин, но столкнулся с некоторыми затруднениями...

– Народ у меня есть, и советников предостаточно, – вздохнул он, – а вот денег в казне маловато. Сам не ведаю, как управлюсь...

– Сколько нужно?

Губернатор, робея, назвал сумму. Державин ответил невозмутимо:

– Господин губернатор! К вечеру деньги будут вам доставлены. Монетами и ассигнациями... А коль не хватит, то и золотыми безделушками. Дарили мне кое-что правители наши за то, что стихи складно кропал... Разрешите удалиться?

Ошарашенный Сумароков облизнул пересохшие губы и машинально кивнул. А потом весь день пребывал в смятении: что это было? Сон или явь? Но не успело зайти солнце, как во двор губернаторской управы подкатил державинский тарантас с внушительным дубовым сундуком. Курьер из Званки огляделся по сторонам и, заметив возле дровяного сарая дюжего мужика в форме ополченца, зычно крикнул:

– Эй, братец, подсоби!

* * *

Денежной помощью Державин не ограничился. Всё время, пока сапоги супостата топтали родную землю, его кузнецы ковали пики, штыки и тесаки, крестьяне поставляли армии продовольствие и фураж, а добровольцы шли в партизанские отряды. Заботу о семьях, оставшихся без кормильца, взял на себя всё тот же неутомимый Державин.

По вечерам поэт трудился над лироэпической одой – "Гимн на прогнание французов из Отечества". Он начал её в первые дни войны, ни на миг не сомневаясь, что враг будет повержен и изгнан из России. Даже когда Наполеон вошёл в Москву, Державин писал о грядущей победе, как о чём-то бесспорном.

Он сочинял по строгим правилам классицизма, с изобилием аллегорий и старославянских слов – настоящим "высоким штилем". А как иначе можно было достойно воспеть величие подвига России, единственной страны, давшей отпор, казалось, непобедимому врагу? Ода разрасталась по мере того, как разворачивались военные действия: оборонительные бои, великое Бородинское сражение, сакральная жертва русских – пылающая Москва – и бесславное отступление французов...

В конце ноября, когда армия Наполеона была, наконец, отброшена за Неман, Державин поставил точку в своём произведении, потом долго шлифовал стихи и в начале января послал "Гимн" в Петербург, в журнал общества "Беседы любителей русского слова", учредителем которого был сам. Новая ода Державина была напечатана в середине 1813 года. Отзывы пришли восторженные, но малочисленные. Откликнулись только его сопредседатель Шишков да самые близкие друзья. Он терпеливо ждал... и дождался.

К тому времени в Москве развернули бурную деятельность поклонники творчества Николая Михайловича Карамзина, впоследствии объединившиеся в литературное общество "Арзамас", – писатели молодые, зубастые, острые на язык. Они в штыки приняли оду Державина, высмеяв её старомодный стиль. Цитировали его стихи с единственной целью: показать, как не надо писать. "Русскому литературному языку нужна реформа!" – к такому выводу пришли карамзинисты, прочитав новое произведение поэта-патриарха.

Будь Державин не так стар, он бы поспорил с задиристыми "младореформаторами". Что они понимают? Пусть сами напишут хоть одно великое произведение, а потом уж поднимают свой пороссячий визг.

Но силы, отданные необъятному произведению, были на исходе. Поэт чувствовал непреодолимую усталость и в глубине души понимал, что заслуженно потерпел крах. Он окончательно убедился в своём провале, когда получил письмо из Москвы от своего давнего почитателя, Николая Звонарёва, с одной-единственной фразой: "Так писать уже нельзя!".

Да, он прав... Наступало время новой литературы, но это уже не его время. Пусть приходят другие поэты и пишут по-новому, лучше, чем он... Измученный, опустошённый, Державин перестал сочинять стихи и целый год писал только мемуары. Но и проза не принесла ему ни успеха, ни душевного удовлетворения...

Глава 16. Наследник

В то утро занятия в классе профессора Кошанского начались чуть позже обычного. Извинившись за опоздание, раскрасневшийся Николай Фёдорович обвёл сияющими глазами своих воспитанников. Он был самым молодым преподавателем Царскосельского лицея и всегда старался оживить занятия какой-нибудь выдумкой. Лицейсты любили его за то, что он пробуждал в них стремление к творчеству. Иногда, придя на урок, профессор говорил: "А теперь, господа, будем пробовать перья...". Но на этот раз Кошанский огорчил лицеистов сюрпризом:

– Господа! Имею честь сообщить новость, которую только что узнал на педагогическом совете. Переводной экзамен по русской словесности у нас будет принимать Гавриил Романович Державин!

На миг воцарилась тишина. Потом, словно опомнившись, все заговорили разом:

– Сам Державин?!

– Разве он ещё живой?

– А он нас не срежет? Боязно как-то...

Кошанский поднял руку, требуя тишины.

– Успокойтесь, друзья мои! Державин никого "резать" не собирается. Он посетит наш Лицей с единственной целью: послушать молодых поэтов. Кого, по-вашему, можно ему представить?

– Тосю Дельвига!

– Кюхлю и Олосеньку!

– И Француза! – крикнул юный князь Горчаков, по прозвищу Франт, обернувшись к сидевшему позади Александру Пушкину.

Тот вспыхнул и отмахнулся от него обкусанным гусиным пером. Пушкину не нравилось прозвище "Француз", которым его с первых же дней наградили одноклассники-лицеисты. Разве он виноват, что в родительском доме с ним чаще говорили по-французски, чем по-русски?

– Не дуйся, mon amié*... Французский – язык дипломатии! – спокойно промолвил Горчаков. – Но для Державина тебе непременно следует сочинить русскую оду. Причём, высоким штилем!

Кошанский с сомнением покачал головой. Пушкин писал изящные, лёгкие стихи, но в "высоком штиле" юный поэт явно не преуспел...

Воспитанники обсуждали предстоящий экзамен. В Лицее уроки проходили оживлённо. Преподаватели обходились без жёсткой муштры, а ученики не позволяли себе злого озорства. Так было заведено с самого начала, с незабываемого 19 октября 1811 года, с той пламенной речи профессора филологии и права Александра Петровича Куницына, которую он произнёс в присутствии императорской семьи, почётных гостей и первых воспитанников: "Любовь к славе и отечеству должны быть вашими руководителями... Но при сих высоких добродетелях сохраните ту невинность, которая блистает на лицах ваших!".

Кошанский уважал Куницына, хотя и упрекал его за чрезмерное вольтерьянство и насаждение в Лицее идей "естественного права". А Куницын с жаром доказывал, что естественное право дано человеку от рождения, и никто не может его насаждать или отменять.

...Выждав паузу, Николай Фёдорович снова обратился к лицеистам:

– Господа, нет сомнения в том, что на экзамене свои стихи прочтёт барон Дельвиг. Слог его превосходен, он первым из лицеистов напечатался в "Вестнике Европы". Далее, я бы предложил выступить Илличевскому, Кюхельбекеру... и, пожалуй, Пушкину. Надеюсь, никто не желает оспаривать мой выбор?

Неожиданно поднял руку вертлявый Павел Мясоедов, которого лицеисты называли "Мясожоров" или просто "Мясо". Покойный директор Лицея Василий Федорович Малиновский дал ему довольно

нелестную характеристику: "Способности весьма ограничены, слабого понятия, слабой памяти, докучлив, пылок...". Лицеисты посмеивались над ним, но без зла.

– Почему в список поэтов всегда попадают одни и те же? – возмутился Мясоедов, – Я тоже хочу прочитать своё сочинение Державину! И нечего смеяться, господа! Вы не верите в мой талант?

– П-почему же? В-верим, – заикаясь, проронил долговязый Вильгельм Кюхельбекер.

Даже сидя за партой, он казался выше всех. Нелюдимый из-за тугоухости, но романтичный и ранимый Кюхля, бывало, становился мишенью для шуток и эпиграмм. Однажды первый остряк Лицея Олосенька, то бишь, Алексей Илличевский, нарисовал на него карикатуру, снабдив её надписью: "Вы знаете, что такое Бехелькюхериада? Это есть длиннейшая полоса земли, производящая торг мерзешими стихами; у неё есть провинция "Глухое Ухо"...» и т.д. Не дочитав до конца, Вильгельм выбежал из Лицея в парк и бросился в пруд. Но даже утопиться толком он не сумел: зацепился за корягу, застрял в тине, и вскоре его вытащили, мокрого, жалкого, нелепого... "Если ты ещё хоть раз позволишь себе подобные шутки, – сказал Илличевскому бледный от гнева Пушкин, – я вызову тебя на дуэль!". Олосенька дурашливо съёжился, показывая, как ему страшно, но больше к Кюхле не приставал...

Дрожа от нетерпения, Мясоедов развернул листок со стихами.

– С вашего позволения, Николай Федорович, я прочту несколько строф!

– Извольте, любопытно будет послушать...

Новоявленный поэт гордо приосанился и объявил: "Ода на восход солнца"! И начал торжественно декламировать:

– Уж с запада грядёт румяный царь природы...

По рядам лицеистов прокатился дружный хохот. Опешив, чтец замолчал, в недоумении глядя то на товарищей, то на учителя, который тоже не мог удержаться от смеха.

– Что вас так развеселило, господа?

– Друг мой, – улыбаясь, промолвил Кошанский, – дело в том, что солнце встаёт на востоке. Хотя поэтам позволительно допускать некоторые вольности, но не до такой же степени...

– А мне нравится! – иронично заявил Илличевский. – Я бы продолжил так:

Уж с запада грядёт румяный царь природы,
И удивлённые народы
Не знают, что же им начать...

Он на миг замолчал, подыскивая слова.

– Ложиться спать или вставать! – закончил строфу Пушкин.

Лицеисты снова рассмеялись и стали аплодировать экспромту. А рассудительный Иван Пуцин, по прозвищу Большой Жанно заключил, прервав общее веселье:

– Не обижайся, Мясоедов... Ты сам ответил на свой вопрос – почему тебя не включили в список стихотворцев! – он немного помедлил и решительно обратился к профессору, – Если вы хотите знать моё мнение, Николай Фёдорович, то первым нашим поэтом я считаю Пушкина!

* * *

Они подружились ещё на вступительных экзаменах. Их фамилии в списке стояли рядом, и комнаты тоже были рядом. Поначалу Пуцин расстроился, узнав, что номер его ученической кельи – 13, но худенький, похожий на арапчонка Саша Пушкин, заметив его растерянность, весело сказал:

– Если хочешь, Жанно, давай меняться. У меня – четырнадцатый!

Чтобы не прослыть трусом, Пуцин отказался наотрез, а вскоре и вовсе позабыл, что живёт под "несчастливым номером".

В крохотных комнатах лицеистов было всё необходимое: узенькая кровать, комод, бюро, столик для умывания... Через лёгкие перегородки можно было свободно, не напрягая голоса, переговариваться хоть до глубокой ночи. Пуцин был единственным соседом Пушкина, у которого с другой стороны комнаты была глухая стена.

– Жанно, ты спишь? Скажи, зачем ты назвал меня первым поэтом? Пусть перед Державиным выступают любители высоких од! А у меня нет ничего, что могло бы ему понравиться.

– Он тоже баловался забавными куплетами. Помнишь?

Если б милые девицы
Так могли летать как птицы
И садились на сучках...

Пушкин подхватил:

– Я желал бы быть сучочком
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях...

– Сам Державин доказал, что сочинять можно в любом роде поэзии! – назидательно заметил Пушкин.

– Ты прав... Но всё же он не песенками прославился, а одами: "К Фелице", "Бог", "Водопад"... Знаешь, Жанно, я хотел бы сочинить стихи столь же великие, но по-своему! Без громоздких строчек и старославянских слов, так, чтобы всем было понятно – и мудрецам, и гусарам, и поэтам, и простому люду...

– Уверен, что ты напишешь именно такие стихи!

* * *

Снег нежно хрустел под ногами. Пушкин шёл по аллее Екатерининского парка, поглядывая на заиндедевские деревянные домики, где до весны будут жить его любимые античные героини. Мысленным взором он видел их, словно наяву, – своих "белых кумиров"! Всех знал по именам, воспевал в стихах. Именно здесь, в садах Лицея, ему впервые стала являться Муза. Где ещё он мог сочинять так упоительно легко?

Здесь крепла и мужала его детская душа. Он гордился колоннами и обелисками, возведёнными в честь победы над турками: ведь это его предок, морской артиллерист Иван Ганнибал, сжёг турецкие корабли и взял крепость Наварин...

Здесь слышал он тревожные отзвуки грозы 1812 года. Мимо Лицея суровым строем шли полки на войну с Наполеоном, а лицеисты провожали их. При звуках барабана и трубы мальчишки выбегали из класса, кричали слова приветствия, молились, обнимали родных и знакомых. А вечером после занятий собирались в "журнальной комнате", читали свежие газеты, обсуждали воинские подвиги. Профессора приходили к своим воспитанникам и объясняли ход войны, разговаривая с ними, как со взрослыми, ничего не приукрашивая, ничего не скрывая. Вместе с русскими воинами лицеисты мысленно обороняли Смоленск, сражались в Бородинском бою, шли под пулями по неокрепшему льду Березины... Всё это было свежо в памяти и просилось воплотиться в стихи. И Пушкин теперь знал, о чём напишет в своей оде: об этом парке, ставшем ему родным, о славе своего Отечества, о героических сражениях прошлого и нынешнего времени.

И назовёт он своё сочинение так: "Воспоминания в Царском Селе".

* * *

Утром 8 января в актовом зале Лицея было нарядно и празднично. Паркетный пол сверкал, в огромные окна лился солнечный свет, посередине стоял длинный стол, накрытый красным сукном с золотой бахромой. Вдоль стен были расставлены кресла для почётных гостей – столичной знати, важных чиновников и генералов. Все ждали приезда Державина.

Лицеисты сбежались вниз, к парадной двери, боясь упустить любую мелочь. Пухленький близорукий Дельвиг пробрался вперёд и, потеснив долговязого Кюхлю, стал рядом с Пушкиным.

– Мне непременно надо быть поближе к Державину, – объяснил он, волнуясь. – Я решил подойти к нему и поцеловать его божественную руку, написавшую "Водопад!".

– Правую или левую? Может, он левша?

– Ты невыносим!

В этот момент входные двери распахнулись, в проём ворвался свежий морозный воздух, а вместе с ним – припорошённые снегом гости, среди которых лицеисты по многочисленным портретам узнали Гавриила Романовича Державина! Лакеи суетились возле него, обмахивая щётками снег с плисовых сапог, принимая шубу и бобровую шапку.

Державин был в старомодном екатерининском парике и в красном мундире тайного советника, увешанном орденами. Он раскланялся с министром просвещения и профессорами, а потом весело поздоровался с лицеистами, которые буквально пожирали его восхищенными глазами. "Как царя встречают! – подумал Державин. – А цари-то тоже люди, не небожители"... Он вспомнил, как однажды в молодости стоял в карауле, и к нему вдруг подошёл император Пётр Федорович, обратившись с простым естественным вопросом. Державин усмехнулся, жестом позвал швейцара и запросто спросил:

– Где тут у вас нужник, братец?

В устах "божества" этот вопрос прозвучал так простодушно, что общее напряжение и робость мгновенно пропали, всем стало легко. Когда лакеи бережно увели старика, Пушкин насмешливо спросил:

– Что же ты, Тося, не поцеловал ему руку?

– Не знал, какую – правую или левую! – парировал Дельвиг.

Лицеистов пригласили в зал, уже полностью заполненный гостями и родственниками воспитанников. Профессора заняли места за экзаменационным столом, а когда появился Державин, публика взорвалась аплодисментами, на что поэт ответил лёгким поклоном и сел на отведённое ему место, рядом с Разумовским. Устроившись в уютном кресле, старик тут же прикрыл глаза. Полковник Фролов бросил вопросительный взгляд на министра, и тот, пожав плечами, дал знак начинать экзамен.

Один за другим выходили лицеисты и читали стихи Ломоносова, Третьяковского, Сумарокова... Разумеется, звучали и творения Державина: их разбирали, цитировали, ими восхищались. Патриарх выглядел усталым, видно было, что экзамен его утомил. Затем настала очередь лицейских поэтов. Гость сразу очнулся и внимательно выслушал Дельвига, Илличевского и Кюхельбекера. Всем он дал благосклонный отзыв, глаза его оживлённо заблестели. Последним вызвали Александра Пушкина.

Он вышел на середину зала и, остановившись в двух шагах от Державина, попросил позволения начать. Поэт кивнул и оглядел хрупкую фигурку смуглого кудрявого юноши. "Арапчонок!" – мелькнуло в голове, и больше он ни о чём не успел подумать...

Ему вдруг почудилось, что в зале зазвучала музыка. В одно мгновение она наполнила всё его существо... Она опьяняла и оживляла одновременно. Музыка исходила из уст этого мальчика, читающего стихи, лучше которых Державин никогда ничего не слышал. Старческие глаза его широко раскрылись, он невольно привстал, приложив ладонь к уху, весь подавшись вперёд. Жадно ловил он каждое слово льющих к нему удивительных стихов, в которых явственно слышались отзвуки великой поэзии прошлого, но в то же время раздавался новый, неведомый голос.

Страшись, о, рать иноплеменных!
России двинулись сыны,
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем сожжены.

Весь зал, уставший от трёхчасового экзамена, словно пробудился ото сна, внимая необыкновенному отроку. А когда он смолк, воцарилась звенящая тишина. Все боялись пошевелиться...

– Я не умер! – воскликнул Державин, протягивая через стол дрожащие руки. – Вот, кто заменит меня!

Увидев слёзы восторга на его морщинистом лице, Пушкин вдруг тоже разрыдался и в волнении выбежал из зала.

– Верните его! – требовал старый поэт. – Я хочу его обнять!

– Немедленно разыскать! – приказал полковник Фролов.

– За ним уже послали, сейчас приведут! – заверили его профессора.

Но в тот день Пушкина так и не нашли. В одном мундире он убежал в зимний сад и, не чувствуя холода, бродил по дальним аллеям, пока не успокоилось его бешено стучащее сердце...

* * *

Прошёл год после незабываемого экзамена в Лицее. Державин ещё больше подряхлел, но был душевно спокоен. На закате своих дней он успел увидеть юного гения, которому мог с чистым сердцем передать лиру перед своим уходом. "Вот он, мой наследник! – с гордостью думал поэт. – Он пойдёт дальше меня"...

Хотя ода Пушкина, прочитанная на экзамене, соответствовала всем канонам классицизма, Державин знал, душой чувствовал, что этот гениальный мальчик скоро будет сочинять по-новому, совсем не так, как в минувшем XVIII веке...

"Мои стихи рано или поздно канут в забвение. Что останется от меня? Быть может, только имя..."

Смерти Державин не боялся. В своих грехах он давно уже покался и смиренно ждал конца. В эти дни он был особенно ласков с женой, называл её Миленой, а себя – Руином. Даша, смеясь, закрывала ему рот ладошкой и грозила пальцем.

Утром 8 июля 1816 года лил дождь, но после обеда распогодилось, лучи солнца пробились из-за туч. Заботливо укрытый Дашей клетчатый пледом, Державин сидел у открытого окна в любимом кресле, глядя, как ласточки высоко парят над землёй.

– К хорошей погоде! – улынулась Дарья, взглянув на небо.

Гавриил Романович вдруг встрепенулся и попросил принести аспидную доску и мелок.

Она удивилась и обрадовалась, потому что муж уже давно не сочинял стихов. Живо метнулась к письменному столу, немедленно подала всё, что он требовал, а потом на цыпочках вышла из кабинета, прикрыв дверь неплотно, чтобы услышать его колокольчик.

"Поэту следует творить, не помышляя о бессмертии, – мысленно говорил сам с собой Державин, проверяя, хорошо ли заточен мел. – Я жил в своём времени, падал и вставал в свой век. И не мне судить, чего я достоин. Есть Бог, который каждому воздаст по делам его"...

Некоторое время Державин наблюдал за полётом ласточек. Вдруг одна из них, трепеща крыльями, влетела через окно в его кабинет и, сделав круг, снова воспарила в небо.

– Пленира... – прошептал он. – Ты за мной? Потерпи, я скоро!

Устроив на коленях доску, Державин стал что-то записывать на ней мелом. То и дело стирал слова, надолго задумывался, писал снова. Время летело незаметно...

Гавриил Романович долго не звонил, увлечённый работой, а Даша не смела его беспокоить. Наконец, она робко вошла в кабинет и увидела, что Ганя тихо спит в своём любимом кресле. От его легкого дыхания чуть дрожала ниточка, распутившаяся на ленте ночного колпака, на аспидной доске были начертаны какие-то стихи. Мелок упал на пол.

Дарья осторожно взяла доску и, подойдя к освещённому вечерней зарёй окну, стала читать:

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлóm пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Сердце Даши сжалось. Ледяной тоской повеяло от этого стихотворения. Она оглянулась на спящего Державина. Ей очень хотелось разбудить его и сказать, что он не прав. Земная жизнь не исчезает бесследно, а продолжается в памяти потомков. И чем больше добрых дел совершил человек, тем дольше будут его помнить и чтить. Она ещё раз перечитала стихотворение и вдруг, осенённая догадкой, сложила вместе первые буквы каждой строки: "РУИНА ЧТИ"!

Слёзы навернулись у неё на глаза. Подойдя к мужу, она нагнулась над ним, чтобы поцеловать. И в тот миг увидела, что ниточка на его ночном колпаке уже не трепещет...

* mon amie – мой друг (фр.)

ЛЮДМИЛА ЧЕКМЕНЁВА

Ейск

"ВЕЗУНЧИК"

Рассказ

– Ты где шлялась? – знакомые до боли слова услышала Надежда, тихо войдя в прихожую. На пороге комнаты её ждал всегда раздраженный муж. До сих пор ей удавалось вернуться до его прихода, потому что она боялась его ярости, иногда вспыхивающей в нём беспричинно.

– Геня, Генечка, не нужно, – простонала она, уловив взмах поднятой мужем руки и привычно закрывая голову.

– Где была? – он не ударил ее, но, дёрнув за руку, втащил в комнату.

– В церкви, на службе. Я же тебе говорила, Генечка. Сегодня же большой праздник.

– Ха, верующая объявилась! Я же тебе запретил шляться по вечерам. Кому нужна твоя церковь? Попробуй пойти ещё раз! – закричал Геннадий, почувствовав, что запал пропал и ударить уже нет желания. – Живи пока.

– Хоть убей меня, я буду ходить в церковь, буду молиться, ничего ты не сделаешь. Подумай! У тебя сын на войне! – вдруг услышал Геннадий слова жены, произнесённые твёрдым, каким-то звенящим голосом. Он оторопел от такой наглости.

– Ты еще голос подаёшь? – зарычал он, – веришь в эту ерунду? Я сказал, что запрещаю, значит, не смей!

Геннадия бесило скорее не отсутствие жены вечером, это было даже удобно: никто не вздыхал и не плакал, когда он уходил в соседний пивбар, где его привечала пухленькая официантка Валентина, а злило то, что его покорная, безропотная жена перестала ему подчиняться. Двадцать лет эта бессловесная женщина не смела ему перечить.

Он помнил, как выбирал её в жены. С первой женой, Татьяной, ему не повезло. Они прожили всего три месяца, Татьяна постоянно требовала внимания и убегала то к подружкам, то к мамочке. А как только он попытался поставить её на место, всего-то раз "вмазав" за позднее возвращение со встречи с одноклассниками, ушла, оформив развод.

Может быть, он и не женился бы так срочно, но молодому лейтенанту предложили командировку за границу в Чехословакию, о которой мечтали многие его коллеги. А холостым такая поездка была заказана.

Когда молодой офицер в нарядной форме и фуражке с голубым околышем появился в родном хуторе, все девчонки влюбились в него. Но опытный Гена искал теперь жену, которая бы ни в чём ему не перечила. Конечно, она должна быть ещё и симпатичной. На танцах в клубе, где все девушки замирали от счастья, когда он их приглашал, он познакомился с Наташкою.

За неделю встреч она влюбилась в него и была готова на всё. Но потенциальному жениху не понравилась её доступность. Пока он решался на женитьбу, Сенька, друг и одноклассник, обратил его внимание на Надежду. Эта худенькая белокурая девушка была из большой трудолюбивой семьи. В клубе появлялась редко и стояла у стены вместе с другими такими же скромницами. Когда Геннадий пригласил её на танец, она растерялась, покраснела. На вопросы отвечала невпопад. И опытный Геннадий понял, что понравился этой скромной хуторянке.

Свадьбу сыграли быстро. В сельсовете расписали военного отпускника без проблем...

Он никогда не задумывался, была ли счастлива с ним Надежда, но его вполне устраивала её покорность. Она никогда никому не жаловалась на его нрав, хотя уже в первый месяц совместной жизни он стал поднимать руку на молодую жену. Да и кто бы понял жалобы счастливой, в понимании сельских кумушек, жены офицера, привозившей в подарок родне в отпуск хрусталь, посуду, отрезы на платье.

Так и шла жизнь хозяина-мужа и забитой тихой жены, радостью которой был сын Андрей. Надежда всё терпела и жила для единственного ребенка, который рос красивым, умным, добрым.

Страшным потрясением для бедной матери стал призыв сына в армию и отправка на войну в Чечню. Именно это испытание привело её в церковь. Молитва за воюющего сына – это была единственная возможность как-то оградить его от беды.

* * *

После доставки новобранцев к месту боевых действий Андрея определили водителем бронетранспортёра. Когда он влез в его железное нутро, напичканное оружием, боеприпасами, миноискателями и другими нужными на войне штуками, он почувствовал мощь этой железной машины и даже уверенность, что толстая броня способна защитить от гибели.

В первом столкновении они взяли раненых и дворами вместе с разведчиками их вывезли. Рядом были танк и два БТРа. Рассказывали, что погиб десантник с одного бронетранспортёра. Забежал во двор магазина перезарядить или ещё что-то, а его из окна в затылок и застрелили. Было страшно, но признаться в этом Андрей никогда бы не посмел.

Постепенно он волей-неволей стал привыкать к виду убитых и искалеченных ребят и к своей опасной службе. Часто вспоминалось ему заплаканное, сразу какое-то осунувшееся лицо матери, которая тайком от всех осенила его крестом, благословляя в нелёгкую военную дорогу. Уже тогда шли бои в Чечне, в их маленький городок привезли много ребят, которых теперь называли "грузом 200". Мать была в отчаянии, провожая единственного сына.

...В том бою продвинуться удалось всего метров на двести. Было слышно, что где-то рядом тоже идёт бой. Крики "Аллах акбар!", затем атаки, небольшое затишье, предложения сдаться – и так раз за разом. Услышали хлопок из-за забора близстоящего дома: подбили наш БМП. Путь дальше был закрыт. Наводчик вылез из башни и сразу был ранен: спрыгнув, он залёг за катками. И тут из двора дома кто-то крикнул: "Тут снайпер, прыгайте!" Денис из Ростова, с которым Андрей сдружился за время боёв, был ранен в голову. Вылез и Сергей Хрущёв, раненный в затылок. Выстрела гранатометчика ждать пришлось недолго. Он оказался точным: погиб связист, раненный ещё первым выстрелом.

Опять Андрей услышал крики: "Аллах акбар!", ваххабиты вели очень плотный огонь, попытка спрятаться под БТР оказалась безуспешной, ранили командира, был убит наводчик. Андрей видел только часть улицы с домами и другим подбитым БМП.

Когда стрельба почти прекратилась, из чуть приоткрывшихся ворот дома, из-за забора, откуда подбили машину, стали выглядывать ваххабиты, среди них были совсем молодые. Когда они вышли, Андрей сделал несколько выстрелов. Судя по тому, что следом началось, он попал в кого-то. "Всё", – внезапно подумал Андрей. Выстрела из гранатомета он уже не услышал: сознание отключилось.

С наступлением темноты прилетели вертолёты Ми-8 для эвакуации раненых. Поисковики решили ориентироваться на подбитые машины и почти сразу же наткнулись на БТР Андрея. С отчаянием лётчики вглядывались в разбросанные возле него тела.

– Здесь живых нет, – проговорил, тяжело вздохнув, бортмеханик, – потом вернёмся, заберём. Надо искать раненых, пойдём дальше.

И они направились к другим подбитым машинам.

– Стой, мне что-то послышалось, – проговорил шедший рядом спасатель. – Вернёмся?

– Времени нет, – раздражённо ответил штурман.

– А я вернусь, – решил товарищ.

Он был прав. Один из "мёртвых" тихо застонал и вдруг явственно произнес: "Мама" и снова потерял сознание.

* * *

...В военной форме, небритый, похудевший поднимался по ступенькам с детства знакомого ему подъезда стандартной пятиэтажки бывший солдат, дрожащими руками нащупывая в кармане ключ от родной двери...

В госпитале Андрея назвали "везунчик", когда узнали историю спасения. Он решил не сообщать родным о своём возвращении. Да и не знал, когда отпустят его после ранения и контузии врачи. Главное – жив. Казалось, можно только радоваться и наслаждаться этим счастьем. Но, как только отошла мучительная боль, в душе поселилась какая-то тяжесть, причин которой он не мог понять. Не дождавшись документов о выписке, с ближайшей оказией он уехал домой.

...Потихоньку открыв дверь, Андрей вошёл в прихожую. Всю дорогу он представлял, как обрадуется мама, бросится ему на шею и, скорее всего, заплачет. Но его встретил какой-то потерянный и странно тихий отец.

– Где мама? – выдохнул Андрей, предчувствуя несчастье.

Отец махнул рукой в сторону спальни.

Мать, неузнаваемая, как обтянутый кожей скелет, лежала на высоких подушках. Глаза были закрыты. Но, наверное, почувствовав, что здесь, рядом самый дорогой ей человек, она открыла в этот миг показавшиеся ярко-голубыми глаза.

– Сынок, слава Богу, дождалась, живой! – прошептала мать бледными губами, и из глаз медленно скатились прозрачные слезинки.

* * *

На похоронах матери, окаменев у раскрытой еще могилы, Андрей услышал, как кто-то прошептал ему на ухо, а, может, ему показалось:

– Отмолила тебя мать у Бога, отдала свою жизнь за твою, везунчик.

ЛЕОНИД БАРАНОВСКИЙ

Ейск

ВАЛЬКИНЫ КАНИКУЛЫ

Рассказ

Каникулы!.. Как много радости и неподдельного детского счастья в этом слове! Как здорово, что в жизни есть такое время, когда наступают каникулы. Валька тоже всегда радовался каникулам, отсутствию домашнего задания, возможности много дней не ходить в старую деревянную сельскую школу, с пацанами бегать по селу и придумывать каждый раз какие-то новые игры. Вот и сейчас, когда, наконец, наступили такие короткие осенние каникулы, чаще холодные и мозглые, чем тёплые и солнечные, он бежал из школы с соседскими ребятами и кричал: "Ура!!! Каникулы!!!", и все прохожие улыбались и тоже вспоминали своё счастливое школьное детство. Но Валька радовался вдвойне, ведь у него сегодня день рождения, и все в классе уже поздравили его, а учителя намеренно ставили ему в дневник только хорошие оценки, пусть даже что-то он и не знал, но огорчать его в этот день никто не хотел. Он бежал и был уверен, что дома ждёт его мать, печёт пироги и готовит праздничный ужин, что он пригласит своих друзей, и они, конечно, подарят ему много разных подарков. Он заранее предвкушал всю радость этого вечера, поэтому был счастлив и словно на крыльях летел к себе домой.

Забежав в сени и отворив дверь в прихожую, он увидел на вешалке чей-то потёртый чёрный бушлат, большие армейские сапоги, кожаный ремень, кепку и понял, что в доме кто-то посторонний. Валька снял с себя верхнюю одежду и вдруг почувствовал знакомый стойкий запах крепкого табака. Смутная надежда толкнула его вперёд. Пройдя в комнату, Валька увидел со спины сидящего у стола крепкого мужчину. Он тотчас же узнал гостя и, бросив в угол портфель, кинулся к нему:

– Дядя Николай, дядя Николай, как хорошо, что вы приехали! А у меня сегодня день рождения! Пятнадцать лет исполнилось!

– Ну, поздравляю тебя, – повернулся мужчина и широко улыбнулся в ответ, – совсем взрослым стал. А у меня и подарка-то никакого для тебя нет, уж ты извини. Я ведь здесь проездом. Хотя, постой-ка. Есть у меня для тебя подарок.

Он поднялся, снял с вешалки широкий поясной ремень и отстегнул от него потёртые кожаные ножны с торчащей из них рукояткой охотничьего ножа.

– Вот, возьми. Дарю тебе на добрую память. Этот нож много раз выручал меня, помогал в трудную минуту. Может, и тебе пригодится.

Николай вынул из ножен стальной блестящий клинок с деревянной резной рукояткой и протянул Вальке.

– С днём рождения тебя! Как говорится, защиты и чести! Отваги тебе и мужества!

Мальчишка не мог поверить своим глазам. Он и мечтать не мог о таком подарке. От волнения руки у него слегка дрожали, а сердце сильно колотилось в груди.

– Спасибо, это лучший подарок за все дни рождения! Я теперь всегда буду его носить с собой!

– Только в школу не носи да не вытаскивай зря, только по делу. Нож этого не любит. Сталь у него крепкая, златоустовская. Вон, видишь, змейка выдавлена на лезвии, это знак златоустовских мастеров. Так-то, брат.

Разговор услышала мать и вышла из кухни:

– Ты что, Николай, с ума сошёл? Ребёнку неразумному ещё такой здоровенный тесак подарил. Ладно бы какой ножичек перочинный, а то вон что!

Она подошла к Вальке:

– Дай-ка сюда нож-то. Ишь, какой здоровенный, прямо страх божий. Рано тебе ещё такие ножки-то носить. Пушай пока в сундуке полежит. Подрастёшь – получишь.

Мать забрала нож и ножны и ушла с ними в свою спальню. Там, невесть откуда привезённый много лет назад, стоял старый сундук с материним добром. Всё, что она считала особо ценным, мать запирала в сундук на всячий замок, а ключ хранила на шкафу сверху, чтобы дети не могли его достать. Но Валька давно уже научился подставлять стул и брать ключ и иногда, когда матери не было

дома, открывал сундук и осторожно перебирал материны ценности. Больше всего ему нравилась узорчатая старинная шкатулка с драгоценностями. Там были старые серебряные серёжки с фианитом, янтарные бусы, большая тяжёлая подвеска со стеклянными камешками, россыпь жемчужных бусинок и прочие украшения, по мнению Вальки, не представляющие совершенно никакой ценности в настоящее время. Но ему нравилось открывать эту шкатулку и рассматривать вещи, сделанные искусными мастерами, может быть, ещё в прошлом веке. Кроме того, в сундуке было много различной одежды, аккуратно сложенной стопками; старая гармонь да медали, оставшиеся после смерти деда; потрёпанная папка с документами, в которых Валька ничего не понимал; набор столовых мельхиоровых вилок и ложек, который мать доставала только по большим праздникам для гостей, да пачка пожелтевших фотографий, на которых родители были ещё молодыми, а дед – здоровым и крепким. Вот к этим-то вещам и добавился так полюбившийся Вальке охотничий нож в кожаных ножнах. Он только услышал, как хлопнула крышка, да два раза провернулся ключ в замке. Для Вальки в этот момент словно померк свет в глазах. Слезы сами начали выступать и покатались по щекам, он отвернулся и выскочил из горницы, чтобы никто не видел его лицо.

– Куда ты, а обедать? Вернись, говорю! – успела крикнуть мать, но Вальки уже и след простыл. Он выскочил в огород, по лестнице залез на сеновал и там один долго и горько плакал от обиды.

– Зря ты так с мальцом-то, Матрёна, – сказал Николай, желая как-то сгладить неудобный момент, – он ведь у тебя неплохим парнем растёт. Гляди, какой большой уже вымахал. Помню, я в пятнадцать лет уже один в тайгу ходил, промышлял. Мать переживала, конечно, но ничего мне не говорила. Голодно было, отец-то на фронте погиб, я за главного остался. Что из тайги принесу, тому и рада.

– Ты, Николай, не ровняй послевоенное время и теперь. Какой из него добытчик? Только и горько, что матери отговаривать, да с зареченскими мальчишками драться. Уж сколько раз приходили ко мне разбираться, а он своё твердит: "Я не виноват, сами пристают!" Только я не очень-то в это верю. Его отец-то таким же задиристым был, чуть что не так – сразу в драку, потому и развелись. Да ты, верно, недавно был у него? Чай и ножик-то от него передал?

– Что ты, Матрёна, я уж давно не был у Степана. Он же на хутор переехал, на выселки, я туда не хожу. А нож-то этот у охотника знакомого выменял на ящик тушёнки. Дочка-то моя в городе работает продавщицей, у неё и отовариваюсь иногда. Да ты не серчай на меня, я ж хотел как лучше. Он у тебя парень умный не по годам, отдай ты ему нож-то, пусть это ему от меня будет подарок. А насчёт озорства я с ним поговорю – думаю, меня он послушает.

– Ой, да не знаешь ты его, Николай. Он тебе что хошь наобещает, только надолго ли? Посмотрю, как вести себя будет, тогда и отдам. Хватит зря языком трепать. Пойду-ка я схожу в лавку, ситного булку куплю, да пару батончиков, да теста, да конфет каких, день рожденья всё-таки.

Она стала собираться в магазин, и Николай понял, что разговор окончен. Надел сапоги, накинул на плечи бушлат, сдёрнул с вешалки ремень, кепку и, не прощаясь, вышел из избы. Матрёна вздохнула, присела на лавку да призадумалась. Что же это, никак с мужиками-то ей не везёт. Вот уж сколько времени ходит к ней Николай, а дело всё никак не сладится, всё не могут они слюбиться, а ведь жених он завидный, да и Вальке он нравится – вон как был рад встрече да подарку. Отец-то родной всё пил да дрался, ему и сын-то, видно, был не нужен. Уж вон сколько лет прошло после развода, а он как уехал, так больше и не появлялся. Ни весточки какой, ни денег. Пропал – одно слово. А Николай нет-нет да заглянет. То подарки привезёт, то так просто заедет. Да только надолго никогда не остаётся.

"Может я что не так делаю? – думала она. – Вон, Вальку озлила – ревёт, поди. Да как по другому-то, одна ведь я ему и за мать, и за отца. Знали бы как трудно порой. Да ведь не пожалеет никто, сама живи, как знаешь, никому дела нет".

Матрёна вздохнула, оделась, взяла старую выцветшую сумку и пошла через улицу на гору, где недалеко от полуразрушенной часовни в бывшем купеческом доме располагался магазин, в котором продавалось всё, что привозила из города автолавка – от гвоздей и керосина до соли и хлеба. А чего не было, за тем надо было ехать в город в большие магазины, да только где же взять деньги, да и время. Поэтому многие ограничивались тем, что там было, тем, что продуктовые машины и автолавки привозили в их село, а большего им было и не нужно.

Постепенно сгущались сумерки, наступал вечер и в домах начали зажигаться огни. Валька слез с сеновала и зашёл в дом. Матери ещё не было, но она, уходя, не стала закрывать дверь в дом, зная, что Валька где-то рядом, а закрыла только калитку у ворот на ключ, а уж где висит ключ, он и сам хорошо знал.

Валька, не включая свет, прошёл на кухню, вымыл у домохозяйки лицо, потом вздохнул, словно принял решение, приставил стул к шкафу и достал сверху ключ от сундука. Осторожно вставил ключ в замок и два раза повернул его против часовой стрелки. Тяжёлый замок с глухим звуком открылся, и Валька осторожно поднял крышку.

Нож лежал сверху и всем своим видом показывал, что он не из этого мира старых нафталиновых вещей, он крепкий боевой клинок, который должен постоянно находиться при деле, помогать своему хозяину, а не ржаветь среди этого старья. Взяв его в руку, Валька ощутил холодную тяжесть металла и

теплоту деревянной рукоятки. Он быстро закрыл сундук, положил ключ на место, убрал стул и лихо радочно начал собирать вещи. В его голове вдруг родился план: надо идти в соседнее село, в Ольховку, к его бабушке. Баба Надя, у которой он гостил почти каждое лето, всегда его хорошо принимала, искренне любила, прощала мелкие шалости и частенько защищала от нападков матери. Вот кто поймёт его и простит за всё, вот кто оценит значимость этого подарка. Уж она-то знает всю ценность настоящего охотничьего ножа. У неё у самой когда-то муж был охотником, пока не приключилась с ним сердечная болезнь, от которой он и умер, не дожив даже до пятидесяти лет и оставив её вдовой доживать свой век. Валька знал, что мать догадается, куда он пошёл и где надо его искать. Все каникулы у него были впереди, и об учёбе в школе он не волновался. "Вот пусть теперь без меня справляют день рождения, – с обидой подумал он, – не очень-то и хотелось".

За окном мелко стал накрапывать дождь, но Валька ничего не замечал. Быстро собрал всё необходимое в свой старый походный рюкзак, прицепил нож на ремень, накинул выдавшую виды куртку, надел кепку, сунул ноги в резиновые сапоги и выскочил во двор. Дождь ещё только начинался и, глядя на тёмное небо, Валька не мог определить, будет ли он сильнее или вскоре прекратится. Да это и не важно. Раз он решил идти, то никакая сила в мире не сможет его остановить. Он только крепче надвинул кепку да поднял воротник куртки и упрямо пошёл в сторону леса. Раз или два он оглянулся и посмотрел было в сторону дороги. Однако идти открыто по дороге не захотел, а может, боялся, что вернут его с полпути, да и короче будет через лес-то почти на час, а дорогу он знает – не в первый раз идёт.

Никто не видел его, ни одной живой души не было вокруг. Вот и знакомая тропинка, сколько раз он ходил по ней за хворостом да за грибами, а ягоды он собирать не любил, да и мало их было в этом лесу. За ягодами местные, да и городские, ходили дальше – в Бобровку. Там, на болоте да в березняке ягод бывает уйма в урожайный год, а нынче ни ягод, ни грибов – одни сморчки да поганки. Так он шёл всё дальше по тропинке в лес, и не было никаких беспокойных мыслей у него в голове. Шестнадцать километров по прямой – три-четыре часа ходу по-хорошему, и он уже этим вечером будет в Ольховке, а там и до бабушкиного дома недалеко – всего две улицы пройти.

Тропинка змейкой петляла между деревьями, то пропадая, то снова появляясь впереди, и он порой сомневался, та ли это тропинка. Несколько раз она уходила в сторону, но Валька шёл прямо и потом вообще перестал обращать на неё внимание. Он выбрал направление и шёл туда, где путь ему казался короче. Между тем, погода становилась всё хуже и, если бы не упрямство, он наверняка уже повернул бы назад, но ему так не хотелось выслушивать все эти обидные слова и вечные наставления матери. "Да что я, недомерок что ли, своя голова на плечах есть, сам себе хозяин", – думал Валька, и снова непонятная обида и злость гнали его вперёд.

Дождь всё усиливался, в лесу становилось темнее, и казалось, сама природа не хотела помогать начинавшему устывать мальчишке. Он давно уже потерял верную дорогу, едва заметная даже днём тропинка в непогоду и вовсе потерялась в непроглядной тьме. "Надо было идти по дороге, – сокрушался Валька, – было бы дольше, но зато не заблудился бы. А там, глядишь, кто-нибудь бы и подвёз. Может, и матери бы сообщили". Он уже жалел, что поругался с матерью и пошёл через лес. Заросли становились всё плотнее, и часто ему приходилось ножом прорубать себе дорогу, чтобы не сбиться с выбранного направления.

Всё чаще глядя на старые, ещё отцовские, светящиеся в темноте, часы, он понимал, что приближается ночь, мрачный бесконечный лес начинал его пугать. Остаться одному ночью в этом тёмном сыром лесу было страшно. Прошло уже четыре часа трудного пути, но дома так и не появились. Потом прошёл ещё час. Валька сильно устал, но знал, что нужно идти прямо – там родное село, даже если он ошибся направлением, то всё равно должна быть какая-нибудь дорога или тропинка, столбы с проводами, ведущие к жилью, – что-нибудь, что может ему помочь выйти к людям, а уж в такой ситуации каждый встречный поможет заблудившемуся пацану. Он всё ещё надеялся увидеть далёкий свет уличных фонарей, услышать лай собак, рёв мотора, но за шумом дождя пропадали все звуки, и в трёх метрах уже не видно было ничего, только яркие вспышки молний изредка освещали путь. Куртка и брюки его уже давно промокли и прилипали к телу, руки были исцарапаны о ветки и сучья. Он остановился под широкой сосной и достал из промокнувшего рюкзака остатки отсыревшего хлеба и бутылку с водой. Вот когда пригодился бы горячий наваристый суп, стоявший на плите. Валька уже пожалел, что не стал обедать, зря он так поспешил, да делать нечего, стоять нельзя, надо идти вперёд, пока есть силы. И он опять пошёл через тёмный лес, обходя буреломы и овраги. Нож он держал в руке, но уже устал им махать и обрубать колючие ветки, поэтому лесные заросли старался по возможности обходить.

К ночи температура заметно понизилась, и Валька начал мёрзнуть. Дождь перестал, но мокрый лес не давал одежде просохнуть. Когда надежда выйти из леса уже казалась призрачной, деревья вдруг расступились, и взору открылась покрытая рябью гладь неширокой реки. "Да это же Тельма, – догадался Валька, – рядом никакой другой реки нет, значит, Ольховка недалеко. Надо идти по течению, дальше река будет шире". Он помнил, что село изначально строили на равнине, где река стано-

вилась шире, течение слабее, а вода чище, и бабы частенько ходили на реку с мостков полоскать бельё. Валька решительно повернул направо и пошёл по течению вдоль реки, стараясь не слишком от неё отдаляться. Так он прошёл ещё некоторое время, всматриваясь вдаль, и в какой-то момент ему показалось, что на фоне реки он видит крышу небольшого дома. Может, это ему только показалось?

Валька пошёл быстрее и вот уже он довольно отчётливо увидел очертания жилого строения, но свет нигде не горел, и самих окон не было видно. Он осторожно подошёл ближе, на всякий случай сжимая в руке рукоятку ножа. Одинокий покосившийся дом в чаще леса не предвещал ему избавления от всех проблем, но переждать непогоду до утра под крышей он был бы рад. Валька начал обходить дом, ища признаки присутствия человека, как вдруг краем глаза увидел чёрную тень, которая с рычанием кинулась на него, повалила на землю и вцепилась в ногу. "Волки, – успел подумать он, – загрызут, никто и не узнает". Он закричал и, извернувшись, несколько раз ударил ножом в темноту, стараясь попасть в чёрную косматую массу, навалившуюся на него. В какой-то момент услышал визг, челюсти разжались и отпустили его ногу. С лаем и визгом страшная чёрная нечисть скрылась в темноте, но ощущение опасности осталось висеть в сыром воздухе тёмного леса. "Собака, – выдохнул с облегчением Валька, – это мне повезло, волки так просто не отпускают". Он поднялся, потрогал прокушенную ногу и, озираясь, медленно пошёл к еле заметной двери маленькой охотничьей избушки. Дверь была снаружи закрыта на щеколду, и Валька, отодвинув щеколду, толкнул её и зашёл в тёмное помещение.

В домике было сухо. Валька в темноте стал ощупывать руками пространство перед собой: скамейка, небольшой стол, полки, непонятно чем заполненные и вдруг в одном из углов в шкафчике нашёл коробок со спичками, а на столе – огарок свечи. Он чиркнул спичкой, и чёрная пугающая темнота, словно по волшебству, раздвинулась и нехотя расползлась по углам. Его взору предстала тесная маленькая комната с топчаном и низким потолком. У небольшой печки-буржуйки лежали приготовленные кем-то сухие дрова, на полке стояли пакеты с крупами, кружка и эмалированная кастрюля с ложкой, в углу лежали старая пила, выдавший виды топор и мятый металлический чайник без крышки. Внутреннее убранство комнаты завершало маленькое полупрозрачное окно и висевшие на гвозде большие болотные сапоги.

Валька зажёл свечу, открыл дверцу буржуйки и стал укладывать туда бересту и мелкие щепки для растопки. В этом деле он был специалист, не зря дома мать всегда доверяла ему растапливать печь. Вальке нравилось смотреть на огонь, слушать треск поленьев и низкий сильный гул пламени. Он любил играть со щепочками и берестой, кидая их в бушующее пламя. Но сейчас ему было не до игры. Сложенная по всем правилам куча щепок быстро разгорелась, едва только он поднёс к ней зажжённый от свечи кусок бересты. Валька быстро сунул в топку поленья и ветки, которые потоньше, и прикрыв дверцу. Пламя загудело, и тепло постепенно стало распространяться по комнате. Уже можно было снять мокрую куртку и просушить её, но Валька всё сидел и, не отрываясь, смотрел, как пляшут языки пламени и быстро пожирают ветки и поленья. Он сильно устал, ныла прокушенная левая нога, брюки и носок пропитались кровью. "Ногу надо перевязать, – подумал Валька, – иначе кровь не остановить". В шкафчике на верхней полке он нашёл бинт и йод, да ещё неполную упаковку аспирина – вот и все лекарства. Он осторожно закатал левую штанину и при свете свечи увидел рваные отметины зубов на своей ноге, из которых сочилась кровь. "Ну, это ещё ничего, – перевязывая рану, успокаивал себя Валька, – жить можно. До Ольховки как-нибудь дойду, а там баба Надя подлечит. И не такое бывало!". Он вспомнил, как однажды упал на бутылочное стекло и сильно порезал руку, но тогда рядом была школа, а в ней медпункт. Руку перевязали, а через неделю он уже без повязки снова играл с мальчишками на школьном дворе, даже не вспоминая про только что зажившую рану. На молодом да здоровом теле быстро всё заживает. Вспомнил хромого соседского деда Евсея, который, глядя на ребят, всё приговаривал: "Где ж ты, молодость моя, сытая, здоровая". Хотя, если разобраться, не было у него ни сытой, ни здоровой юности. Только голод, нужда да болезни. Может, потому он часто был заступником мальчишек в их неумном озорстве и проказах.

В домике стало тепло, и Вальку постепенно разморило. Одежду он повесил сушиться на вбитые в стену гвозди, сам улёгся на топчан, укрылся давно не стиранным одеялом и быстро уснул.

Проснулся Валька от холода. Небольшая железная печка остыла, и избушка постепенно стала терять тепло. Солнце ещё не поднялось над лесом, но за окном уже было светло. Валька встал ближе к окну и первым делом заново перевязал слегка распухшую ногу. Надо быстрее уходить, говорил ему рассудок, но голодный желудок требовал чего-нибудь поесть. Найдя на полке пшено, Валька решил сварить кашу. Он растопил печь, оделся и осторожно вышел с котелком из избушки. Погода стояла тихая, лес за ночь уже почти просох, только сильно пахло пряной листвой. Валька пошёл к реке и услышал, как где-то внизу под домом заворчала собака. Он испугался и уже вытащил было нож, но собака не нападала, она помнила вчерашний урок и предпочитала сидеть в своём укрытии, не высываясь и зализывая неглубокую, но всё ещё кровоточащую рану.

Валька зачерпнул из реки воды, где почище, и уже спокойно зашёл в дом. Налил почти половину кастрюли и поставил на печь. Остатки вылил в чайник и тоже пристроил его на печи с краю, а сам

пошёл в лес собирать мяту да ягодные листья. Кашу он никогда не варил, но видел, как это делает мать, и ему казалось, что нет в этом никакой сложности, уж он-то сварит её как-нибудь. Пока он собирал листья, вода в кастрюле закипела. Валька высыпал туда из пакета немного крупы, потом посмотрел и добавил ещё две горсти. "Пусть лучше будет больше, а то не наемся", – решил он. Все собранные листья положил в чайник и уже мечтал о том, какой ароматный будет у него чай!

Когда каша сварилась, он долго не мог понять, почему она такая невкусная, но сообразил, что в ней нет соли. Взял с полки уже початую пачку крупнозернистой серой на вид поваренной соли и на свой вкус добавил в кашу. "Есть можно! Живы будем, не помрём! – думал Валька, набивая кашей свой живот. – Лишь бы до деревни хватило. А что немного пригорела, так это только на пользу". Он налил в металлическую кружку чай, подул и осторожно попробовал. Чай получился несладкий и светло-зелёный на вид, но сахара в избушке не было, пришлось пить так.

Покончив с едой, Валька прибрал всё за собой, вымыл в реке посуду и хотел уже уходить, как вдруг заметил недалеко от избушки в зарослях странный невысокий шалаш, словно кто-то пытался укрыть там что-нибудь от чужих глаз. Он подошёл ближе и приподнял ветки. Внутри накрытый брезентом, сверкая никелированными ободьями, стоял красный мотоцикл. Валька сразу узнал его. "Ява, – выдохнул он, – вот это да!". На блестящем округлом бензобаке красовалась надпись "Jawa-350". Да это же Ивана мотоцикл, нашего механизатора. Вон, и сиденье обтянуто медвежьей шкурой – от глаза да от собак, как он говорил, да и номер его – кончается на семёрку, счастливое число, ему нравился этот номер.

Валька помнил, как после прошлогодней полевой страды председатель созывал всех в клуб на собрание. Там было подведение итогов работы да награждение передовиков с вручением грамот и подарков. Вот тогда и наградили Ивана Колокольникова, как лучшего механизатора, грамотой с вручением переходящего вымпела, да чешским мотоциклом "Ява", который был специально привезён из города. Долго ещё после этого собрания судачили соседи, что, вот, мол, тебе и Ванька-косой, каким стал знатным механизатором, а был-то заморыш заморышем, неприметным да хилым. Прозвище "Ванька-косой" привязалось к нему с детства, но не из-за раскосых глаз, а из-за того, что когда мальчишки на улице играли в "чижа" и выпадало бить Ивану, то, как он ни старался, но попасть по подлетевшему и крутящемуся "чичу" не мог, чем вызывал насмешки соседских мальчишек и обидные прозвища "мазила", "косой". Но он рос, старался, и никто толком не заметил, когда хилый тщедушный подросток превратился в грамотного, уверенного в себе, крепкого и ответственного механизатора, которого председатель посылал на самые сложные участки и знал, что этот парень никогда не подведёт. И награда в виде мотоцикла была лучшим показателем его заслуг. Иван очень гордился этим, любил и берёг свой мотоцикл, содержал его в идеальной чистоте, что в условиях села проблематично, даже хотел установить на него ветровое стекло для защиты от ветра и дождя, но не успел. Украли у него мотоцикл этим летом. Оставил он его, как обычно, у кромки поля, да только выследил кто-то, и, пока Иван работал в поле на тракторе, мотоцикл у него увели. Участковый милиционер всё успокаивал Ивана, мол, это, видно, местные ребята. Покатаются да вернут, уж больно это заметная машина. Такого мотоцикла ни у кого во всей округе нет, его все знают, продать будет сложно. Но шло время, а мотоцикл всё не находился, и Иван становился всё грустнее и неразговорчивее. Ни знакомые автоинспекторы, ни опытный участковый так ничем и не смогли ему помочь. Надежды почти не осталось. И вдруг – на тебе, ёлки зелёные, у лесной избушки, где-то в чаще леса Валька нашёл пропавший мотоцикл. Так вот кто угнал его у Колокольникова. Теперь главное было быстрее уйти от избушки и добраться до деревни, до бабушки и до милиции. А чтобы ему поверили, Валька отрезал ножом от края медвежьей шкуры, которой было накрыто сиденье, небольшой кусочек. Для того, кто украл мотоцикл, это будет незаметно, но Иван-то сразу узнает свою вещь.

Валька чувствовал, что скоро должен прийти хозяин этого зимовья, ведь ему надо каждый день кормить собаку и следить за избушкой и за мотоциклом. Если он поймёт, что кто-то был в его доме, он может перепрятать мотоцикл, и тогда доказать что-то будет почти невозможно. Несмотря на ноющую боль в ноге, Валька быстро собрал вещи и пошёл вниз по течению реки. Шум воды скрадывал его шаги, на душе стало немного спокойнее. Сколько времени он шёл, Валька не помнил, время по часам не засекал, не до того было, но вскоре показались крыши домов да старая церковь на холме.

"Ольховка, – выдохнул он облегчённо, – теперь уж точно дойду.

Лес кончился, и Валька ускорил шаг. Прокушенная нога распухла и немного ныла, но острой боли не было, и идти Вальке она не мешала. Вот и нужная улица, вон уже и бабушкин дом виден. Валька подошёл ближе и увидел собравшихся у дома людей да машину председателя колхоза – старенький ГАЗ-69, который звали в народе "козлик" за то, что при езде по неровностям он сильно раскачивался вперёд и назад – "скакал", как настоящий козёл. Вон и мать стоит с председателем да знакомый участковый – он не раз грозил наказать Вальку за разные мелкие шалости. Вон и бабушка стоит с соседями, да только смотрят все не в ту сторону, откуда идёт Валька, а на центральную дорогу. Что-то говорят и показывают руками. "Искать меня собрались, – понял Валька, – да где им меня найти, лес большой". Он побежал навстречу собравшимся людям и закричал:

– Бабушка, я здесь!

Все повернулись, бабушка развела руки и пошла навстречу Вальке. Он добежал до неё и уткнулся лицом ей в грудь, а руками крепко обнял бабушку и заплакал. Он плакал не от боли и не от усталости, ему было стыдно за свой поступок, за переживания матери, но в душе он был рад, что наконец-то все его скитания закончились, и он в добрых руках под защитой своей родной бабушки. Немного успокоившись, он рассказал, как пошёл в лес, как заблудился и как наткнулся в лесу на охотничью избушку.

– Утром хотел уже уходить, – рассказывал он, – да увидел вот так, в стороне, сложенный из веток шалаш, а там мотоцикл Ивана Колокольникова спрятан. И номер его и шкура медвежья на сиденье его.

– Врёшь ведь, поди, окаянный, – заругала мать, – может, это кого другого мотоцикл, а ты сразу – Ваньки, Ваньки!

– Да точно его! Вот, гляди, я от шкуры отрезал, – он достал из кармана и протянул матери небольшой кусочек меха.

– Ну, мех как мех, что я помню что ли, какой там у Ваньки мех был положен.

Маленький кусочек медвежьей шкуры пошёл по рукам. Все хотели посмотреть и потрогать его, словно могли точно сказать, откуда эта шкура и кому принадлежит.

– А ведь шкура-то точно медвежья, – вдруг сказал председатель, – а ну, Генка, давай-ка съезди на "Газике" до Колокольникова да привези его сюда. Уж он-то узнает свой мотоцикл. А ты, Кондрат, уж раз на мотороллере приехал, собери-ка дружинников. Все, кто у нас в дружине, пусть берут свои повязки и идут сюда. Да быстрее шевелитесь!

Генка Синицын, молодой ещё парень, резво побежал к машине. Он недавно стал работать водителем, но председатель доверял ему, и Генка старался оправдывать доверие. "Газик" зарычал и быстро помчался по дороге. Все собравшиеся пошли в дом. Вальку наперебой расспрашивали о его приключениях да промывали и бинтовали раны на ноге.

– В больницу ему надо бы, – переживала бабушка, – заражение может быть.

– Бабушка, не надо меня в больницу, – просил Валька, – надо в лес к избушке идти. Если мотоцикл перепрячут, нам его будет не найти. А я помню, где он стоит, я покажу.

– Да ты хоть поешь, покуда за Иваном-то ездят.

– Я каши поел с утра. Сварил да поел, – весело сказал Валька, – так что не голодный я, потерплю до обеда.

– Да как же ты кашу-то варил, негде варить-то было.

– А я в избушке нашёл пшено, да на печке и сварил. Я умею.

– Ох ты, господи, царица небесная, на всё воля твоя.

Баба Надя перекрестилась, всё ещё переживая за внука, и пошла ставить на плиту чайник. "Всё-таки хоть чаем надо людей напоить, – думала она, – когда ещё столько народу соберётся".

Пока пили чай да разговаривали, приехали Генка с Иваном. Как только Иван Колокольников увидел кусок медвежьей шкуры, сразу воскликнул:

– Моя шкура-то, точно моя! Вот и дырочки по краю проделаны, это я шилом протыкал, сначала хотел её к сиденью пришить, да не стал. Потом чехол из неё сделал да сверху накидывал, чтоб сиденье не марать. Валька, а ты номер-то на мотоцикле запомнил?

– Обижаете, дядя Ваня, – сделал серьёзное лицо Валька, – конечно, запомнил. Номер такой же, как раньше у вас был: 32-37 нот.

– Молодец, запомнил! Не зря я тебя на мотоцикле катал! Ну, пошли, показывай дорогу.

Все дружно вышли из дома. У ворот уже собрались дружинники. Вальку, как пострадавшего от собаки, посадили сзади на мотороллер Кондрата Егоровича, и процессия двинулась к реке.

Прошли без малого два километра, председатель стал уже переживать, не забыл ли Валька то самое место, но Валька зорко смотрел вперёд и иногда что-то показывал дяде Кондрату. Тот понимающе кивал головой и направлял мотороллер в нужную сторону, а за ним, как по проторённому пути, двигались остальные.

– Вон она, избушка-то, – в какой-то момент закричал Валька, – да осторожнее подходите, там собака.

Мотороллер остановился, остальные пошли быстрее, расходясь полукругом, чтобы взять избушку в кольцо. Впереди шёл участковый и руководил окружением. Залаяла собака, но из избушки никто не вышел. Когда подошли ближе и открыли дверь, увидели, что в доме никого нет. Подошёл Валька, внимательно осмотрел всё внутри и понял, что с того времени, как он ушёл, никто в избушку не приходил.

– Не было тут никого, – сказал он, – пойдёмте, шалаш покажу.

Он вышел из дома и уверенно направился к густым зарослям акации и можжевельника. Там в глубине и был сделан шалаш. Валька приподнял ветки и показал накрытый брезентом мотоцикл.

– Мужики, а ведь он прав, – сказал подошедший ближе Иван Колокольников, – мой это мотоцикл. Вот он где был всё это время, красавец.

Мотоцикл выкатили на поляну и очистили от веток. Иван осмотрел его, заглянул в бак:

– А грабитель не такой уж и умный. Бензина почти полный бак, а завести мотоцикл он так и не смог.

– Почему ты так думаешь? – спросил председатель.

– Да у меня здесь хитрая секретка поставлена на зажигании. Вот, смотрите, переключатель под сиденьем сделан. Если не знаешь – не найдёшь. А пока не включишь, он не заведётся.

– Ох, ты и хитрый, Ванька. Какую штуку придумал. А ну, сам-то заведёшь?

– Заведу.

Иван подкачал бензин, проверил проводку, включил секретный переключатель и несколько раз ногой сильно нажал на рычаг кик-стартера. Из выхлопной трубы раздались выстрелы и вдруг мотоцикл взревел, повалил синий дым, и в воздухе едко запахло.

– Завёлся! – кричал Иван, – Я же сказал, что заведу!

Он уменьшил обороты и стал прогревать двигатель, иногда поворачивая ручку газа. Мотоцикл послушно отзывался сочным низким рычанием сильного породистого зверя.

– Ты, Иван, увози мотоцикл, – распорядился участковый, – а Кондрат Иванович на мотороллере Вальку довезёт до дома, а уж оттуда – с Генкой на "Газике" до городской больницы – пусть его врачи осмотрят. А мы здесь засаду организуем. Ведь должен же этот паршивец прийти накормить собаку.

Так и решили. Вальку отвезли в больницу, где его осмотрел травматолог. После осмотра врач сказал, что никакие важные органы не задеты, и назначил курс лечения. Валька был рад, что ему не стали ничего резать и зашивать, а просто плотно забинтовали ногу и рекомендовали пока меньше ходить. Он, конечно, мужественно выдержал бы все страшные процедуры, но в душе Валька всё-таки боялся врачей и был рад скорее уйти из больницы.

К вечеру вернулись из засады мужики. Привели с собой неопрятного вида мужчину в телогрейке со связанными за спиной руками, посадили его в председательский "Газик" и вместе с участковым и Иваном Колокольниковым увезли в городское отделение милиции, где он был допрошен опытным следователем Алексеем Гавриловичем Рыковым, грозой местных преступных элементов, и посажен в изолятор на всё время следствия. Задержанным оказался житель Ольховки – Павел Чикмарёв по прозвищу "Чика". При задержании он сопротивляться не стал и рассказал, как украл мотоцикл. Оказывается, он давно следил за Колокольниковым, так как работал на лесопилке недалеко от того места, где Иван оставлял свой мотоцикл. Работы было мало, зарплата тоже была небольшая, и он решил, что если украсть и продать потом кому-нибудь мотоцикл, то никто никогда его не найдёт, а на вырученные деньги можно купить неплохую комнату в городе, там и работу получше найти. Но он не учёл, что Иван оборудовал свой мотоцикл хитрым секретным переключателем, и если его не включить, то мотоцикл не заведётся. Так и получилось. Напрасно Чика проверял все механизмы мотоцикла и продувал карбюратор – ничего не помогало. Обращаться за помощью к кому-нибудь в селе он не мог, до города тоже не доехать. И тогда он решил спрятать мотоцикл в лесу, у своего охотничьего домика. Места там труднопроходимые, таёжные, да и собака отгонит посторонних, если что. Он подумал, если ему всё-таки не удастся завести мотоцикл, то можно будет потом продать его на запчасти кому-нибудь в городе. Но пока найти таких людей он не смог, да и мотоцикл разбирать не хотел. Считал, что продать его целиком будет гораздо выгоднее, нужно только разобраться, как его завести. Но это ему было не суждено.

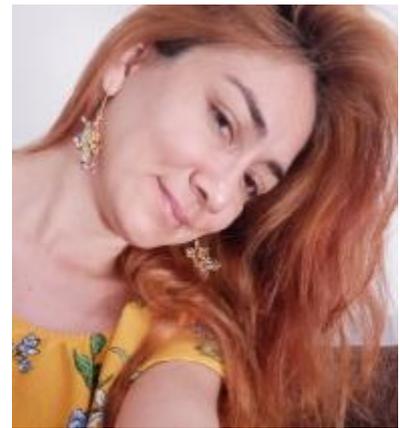
Коварным планам помешал случайно наткнувшийся на избушку в лесу простой сельский парень Валька, за что получил благодарность от участкового и грамоту от председателя колхоза. Ну и, конечно, уважение всех селян. А Иван Колокольников стал не только катать Вальку на мотоцикле, но и научил его самого водить мотоцикл.

Со временем нога у Вальки зажила полностью, впоследствии он с гордостью показывал всем едва заметные шрамы и рассказывал, как было страшно ночью в лесу, и как он отбивался от большой и злобной собаки. Эту собаку дружинники потом отвезли к ветеринару на лечение, а после её передали сторожу – охранять колхозную технику. И лучше этой собаки охранника было не найти! А Валька любил вспоминать, какой замечательный нож подарил ему тогда на день рождения дядя Николай, но из дома нож старался не выносить. Только иногда вечером он доставал свой блестящий стальной клинок и с волнением и неподдельной мальчишеской радостью рассматривал резную деревянную рукоятку, блестящее стальное лезвие и золочёную змейку, выдавленную на нём. И в этот момент глаза у него загорались каким-то внутренним золотым светом. "Защиты и чести! – шептал он в тишине. – Отваги и мужества!".

АНГА ГАОНА

Колумбия

Анга Гаона родилась в Букараманге, Колумбия, в мае 1980 года. Она профессор литературы и пластических искусств, преподавала в колумбийских колледжах и университетах, получила степень по испанскому языку и литературе в Индустриальном университете Сантандера. В 1999 году сотрудничала с поэтами журнала "Прометей", участие в Медельинском международном поэтическом фестивале подтвердило её решение посвятить себя поэзии.

За свою активную деятельность в защиту колумбийских политических заключенных была арестована в 2011 году и освобождена после организованной поэтами и ПЕН-клубом международной кампании, поэтических фестивалей по всему миру с требованием дать свободу Анге Гаона. После освобождения из тюрьмы продолжила изучение литературы.

Автор стихотворных сборников. Стихи переводились на итальянский, испанский, русский языки.

ДАЖЕ ЕСЛИ ПЕРЕД ТОБОЙ...

* * *

*Радуйся, любимая
Лука 1:28*

Даже если
перед тобой легкодоступная девушка,
ты убегаешь от неё на велосипеде,
прыгая по ступеням.

Пересекаешь мост
возле парикмахерской с купидоном,
вечно грозящим нежным чувством.

Хотя все купидоны нынче заняты.
Ими украшены квартиры.
Ангелочки застыли вокруг каменных дев,
приложив палец к губам.

Они задыхаются в их объятиях и на ярмарках,
стихийно разросшихся.
А ты лишь смотришь,
как девушки омывают волосы в потоке,
спустившись к реке...

Таблички

*Теперь, когда мы живы,
давайте возложим наши обожжённые руки
на струны арфы...
Сезар Давила Андраде*

1.
Спускаемся вниз по горящему каньону.
Проходя мимо ещё раскалённых камней,
мы вдруг обнаружили
одинокое обугленное дерево,
очень похожее на скелет,

дерево – свидетель своего конца.
А вот небо горит веками.
С детства мы смотрим на его огонь.

2.
Пыль времён, вобравшая чувства,
звонит в приглушённых голосах.

Пыль накрывает всё: но никто не видит,
никто не чувствует, как пылинки
снова и снова ложатся на нас...
Пыль, как известно, покрывает даже крики,
смягчает их и незаметно
доводит до окаменелости.

Газеты сообщили, что разбиты первые не-
сколько табличек.
Заголовки кричат, что сломали историю,
но никто не упрекает за это,
и все покорно поглощают новости.

Мы все глотаем повторяющуюся пыль.

3.
Тот, кто осмелится
ступить в раскалённую пещеру,
освящается огнём, излучающим любовь.
Тот, кто сумеет войти в каменные стены,
узнает вековые мечты
Звёздной Медведицы.

Одинокая медведица среди остатков леса
ищет по ночам мёд мира –
нетленную пищу, которая служит всем.

Сладкая лапа у этой медведицы,
её окружает большая зелёная семья.

4.
Летопись мертва.
Летопись, выполненная без букв,
исчезла в абсолютном свете.

Летопись брошена
в колодезь тишины.
Но она снова поднимается
и рассказывает историю страны.

ОСКАР СААВЕДРА ВИЛЛАРОЕЛЬ

Чили

Оскар Сааведра Вилларроель, 1977, поэт, член координационного Совета WPM, директор поэтических школ в Чили. Получил грант фонда Пабло Неруды в 2005 году и грант Совета по культуре и искусству в 2017 году за свою книгу "Монпарнас ла Викториа". Лауреат премии Габриэлы Мистраль за цветочные игры. Автор 5 поэтических книг и публикаций во многих международных антологиях.

ПОЭЗИЯ БЕЗ ГОЛОСА И ДУХА ОТ СОЛДАТА, ПИШУЩЕГО СТИХИ ДЛЯ ПИНОЧЕТА

Чилийская сеть и капитализм

Представьте себе пустой дом. Представьте, что в его пустом интерьере много клеток. Представьте, что в каждой рычит тигр. Представьте, что тигр скрывается в телевизоре. Представьте себе, что телевидение заполняет клетки. Представьте, что язык телевидения становится вашим языком. Представьте себя внутри клетки. Представьте тигра – себя – клетку. Представьте себе, что семья покупает пустоту этого дома. Представьте себе, что в семье есть отец, мать, двое детей и бабушка. Представьте, что бабушка перенесла пластическую операцию на языке. Представьте себе, что она может теперь говорить только языком телевидения. Представьте себе мать, идущую по стопам бабушки. Представьте, что отец залез в долги, чтобы заплатить за эти шаги. Представьте себе тигра, пожирающего кошелек отца. Представьте себе отца, участвующего в реалити-шоу. А теперь представьте, что тигр и отец уже вместе в телевизоре. Представьте, что дети днём и ночью смотрят программы по телевизору. Представьте себе, что телевидение, заполнившее клетки, – это уже мир и отца, и тигра. Представьте себе семью, съеденную тигром. Представьте себе тигра, пробравшегося в детские сказки.

По указанному пути

Мне приснилось, что Роберто Боланьо* постучал в мою дверь. Он сказал мне: "Я отказался от перестановки букв и придумывания слов, вы знаете, я не хочу больше капиталистических стихотворений, капиталистической прозы, капиталистических экспериментов; ни сборников стихов, сочинённых на коммерческой скорости. Мне надоел частный университет, определяющий мою мораль. Поехали в невидимые пределы Красоты".

Я обнял его, поцеловал, сказал, что он драгоценный ребёнок. Затем мы сели, чтобы представить книги, наполненные красотой, наши головы работали так, точно мы превратились в библиотеки с ногами.

"Давайте напишем нашу книгу, не откладывая и активно общаясь со всеми вокруг, – предложил он. – Пусть она будет совместной, итак: "Для чего литература?"

И дал мне новое сердце, моё было разбито.

* Роберто Боланьо Авалос (28.04.1953–15.07.2003) – чилийский поэт, прозаик, эссеист, один из первых мировых классиков XXI века.

АННА ВАРТАНЬЯН

Гулькевичи

Каждый раз, открывая книгу кубанской поэтессы Анны Вартаньян, читатели испытывают радостное чувство встречи с настоящим искусством. Анна Евгеньевна – разносторонне одарённый человек. Она пишет стихи, многие из которых стали песнями, прозу, сказки для детей, переводит на русский язык стихи белорусских и других поэтов, прекрасно играет на фортепьяно. Но, щедро одарив Анну талантами, Бог послал ей и тяжёлые испытания, которые она переживает, не предаваясь унынию, не потеряв любви и интереса к жизни. Для кубанских читателей, для всех нас, Анна Евгеньевна не только замечательная поэтесса, чьи стихи помогают увидеть и понять красоту мира, но и пример мужества, несгибаемой силы воли, доброжелательного отношения к людям. Произведения Анны Евгеньевны отличаются мягким лиризмом, напевностью, её музыкальные способности помогают тонко чувствовать слово. Неудивительно, что одним из любимых жанров поэтессы стал жанр перевода. В предисловии к книге "Побеги славянского корня", изданной совместно коллективом авторов из Гомеля, Сумы и Краснодара, есть такие слова: "...вновь и вновь вчитываюсь в поэтические строки уже полюбившихся белорусских авторов в переводе Анны Вартаньян. Благодаря её таланту и трудолюбию удивительно мелодично и образно раскрывается белорусская поэзия для нас, русских".

Многие произведения Анны Вартаньян адресованы детям. Её детские стихи, сказки, лирические миниатюры написаны доступным для юного читателя языком, но не менее поэтичны, чем её произведения для взрослых. Об этом очень верно сказал писатель Степан Деревянко: "Я, искушённый читатель, ощущаю такое чувство красоты в созвучии её стихов и лирической прозы, что мне просто хочется жить". А поэт Сергей Зубарев сравнил стихи Анны Вартаньян с картинами Анри Руссо и Нико Пиромани – представителями так называемого "наивного искусства", когда чувства, эмоциональный порыв автора важнее академических правил. Зубарев совершенно прав – Анна не сочиняет, не пишет, а дышит стихами. Для неё это способ найти себя, обрести в душе гармонию. А мы, читая её стихи, обретаем гармонию в своей душе.

Редакция журнала "Краснодар литературный" сердечно поздравляет Анну Евгеньевну Вартаньян с юбилеем и желает доброго здоровья, счастья, новых творческих взлетов!

ЧТО ТАКОЕ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ...***Зима***

Что такое, что случилось,
это что за чудеса?
Покрывало опустилось
на луга и на леса.

Белый снег упал на крышу,
я в снегу стою сама,
затаив дыханье, слышу,
как ко мне идёт Зима.

Весна

По земле идёт Весна,
дарит радости она:
на реке растаял лёд,
согревают пчёлки мёд

в расцветающем саду,
я гулять туда иду.
Звонко ласточки поют,
наводя в гнезде уют.

Лето

Прибежало в гости Лето,
в платье яркое одето.
У него в руках – корзинка,
там – смородинка, малинка,
вишни, груши, абрикос
и букет душистых роз...
"Не кончайся, Лето!" –
просит дочка Света.

Осень

Листья падают на землю тихо-тихо
и рассказывают сказки нам, шурша.
Ягод золото приносит облепиха,
дым костра уходит в небо не спеша.
Грусть на сердце и неясное волнение –
Осень дарит нам такое настроенье.

Колыбелька

Белоснежную простынку
и пушистую перинку
в колыбельку постелили
и Тамару положили.
Колыбелька качи-кач:
"Спи, Тамарочка, не плачь!"

Подушечка

На кровати есть подушка,
мы кладём её под ушко,
чтобы ночью снились сны,
сказок радостных полны...

Ладушки

Ладушки, ладушки
для дочурки Аннушки.
Прилетели голубки,
мы покормим их с руки.

В маминой ладошке
хлеба, сыра крошки.
Ладушки, ладушки
для дочурки Аннушки.

Утушка

Я беру Анютушку,
словно кроху утушку,
в ванночке купаю,
Дочке напеваю:
– А у нас вода речная,
Очень тёплая, живая,
в ней Анютушка играет
и про слёзки забывает.
Хорошо Анютушке –
нашей крохе-утушке!

Шаги к медвежонку

Начинает ходить наша дочка.
Вот ступила три первых шажочка.
Шаг ещё – и малютка упала,
и опять начала всё сначала.

Не боится, не плачет девчушка,
ведь у папы в ладонях – игрушка.
Ах, как хочется с Мишкой играть!
Только нужно к нему дошагать...

Апельсин

Ароматный апельсин –
он Луны, наверно, сын,
потому что так же ярк –
на, возьми его в подарок!

Кружева

Кружева купили Кате,
разложили на кровати.
Глазки Кати округлились:
– Ой, снежинки опустились!

Дети Зари

Роза алая раскрылась,
и Оксана восхитилась:
– Мама, мама, посмотри,
есть дочурка у Зари!
Тут ещё бутон один –
может, это будет сын?

Скрипичный ключ

Скрипичный ключ –
глава страницы нотной,
и подчиняются мелодии ему.
Одна звучит смешливо, беззаботно,
другая – плачет...
Отгадайте, почему?

Хлеб

В поле выросла пшеница –
людям всем она сестрица.
Хлеб душистый испекли,
в дом с любовью принесли.
На ладони у Тимошки
для синиц остались крошки.

Просьба

Дождь стучал, стучал по крыше.
Я его просила: "Тише,
не тревожь мою сестрёнку,
заболевшую Алёнку".
Дождь послушался, утих,
а потом родился стих.

Жираф

У жирафа шея длинная – ясно всем.
У жирафа шея длинная. А зачем?
Я решила подсказать:
чтоб до солнышка достать!

Русалка

С Данилкой за партой
русалка сидит.
Глазами зелёными
кротко глядит.

Волос золотистых
волшебный туман...
Спасибо тебе за неё, океан!

Рукодельница

Научила бабушка
Аню вышивать –
полотну прохладному
радость отдавать.

Солнце улыбается,
травка вырастает –
полотенце с нежностью
Аня вышивает.

Озорница бабочка
полетит по лугу –
вышивает Анечка
и не слышит вьюгу...

Ручей

Я нашёл в лесу ручей
и спросил его: "Ты чей?"
И услышал звонкий смех:
"Я, дитя моё, для всех!
Я бегу, бегу, бегу –
лес от жажды берегу!"

Весёлый дождь

Я по улице бежала
и дождю, смеясь, кричала:
– Здравствуй, дождик, здравствуй, друг,
ты моих коснулся рук
и полил меня, как грядку,
и пошёл плясать впрямку,
заждались земля, деревья –
ты принёс с собой веселье!

Детская библиотека

Детская библиотека –
солнца луч для человека,
человека юного,
чуткого и умного.
Сказки там найдёшь, былины –
русской древности картины,
повести, рассказы –
не прочесть всё сразу!
Понемножку, постепенно –
и полюбишь непременно
и Людмилу, и Руслана,
царство славного Салтана,
где царевна-Лебедь рада
моря принести прохладу...
Детская библиотека –
солнца луч для человека!

Сказка

Вновь чуть слышно падает листва,
о любви пытаюсь рассказать,
воздуха прозрачная канва
мне поможет сказку вышивать.

Нити осень щедро дарит мне,
синий бархат развернула ночь,
свечи затеплила на окне,
прошептала: "Теперь работай, дочь".

Грусть и нежность в вышивке сплелись,
встреч оттенки, отсветы разлук...
У дождя жемчужинки нашлись
и, упав, легко коснулись рук.

Засмотрелась юная заря
на подругой вышитый ковёр –
там холодным утром октября
разгорался сказочный костёр...

Позови

Я коснуться тебя не смею,
чтобы лаской не отпугнуть.
От любви и тоски немею
и навстречу боюсь шагнуть.

Только творчество открывает
чувства девичьего тайники,
словно властной рукой срывает
неподатливые замки.

Только нежность непреходяще,
как соната, звучит вдали,
только сердце стучит щемящее:
"Позови меня, позови..."

"Как без неба синего..."

Закатилось солнышко
за Кубань-реку.
Зарыдала девушка –
не унять тоску,
не развеять горечи,
не прогнать печаль,
только тёмной полночи
бесконечна даль.
"Где ты, мой единственный,
возвратись, молю.
Губы шепчут истоиво:
"Я тебя люблю..."
Даже маки алые без тебя грустят.
Ветры, братья шальные –
мне помочь хотят
отыскать любимого –
счастье возвратить.
Как без неба синего,
Без тебя не жить..."

ЮРИЙ НАУМОВ

Краснодар

Наумов Юрий Юрьевич родился в 1978 году. Выпускник художественно-графического факультета КубГУ (2001). Художник, преподаватель рисунка и живописи в ассоциации "Аутизм-регионы". Первая авторская выставка "Родные просторы" состоялась в 2006 году в Историческом музее г. Горячий Ключ. Автор и режиссёр поэтического моноспектакля "Босикомната" (премьера состоялась в 2016 году). Автор сборника стихотворений "В мире хаоса" (Краснодар, 2014).

ПОКА МОЛОДОЙ...*Волга трона*

Пока молодой, все тобой дорожат –
нуждается в лидере серая стая.
Но стае не нужен беззубый вожак –
у старости участь до боли простая.

Так лучше уйти, подышать в тишине –
я чую: брести мне осталось недолго.
Но шерсть ещё дыбом встаёт на спине:
попробуй-ка, тронь одинокого волка!

Сошёл я с тропы или, может, с ума?
На лес опускается злая завеса –
просвета не видно, судьба как тюрьма.
Куда убежишь из дремучего леса?

Решётки деревьев, куда ни взгляни –
не я выбирал себе участь такую.
Свобода виднеется в люке луны,
но недостижима – о ней я тоскую.

Светило, ты мирно царишь в вышине,
а я подыхаю в случайном овраге.
Ах, если бы раньше открылось ты мне –
не тратил бы силы напрасно на драки.

Я раны не ведал такой глубины.
Ужель для рывка не осталось силёнок?
Прыжок... и я вижу изнанку луны.
Свет... вместо меня там родился агнёнок.

Кладбище кораблей

О ком протяжно и уныло
поют киты?
На глубине тиха могила,
в песках винты.

Покрыты тиной люки, сваи
и якоря.
И скат неспешно проплывает,
легко паря.

На дне блестят монеты, бусы –
сундук открыт.
Желеобразные медузы,
молчанье... рыб.

Сквозь толщу моря не пробиться
сиянью дня,
а из кают взирают лица –
зовут меня.

Всем морякам, кто был отважен,
честь отдаю.
Кто победил, уже не важно,
в морском бою.

Шурша, добычу делят крабы.
А я – моллюск.
За тех, кто правы и не правы,
во тьме молось.

Будка

Там, где поле и ручей,
нюхал незабудки
без ошейника, ничей,
пёс с мечтой о будке.

В будке сухо и уют,
в гавканье работа.
Если есть и пить дают –
не нужна свобода.

Будка! В этот чудный дом
мне бы перебраться.
Жить, мечтая лишь о том,
как с цепи сорваться.

Рыбка

Молчу. Я – рыбка. Плаваю туда-сюда.
Хочется счастья. Вокруг – вода.
А поднимешься выше – крючки,
на вид аппетитные червячки.

Вот вытащили в свет селёдку:
далеко пошла – в шубе, под водку.
Хоть бы кто-нибудь
услышал, как я плачу на дне!
Приплыл бы белый
Конёк и подарил зонтик мне.

Другие рыбы давно мечут икру,
а я чувствую: не выйду за Конька – умру.
Запуталась в водорослях совсем,
тоску зелёную во тьме ем.

Ночью не спится: опять одна.
Жёлтая плавает Рыба-луна.
"Ты скажи мне, ясноликая краса,
рыбке простой приоткрой глаза:
нужны ли мне жабры, хвост и плавники?
Есть ли смысл у этой реки?"
Рыба-луна отвечала: "О-о, да-а...
Кругом – божественная ВО-ДА..."

Дворник

Я сто лет уж дворник.
Набросали тут всякого, ишь!
Тружусь с четверга по вторник,
вокруг благодатная тишь.

Секрет простой: я засунул в уши
ватные шарики, и теперь
не жду, что спасёт МЧС наши души,
сам открываю рассветную дверь.

Мету и привожу мысли в порядок,
постоянно выгребаю какой-то хлам.
С макушки до пяток
я верю, что мир – Храм.

За чистоту в ответе,
метла в руках вместо кадила.
Я понял, что всё-таки есть на свете
духовная чудо-сила.

Каждое утро с добрым чувством
гляжу на праздничную зарю,
я занимаюсь искусством –
простой метлою его творю.

ПОЛОЖЕНИЕ**о краевом литературном семинаре начинающих литераторов, посвящённом
85-летию Краснодарского края**

Краевой семинар начинающих литераторов проводится Краснодарским региональным отделением "Союз писателей Кубани" Общероссийской общественной организации "Союз писателей России" при поддержке Министерства культуры Краснодарского края в ноябре 2022 года в Краснодаре.

1. Цели и задачи Семинара:

- 1.1. Актуализация и активизация литературного процесса в Краснодаре и Краснодарском крае.
- 1.2. Поиск молодых талантливых авторов и развитие их творческих способностей посредством профессионального разбора присланных рукописей.
- 1.3. Создание поля для общения мастеров, известных писателей России и Кубани с начинающими литераторами в рамках Семинара.
- 1.4. Укрепление связей краевой писательской организации с кубанскими литобъединениями с целью повышения их творческого уровня и поддержки талантливых авторов.
- 1.5. Публикация лучших произведений в коллективном сборнике по итогам семинара, периодических литературно-художественных изданиях: "Кубанский писатель", "Родная Кубань" и др..
- 1.6. Продвижение средствами литературы базовых нравственных ценностей в молодёжной среде и увековечивание в слове подвига советских солдат в Великой Отечественной войне.

2. Участие в Семинаре:

- 2.1. В Семинаре могут принять участие начинающие литераторы, проживающие в Краснодаре и Краснодарском крае, вне зависимости от своей принадлежности к каким-либо творческим сообществам (участие авторов из других регионов рассматриваются в индивидуальном порядке).
- 2.2. Участие в Семинаре является бесплатным.
- 2.3. Для участия необходимо предоставить творческую работу согласно пункту "Порядок подачи работ".
- 2.4. Участники отбираются на конкурсной основе.
Участники семинара получают по итогу сертификаты участников.

3. Порядок подачи работ:

- 3.1. Заявки на участие и работы подаются в одном файле и принимаются с **1 марта по 31 октября 2022 года** в электронном виде по адресу: snmakarova@mail.ru в формате doc., с пометкой "на Семинар 2022"
- 3.2. Заявка участника должна включать: ФИО; псевдоним (если есть); год рождения; название творческого объединения или союза (если есть); творческую библиографию (если есть); место работы/учёбы; координаты участника (электронный адрес, почтовый адрес, телефоны).

4. Требования к текстам:

- 4.1. Принимаются только ранее не опубликованные тексты.
- 4.2. Тексты предоставляются в формате doc. при размере шрифта Times New Roman (кегль) 12 с междустрочным интервалом 1,5; для секции "Поэзия" объём не должен превышать **10 страниц формата А4**.
"Малая проза" – до 20 000 знаков с пробелами.
- 4.3. Текст должен быть на русском языке, отредактирован и откорректирован, обценная лексика, призывы к насилию, расовой и национальной дискриминации в произведениях не допускаются.
- 4.4. К рассмотрению не принимаются черновики и рукописные тексты, а также тексты, содержащие большое количество грамматических ошибок.

5. Дополнительные условия:

- 5.1. Участник может быть в любое время отстранён от участия в Семинаре в следующих случаях:

- * демонстрация взглядов, противоречащих базовым принципам;
- * антиобщественное поведение;
- * неуважение к учредителям, руководителям и другим участникам Семинара.

6. Руководители семинара

Для качественной оценки и разбора литературных произведений приглашаются видные специалисты – поэты, прозаики, критики, обладающие заслуженными званиями, высокой квалификацией, компетентностью и профессионализмом, участвовавшие ранее в качестве руководителей всероссийских и краевых семинаров, членов жюри, почётных участников и гостей в различных фестивалях и конкурсах всероссийского и международного уровней.

ПОЛОЖЕНИЕ
о краевом литературном фестивале-конкурсе
"Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Учредителями краевого литературного фестиваля-конкурса "Цвет памяти" (далее Фестиваль-конкурс) являются Краснодарское региональное отделение Союза писателей России и Администрация Крымского района Краснодарского края. Фестиваль проводится при участии Литературного музея Кубани.

1.2. Фестиваль-конкурс ставит своей главной целью увековечивание памяти члена Союза писателей России, поэта Вячеслава Александровича Динеки, популяризацию произведений писателя, осмысление творческого наследия В.А. Динеки, а также выявление талантливых авторов в Крымском районе, формирование у них любви к родному краю, к родному языку, к русской литературе; развитие духовно-нравственных литературных традиций России и пропаганду живого русского слова.

1.3. Фестиваль-конкурс проводится среди авторов, проживающих в Крымском районе и в Краснодарском крае. Возраст участников не ограничен.

1.4. Спонсорами Фестиваля-конкурса могут выступать благотворительные фонды, организации и частные лица. По вопросам спонсорской помощи обращаться в организационный комитет конкурса.

2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

2.1. Целью Фестиваля-конкурса является популяризация творчества поэта и прозаика Вячеслава Динеки, чья жизнь неразрывно связано с Кубанью, популяризация творчества кубанских авторов, профессиональное и любительское развитие литературного творчества, пропаганда художественного русского слова, развитие культурных связей.

2.2. Фестиваль-конкурс призван решать следующие задачи:

- поиск новых дарований, их поддержка, ориентация на творческое развитие;
- знакомство с творчеством В.А. Динеки;
- продвижение творчества кубанских авторов;
- продвижение литературного творчества в средствах массовой информации;
- развитие творческого потенциала самодеятельных авторов;
- развитие литературного процесса в Краснодарском крае, укрепление связей поколений;
- укрепление и развитие гуманистических литературных традиций России;
- утверждение чистоты и величия русского языка;
- утверждение базовых ценностей в гражданском обществе;
- пропаганда художественного чтения;
- привлечение внимания современной российской общественности к основополагающей роли литературы в формировании сознания подрастающих поколений и духовного становления молодёжи.

3. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

3.1. Организацию и проведение Фестиваля-конкурса осуществляет организационный комитет (далее Оргкомитет), который возглавляет Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России.

3.2. Оргкомитет конкурса решает следующие задачи:

- обеспечивает информирование участников и гостей Фестиваля-конкурса о порядке проведения, условиях участия, приём и обработку заявок;

- обеспечивает разработку и согласование макетов для дипломов, грамот;
- занимается приемом заявок и материалов на конкурс;
- организует выступления участников в культурных и учебных учреждениях района.

4. УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

4.1. К участию в Фестивале-конкурсе приглашаются авторы литературных произведений на русском языке. Возраст участников не ограничен.

4.2. Фестиваль-конкурс проводится заочно:

4.3. К работе принимаются поэтические произведения. Объём стихотворных произведений не должен превышать 150 строк, количество произведений – не более 10.

4.4. На конкурс не принимаются произведения:

- содержащие призывы к насилию, агрессивную и иного рода деструктивную пропаганду, призывы к национальной розни;
- содержащие ненормативную лексику; пропагандирующие асоциальное поведение;
- нарушающие авторское право.

Подача заявки для участия в Фестивале-конкурсе подаётся в электронном виде с указанием Ф.И.О. автора, даты рождения автора, место проживания в одном файле на адрес:

snmakarova@mail.ru. Сроки подачи заявки до 1 сентября 2022 г.

5. ЖЮРИ

5.1. Для качественной оценки работ конкурсантов Оргкомитет Фестиваля-конкурса приглашает видных деятелей литературы, обладающих высокой квалификацией, профессионализмом в творческих направлениях данного мероприятия, участвовавших ранее в качестве членов жюри, почётных участников, гостей в различных фестивалях и конкурсах краевого, всероссийского и международного уровней.

6. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ОЦЕНКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ:

6.1. Подведение итогов и чествование победителей состоится в октябре 2022 года.

6.2. Полный список выдвинутых работ не публикуется.

6.3. Члены Жюри оценивают каждую конкурсную работу по десятибалльной системе и передают свои оценки в Оргкомитет.

6.4. Проводятся заседания Жюри для отбора лучших работ. Победителями Фестиваля-конкурса становятся авторы, занявшие 3 первых места.

6.5. Победители получают специальные дипломы и призы от Оргкомитета и Жюри Фестиваля-конкурса.

6.6. Оргкомитет и Жюри не рецензируют присланные произведения, не возвращают их автору и не вступают с ним в дискуссию относительно предоставленных на Фестиваль-конкурс работ.

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 1(7), март 2022 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....03.03.2022.

Дата выпуска05.03.2022.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес типографии: г. Краснодар,
ул. Рождественская Набережная, 3

Ты, солнышко светлое, гори!
Как эта лампада бледнеет
перед искрами восходящих зарей,
так пофкаешь мудрость мерцает и тлеет
перед солнышком бессмертных змей.
Да здравствует солнышко,
да сгоритесь тышка!

(А.С. Пушкин)

